

Учреждение образования
«Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь»

II Минские криминалистические чтения

Материалы Международной
научно-практической конференции
(Минск, 10 декабря 2020 г.)

В двух частях

Часть 2

Минск
Академия МВД
2020

Редакционная коллегия:

канд. юрид. наук, доц. *Р.М. Ропот* (ответственный редактор);
канд. юрид. наук, доц. *И.А. Анищенко*;
канд. юрид. наук *А.И. Гигевич*;
канд. юрид. наук, доц. *П.В. Гридюшко*;
канд. юрид. наук, доц. *В.М. Логвин*;
канд. юрид. наук, доц. *Г.А. Павловец*;
канд. юрид. наук, доц. *И.В. Пашута*;
канд. юрид. наук, доц. *А.Н. Тукало*;
канд. юрид. наук, доц. *М.М. Якубель*

Рассматриваются наиболее актуальные вопросы уголовного процесса, судебно-экспертной и оперативно-розыскной деятельности.

Издание рассчитано на преподавателей, научных работников, адъюнктов, аспирантов, соискателей, курсантов, студентов, слушателей учреждений высшего образования юридического профиля, практических работников правоохранительных органов

© УО «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь», 2020

УДК 343.1

Р.Р. Алекперов

СОСТОЯНИЕ ЗДОРОВЬЯ ПОДОЗРЕВАЕМОГО, ОБВИНЯЕМОГО КАК ОБСТОЯТЕЛЬСТВО, УЧИТЫВАЕМОЕ ПРИ ПРИМЕНЕНИИ К НИМ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В ВИДЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПОД СТРАЖУ

В соответствии с ч. 2 ст. 117 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь при решении вопроса о необходимости применения меры пресечения к подозреваемому или обвиняемому должны учитываться характер подозрения или обвинения, личность подозреваемого или обвиняемого, их возраст и состояние здоровья, род занятий, семейное и имущественное положение, наличие постоянного места жительства и другие обстоятельства.

Эти обстоятельства позволяют должностному лицу органа уголовного преследования, судье сделать правильный выбор при применении меры пресечения [1, с. 9, 20–21]. Кроме того, исходя из смысла п. 5 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 23 декабря 2010 г. № 12 «О практике рассмотрения судами жалоб на применение мер пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста или продление срока их действия» обстоятельства, указанные в ч. 2 ст. 117 УПК, непосредственно влияют на обоснованность применения мер пресечения.

В связи с этим, на наш взгляд, справедлива точка зрения Л.И. Куркреш, что данные обстоятельства в одних случаях могут исключить применение определенной меры пресечения, в других – выступить мотивом для ее избрания [2, с. 508].

Как указано выше, одним из таких обстоятельств является состояние здоровья подозреваемого, обвиняемого. В литературе отмечается, что суть этого обстоятельства заключается в том, что учету подлежат наличие у подозреваемого, обвиняемого болезни, а также ее тяжесть и характер [3 с. 312]. Кроме того, необходимо учитывать такие факты, как наличие хронического заболевания, необходимость хирургического вмешательства и постоянного ухода. По нашему мнению, к лицам, страдающим алкогольной и наркозависимостью, а также токсикоманией,

может быть избрана более строгая мера пресечения, в том числе заключение под стражу. Это обусловлено тем, что наличие у подозреваемого, обвиняемого какой-либо из указанных зависимостей формирует асоциальный и противоправный образ жизни у этих лиц, подталкивает их на совершение противоправных действий.

Вместе с тем наличие этого обстоятельства необходимо оценивать наряду с иными факторами.

И.Л. Петрухин справедливо утверждает, что состояние здоровья подозреваемого, обвиняемого может полностью исключить возможность применения к ним меры пресечения в виде заключения под стражу [4, с. 109].

В соответствии с ч. 1.1 ст. 110 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации мера пресечения в виде заключения под стражу изменяется на более мягкую при выявлении у подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления тяжелого заболевания, препятствующего его содержанию под стражей и удостоверенного медицинским заключением, вынесенным по результатам медицинского освидетельствования. Перечень тяжелых заболеваний, препятствующих содержанию под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, порядок их медицинского освидетельствования и форма медицинского заключения утверждаются Правительством Российской Федерации. В Уголовно-процессуальном кодексе Республики Беларусь аналогичная норма не предусмотрена.

Вместе с тем постановлением Министерства внутренних дел Республики Беларусь и Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 16 февраля 2011 г. № 54/15 утверждена Инструкция о порядке медицинского освидетельствования осужденных и установлении перечня заболеваний, препятствующих дальнейшему отбыванию наказания.

Принятие этого нормативного правового акта детерминировано ст. 92 Уголовного кодекса Республики Беларусь, в соответствии с которой установлена возможность освобождения от наказания или замены наказания более мягким по заболеванию.

Конституция гарантирует каждому гражданину Республики Беларусь право на охрану здоровья (ст. 45). Согласно Концепции сотрудничества государств – участников Содружества Независимых Государств в области охраны здоровья населения, утвержденной решением глав правительств Содружества Независимых Государств от 18 сентября 2003 г., под охраной здоровья граждан понимают совокупность мер медицинского, экономического, правового, социального, культурного характера, направленных на сохранение и укрепление физического и психического здоровья каждого человека, поддержание его активной долголетней жизни. В соответствии со ст. 3 Закона Республики Беларусь от 18 июня

1993 г. № 2435-ХП «О здравоохранении» одним из принципов государственной политики в области здравоохранения является создание условий для сохранения, укрепления и восстановления здоровья населения.

Несомненно обеспечение должного уровня лечения некоторых заболеваний может стать причиной смерти человека. Следовательно, в критических состояниях объект права человека на здоровье совпадает с объектом права на жизнь [5, с. 835]. Полагаем, что при разработке перечня заболеваний, препятствующих дальнейшему отбыванию наказания, законодатель в некоторой степени учел этот подход. В связи с чем нелогичным является то, что вышеуказанное постановление распространяет свое действие только на лиц, в отношении которых вступил в законную силу приговор суда, поскольку подозреваемые, обвиняемые также могут содержаться под стражей длительный период времени (в соответствии со ст. 127 УПК только на стадии предварительного расследования максимальный срок содержания лиц под стражей по тяжким и особо тяжким преступлениям составляет 18 месяцев, а при выдаче лица Республике Беларусь – 24 месяца). Кроме того, данный вывод можно аргументировать и тем, что подозреваемые, обвиняемые содержатся под стражей в условиях, аналогичных отбыванию осужденными наказания в виде заключения в тюрьме, ареста, лишения свободы, пожизненного заключения в тюрьме.

Кроме того, следует отметить, что некоторые заболевания (например, туберкулез) могут передаваться воздушно-капельным путем, что в условиях содержания под стражей увеличивает риск его передачи другим лицам, что также ограничивает их право на охрану здоровья.

В то же время возможны ситуации, когда необходимо избрать меру пресечения в виде содержания под стражей для предотвращения совершения обвиняемым, подозреваемым ненадлежащих с точки зрения интересов уголовного процесса действий, невзирая на наличие заболеваний из вышеуказанного перечня.

В связи с вышеизложенным в целях обеспечения конституционного права лиц на охрану здоровья с учетом интересов уголовного процесса полагаем целесообразным закрепить в УПК в качестве обстоятельства, учитываемого при применении меры пресечения в виде заключения под стражу, наличие заболевания, при котором содержание подозреваемого, обвиняемого под стражей возможно только в случае, если применение иной меры пресечения не устранил возможность их ненадлежащего поведения, т. е. в исключительном порядке. При этом необходимо закрепить норму, согласно которой наличие указанного заболевания должно удостоверяться медицинским заключением, вынесенным по результатам медицинского освидетельствования.

Таким образом, ч. 2 ст. 117 УПК следует дополнить следующей нормой: «Мера пресечения в виде заключения под стражу при наличии у подозреваемого, обвиняемого заболевания, препятствующего его содержанию под стражей, применяется в исключительных случаях. Наличие указанного заболевания удостоверяется медицинским заключением, вынесенным по результатам медицинского освидетельствования».

В связи с чем необходимо распространить действие вышеуказанного постановления на лиц, содержащихся под стражей, и внести в него соответствующие изменения.

1. Меры процессуального принуждения в досудебном производстве по уголовным делам / Н.В. Буланова [и др.] ; под ред. М.Е. Токаревой. М., 2005.

2. Кукреш Л.И. Уголовный процесс. Общая часть : учеб. пособие. Минск, 2005.

3. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Республики Беларусь / Н.И. Андрейчик [и др.] ; под науч. ред. М.А. Шостака. Минск, 2014.

4. Петрухин И.Л. Неприкосновенность личности и принуждение в уголовном процессе / отв. ред. И.Б. Михайловская. М., 1989.

5. Пляхимович И.И. Комментарий к Конституции Республики Беларусь : в 2 т. Минск, 2015. Т. 1.

УДК 343.112

Е.А. Артамонова

О ПРЕДОСТАВЛЕНИИ ПОДСУДИМОМУ ВОЗМОЖНОСТИ ХОДАТАЙСТВОВАТЬ ОБ ОСОБОМ ПОРЯДКЕ СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА ВО ВРЕМЯ ПОДГОТОВИТЕЛЬНОЙ ЧАСТИ СУДЕБНОГО ЗАСЕДАНИЯ

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации предусматривает особый порядок судебного разбирательства по уголовным делам о преступлениях небольшой или средней тяжести (гл. 40 УПК РФ). В нормы этой главы, регулирующие основания применения, процедуру назначения и проведения судебного разбирательства в особом порядке, неоднократно вносились изменения с целью их совершенствования. Вместе с тем полагаем, что совершенно необоснованно без внимания законодателя остался вопрос о возможности непосредственно в судебном заседании изменить общий порядок судебного разбирательства на особый.

В современном российском правовом регулировании возможно изменение особого порядка судебного разбирательства на общий, в том числе

в случае, если о несоблюдении хотя бы одного из предусмотренных законом оснований, необходимых для особого порядка принятия судебного решения (например, подсудимый не поддерживает свое ходатайство либо имеется возражение государственного обвинителя или потерпевшего), выясняется в ходе судебного разбирательства (ч. 6 ст. 316 УПК РФ). Если судья выносит постановление о прекращении особого порядка судебного разбирательства и назначении рассмотрения дела в общем порядке, то он не вправе продолжать судебное заседание. В противном случае это влечет за собой не только нарушение процедуры, в частности ч. 4 ст. 231 УПК РФ, но и нарушение права обвиняемого на защиту, так как и сам обвиняемый, и его защитник не имеют достаточно времени должным образом подготовиться к защите. Редкие примеры отступления от этого правила на практике однозначно признаются вышестоящими судебными инстанциями существенным нарушением уголовно-процессуального закона, влекущим за собой отмену вынесенного судебного решения и возвращение уголовного дела на новое судебное рассмотрение.

Если в ходе судебного разбирательства, начавшегося в общем порядке, подсудимый выступит с инициативой о переходе к особому порядку рассмотрения уголовного дела, его желание не будет иметь правового значения. Право обвиняемого на рассмотрение уголовного дела в особом порядке не является безусловным, его реализация зависит от выполнения целого ряда предусмотренных законом условий. Причем обвиняемый вправе заявить ходатайство о постановлении приговора без проведения судебного разбирательства или в момент ознакомления с материалами уголовного дела, или в ходе предварительного слушания (ч. 2 ст. 315 УПК РФ). Последнее, не являясь обязательной процедурой (ст. 229 УПК РФ), проводится не по каждому уголовному делу, что, по сути, ограничивает возможности обвиняемого по заявлению ходатайства об особом порядке судебного разбирательства одним этапом – этапом ознакомления с материалами уголовного дела. Столь жесткое временное ограничение не вполне обоснованно. Разумно было бы предоставить подсудимому возможность выразить свое желание о рассмотрении уголовного дела в особом порядке и во время подготовительной части судебного заседания, до начала судебного следствия. Реализация подсудимым данного права во время подготовительной части судебного заседания не будет нарушать права и законные интересы других участников уголовного процесса, напротив, она будет способствовать наиболее эффективному использованию данного института. Как известно, основные отличия упрощенного судебного производства от производства в общем порядке проявляются именно в судебном след-

ствии и заключаются в порядке и объеме исследования собранных по делу доказательств. Поэтому если подсудимый изъявит желание перейти от общей процедуры к упрощенной во время подготовительной части судебного заседания и суд, согласившись с ним, примет такое решение, то продолжение рассмотрения дела в особом порядке судебного разбирательства возможно без вреда для уголовного правосудия. Негативные последствия такого решения усматриваются лишь в вызове в суд свидетелей, специалистов и экспертов, участие в судебном разбирательстве которых не потребуются, но их тяжесть смягчается тем, что на практике многие из указанных участников уголовного процесса, как правило, не являются по вызову на первое судебное заседание. В остальном же введение такой процедуры предоставит существенные преимущества для судопроизводства: упрощается процедура, сокращаются сроки, гарантируется смягчение уголовно-правовых последствий. Не будет нарушено и право подсудимого и защиту, поскольку ему была предоставлена возможность подготовиться к полноценному судебному разбирательству, а фактически сложность процесса снижается.

УДК 343.263

Е.Е. Босак, Н.Г. Абрамова, А.В. Осколков

О ПРИМЕНЕНИИ ЗАПРЕТА ОПРЕДЕЛЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ КАК МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ

Международные стандарты рекомендуют имплементацию правовых норм, касающихся недопущения чрезмерно частого избрания мер пресечения, изолирующих обвиняемых (подозреваемых) от общества. В целях обеспечения реализации европейских стандартов и более гуманного отношения к обвиняемым (подозреваемым) в 2018 г. в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации закреплена новая мера пресечения – запрет определенных действий. Для обеспечения явки обвиняемого (подозреваемого) по вызовам в органы предварительного расследования и недопущения препятствования им производству по уголовному делу права и свободы такого лица ограничиваются, однако без его изоляции в жилом помещении, что является ключевым отличием новой меры пресечения от ранее действовавших принудительных мер в уголовном процессе России.

В апреле – декабре 2018 г. в России судами было удовлетворено 301 ходатайство об избрании меры пресечения в виде запрета определенных действий, за 2019 г. – 1246 аналогичных ходатайств [1].

Учеными и практиками, анализировавшими трехлетний опыт применения новой меры пресечения, выявлен ряд не устраненных до настоящего времени противоречий и проблем.

Вместе с введением статьи о запрете определенных действий в уголовно-процессуальный закон ст. 106 УПК РФ дополнена ч. 8.1, в которой законодатель предусмотрел возможность применения отдельных запретов одновременно с другими мерами пресечения (залогом и домашним арестом). Однако это нововведение противоречит норме ч. 1 ст. 97 УПК РФ, гарантирующей обвиняемому (подозреваемому) применение только одной из мер пресечения, предусмотренных законом. Такая ситуация категорически не согласуется с принципом альтернативности избрания мер пресечения [2, с. 109]. В качестве предложения, направленного на устранения данного противоречия, К.А. Дзалба предлагает исключить из ч. 1 ст. 97 УПК РФ норму о возможности избрания лишь одной меры пресечения [3]. По нашему мнению, исключение указанной нормы будет направлено на ужесточение ограничений в отношении обвиняемого (подозреваемого). Полагаем, что система мер пресечения достаточна для того, чтобы обеспечить законный выбор одной из процессуально-принудительных мер, не нарушая действующие нормы.

Запрет определенных действий содержит шесть видов, изучение которых позволило выявить следующие аналогии. Четыре из шести запретов (п. 1, 3–5 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ) представляют собой бывшие ограничения и (или) запреты, применявшиеся при домашнем аресте. Другие два запрета (п. 2 и 6 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ) содержательно напоминают виды наказания, предусмотренные ст. 47 и 53 УК РФ. Следовательно, запреты, установленные этой мерой пресечения, не совсем новы. Несмотря на это, уголовно-процессуальный закон не устанавливает сроков применения запретов-«наказаний» [4, с. 40], что без установленных законом временных рамок бесконечно ограничивает права обвиняемого (подозреваемого).

В настоящее время в нормах ст. 105.1 УПК РФ отсутствует правило о зачете времени исполнения запрета на выход из жилого помещения в срок заключения под стражу и в срок наказания. Запрет этого действия по своему содержанию сходен с домашним арестом, поэтому полагаем оправданной необходимость урегулировать механизм зачета срока данного запрета по аналогии с соответствующим механизмом зачета срока домашнего ареста (в части, касающейся выхода из жилого помещения). Следовательно, учитывая требования п. 1.1 ч. 10 ст. 109 УПК РФ, один день запрета на выход из жилого помещения необходимо засчитывать из расчета за один день домашнего ареста, а два дня действия такого запрета – за один день содержания под стражей [5, с. 48].

Следует отметить, что данной нормой ограничивается конституционное право на получение квалифицированной юридической помощи, предусмотренное ст. 48 Конституции Российской Федерации. По нашему мнению, необходимо внести дополнение в ч. 8 ст. 105.1 УПК РФ с указанием в норме на защитника как на лицо, в общении с которым обвиняемый (подозреваемый) не может быть ограничен в праве использования телефонной связи. Таким же образом предполагается урегулировать действующий по умолчанию запрет на телефонный звонок близким родственникам подконтрольного лица (например, престарелым родителям в целях выяснения их самочувствия, несовершеннолетним детям в целях контроля их нахождения в момент обучения и после и т. п.) [6, с. 144].

Отмечая существование проблемы эффективного контроля за соблюдением запретов обвиняемым (подозреваемым) на контакты с определенными лицами, считаем, что только применение аудиовизуального устройства, установленного по месту жительства обвиняемого (подозреваемого), обеспечит возможность доподлинно проконтролировать исполнение ограничений [7, с. 31]. При этом, как выяснилось в ходе практического применения такого устройства, возникает проблема соблюдения прав лиц, проживающих совместно с обвиняемым (подозреваемым), которому избрана мера пресечения в виде запрета определенных действий. Лица, не являющиеся участниками уголовного процесса, категорично высказываются о своей неготовности размещать в своем жилище контролирующие устройства, обосновывая свой отказ в том числе возросшим размером оплаты электроэнергии за их использование [8, с. 76].

В целях обеспечения эффективного контроля со стороны уголовно-исполнительных инспекций за обвиняемым (подозреваемым), в отношении которого избрана мера пресечения в виде запрета определенных действий, предусмотрено применение оборудования системы электронного мониторинга подконтрольных лиц. Данная система призвана оказывать профилактическое действие на обвиняемого (подозреваемого), предостерегая его от совершения новых преступлений и правонарушений, а также от нарушения им обязательств, предусмотренных условиями меры пресечения.

В научной литературе встречаются высказывания о том, что новая мера пресечения была призвана обеспечить достойную альтернативу заключению под стражу. Применение мер пресечения к обвиняемому (подозреваемому) обусловлено необходимостью достижения определенных целей. Однако запреты, предусмотренные в ст. 105.1 УПК РФ, не гарантируют достижение целей мер пресечения [9, с. 77].

Несмотря на функционирование системы электронного мониторинга подконтрольных лиц, в настоящее время уголовно-исполнительные ин-

спекции лишены достаточного количества организационно-технических ресурсов для осуществления надлежащего эффективного контроля за лицами, которым запрещены определенные действия в качестве мер пресечения [10, с. 368].

Следовательно, до тех пор, пока у ФСИН России не будет 100%-й технической возможности осуществлять контроль за обвиняемым (подозреваемым), цели меры пресечения в виде запрета определенных действий в полном объеме не могут быть достигнуты.

Таким образом, полагаем, что при обосновании перед судом необходимости избрания того или иного запрета определенных действий следователю (дознавателю) в ходе расследования по уголовному делу рационально в полном объеме исследовать личность обвиняемого (подозреваемого). По нашему мнению, допустимо рекомендовать обязательное установление сведений об условиях проживания лица, наличии (отсутствии) семьи, круге общения, социальном статусе в обществе, трудоустройстве и его вероятном должностном положении, праве пользования и наличии (отсутствии) транспортного средства, а также средств мобильной связи и сети Интернет. Представление суду установленных органами предварительного расследования вышеуказанных обстоятельств будет способствовать принятию им наиболее оправданного решения при выборе одного или нескольких запретов определенных действий как меры пресечения при рассмотрении соответствующего ходатайства.

1. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации [Электронный ресурс] : офиц. сайт. URL: <http://www.cdep.ru> (дата обращения: 28.09.2020).

2. Сафаров В.Р., Муратшина А.Т., Сафиуллина Р.Р. Запрет определенных действий: толкование и проблемы применения // Пениitenciарная система и общество: опыт взаимодействия : сб. материалов VII Междунар. науч.-практ. конф., Пермь, 2–4 апр. 2020 г. / Перм. ин-т ФСИН России ; сост. В.А. Овченков. Пермь, 2020. С. 109–110.

3. Дзалба К.А. Запрет определенных действий – как мера пресечения в уголовном процессе России // Центр. науч. вестн. 2020. Т. 5, № 11. С. 5–7.

4. Саденова А.Б. Запрет определенных действий как мера пресечения: теоретические и практические аспекты // Юрид. факт. 2020. № 83. С. 37–41.

5. Абрамова Н.Г., Джангирян М.Э. К вопросу о мере пресечения в виде домашнего ареста: современное состояние // Восточ.-Европ. науч. журн. 2020. Т. 1, вып. 58. С. 47–49.

6. Осколков А.В. Процессуальные особенности назначения меры пресечения в виде запрета определенных действий // Функционирование учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания, в условиях реформирования

уголовно-исполнительной системы : сб. материалов межвуз. науч.-практ. конф., Псков, 18 окт. 2019 г. / Псков. фил. Акад. ФСИН России. Псков, 2019. С. 141–145.

7. Босак Е.Е. Об исполнении меры пресечения в виде запрета определенных действий // Функционирование учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания, в условиях реформирования уголовно-исполнительной системы : сб. материалы межвуз. науч.-практ. конф., Псков, 18 окт. 2019 г. / Псков. фил. Акад. ФСИН России. Псков, 2019. С. 29–35.

8. Шабанов В.Б., Буданова Л.Ю. Применение мер пресечения в виде домашнего ареста и запрета определенных действий: проблемы реализации // Уголов.-исполн. право. 2020. Т. 15, № 1. С. 75–78.

9. Гришин А.В., Чувальникова В.И. Запрет определенных действий как мера пресечения, избираемая по судебному решению // Науч. вестн. Орлов. юрид. ин-та МВД России им. В.В. Лукьянова. 2020. № 2. С. 72–79.

10. Босак Е.Е., Осолков А.В. Запрет определенных действий: проблемы применения // Борьба с преступностью: теория и практика : сб. тез. докл. VIII Междунар. науч.-практ. конф. (Могилев, 23 апр. 2020 г.) / Могилев. ин-т М-ва внутр. дел Респ. Беларусь ; редкол.: Ю.П. Шкаплеров (отв. ред.) [и др]. Могилев, 2020. С. 367–369.

УДК 343.132

Е.В. Бошукова

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ПРОВЕДЕНИЯ СЛЕДСТВЕННОГО ЭКСПЕРИМЕНТА

Согласно ст. 26 Конституции Республики Беларусь никто не может быть признан виновным в преступлении, если его вина не будет в предусмотренном законом порядке доказана и установлена вступившим в законную силу приговором суда.

Существенное значение в достижении целей раскрытия преступления имеет профессиональный и грамотный подход к проведению следственного эксперимента. Основанием проведения следственного эксперимента является наличие достаточных данных полагать, что в ходе проведения опытных действий могут быть проверены, уточнены и выяснены обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела.

Для правильного и эффективного проведения следственного эксперимента необходимо доскональное изучение уголовно-процессуального законодательства, а также правоприменительной практики.

В соответствии с ч. 1 ст. 207 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь в целях проверки и уточнения данных, имеющих значение для уголовного дела, следователь вправе провести следственный эксперимент путем воспроизведения действия, обстановки или иных обстоятельств определенного события. При этом проверяется возможность

восприятия каких-либо фактов, совершения определенных действий, наступления какого-либо события, а также выявляется последовательность произошедшего события и механизм образования следов.

Уголовно-процессуальный закон определяет право проведения следственного эксперимента не только за следователем, но и за судом. Согласно ст. 341 УПК следственный эксперимент проводится судом с участием сторон, а при необходимости – и с участием свидетелей, эксперта и специалиста с соблюдением правил, предусмотренных ст. 207 УПК.

Следует отметить, что следственный эксперимент используется при расследовании преступлений нечасто, так как для его проведения необходимо привлечение определенных материальных и технических средств, а также значительного количества участников. В соответствии с ч. 2 ст. 207 УПК в случае необходимости к участию в следственном эксперименте могут привлекаться подозреваемый, обвиняемый, потерпевший, свидетель, специалист, эксперт и лица, проводящие опытные действия с их согласия. Участникам следственного эксперимента разъясняются его цели и порядок проведения.

На практике при толковании ст. 207 УПК возникают проблемные ситуации: проведение следственного эксперимента часто сводится к воспроизведению действий, обстановки или иных обстоятельств определенного события, а не к экспериментальному исследованию подобных действий, обстановки, обстоятельств конкретного события, имеющих значение для расследования уголовного дела.

Ошибки и неточности при проведении следственного эксперимента возникают из-за отсутствия в уголовно-процессуальном законе точного перечня обязательных действий, которые необходимо выполнить при организации и проведении следственного эксперимента, а также перечня обязательных документов по итогам проведения данного следственного действия.

Таким образом, следователь подготавливает и проводит следственный эксперимент по своему усмотрению, так как отсутствует точная регламентация действий следователя. Кроме того, при проведении следственного эксперимента следователь пользуется правами, предусмотренными общими нормами уголовно-процессуального закона, но права и обязанности других участников следственного эксперимента определены недостаточно четко. Следовательно, в уголовно-процессуальном законе необходимо указать обязательные действия следователя при подготовке и проведении следственного эксперимента, так как от этого будет зависеть результат следственного эксперимента, а также безопасность участников и соблюдение их прав.

Еще одна проблема возникает при проведении следственного эксперимента в жилом помещении. В соответствии с ч. 1¹ ст. 207 УПК следственный эксперимент в жилище и ином законном владении проводится только с согласия собственника или проживающих в нем совершеннолетних лиц либо по постановлению следователя, органа дознания с санкции прокурора или его заместителя, которое должно быть предъявлено до начала следственного эксперимента, и с участием понятых. Следовательно, положения ч. 1¹ ст. 207 УПК позволяют проводить следственный эксперимент в жилище и ином законном владении без согласия собственника при наличии санкции прокурора или его заместителя. Однако в таком случае нормы уголовно-процессуального закона не соответствуют нормам Конституции Республики Беларусь, что требует уточнения и урегулирования.

Таким образом, для эффективного проведения следственного эксперимента в уголовно-процессуальном законе должна быть четко регламентирована процедура подготовки, проведения и последующего документального оформления следственного эксперимента. В связи с этим необходимо внести изменения и дополнения в ст. 207 УПК, которыми будут детально регламентированы цели, организация и проведение следственного эксперимента, а также права и обязанности участников следственного эксперимента.

УДК 343.1

Л.Ю. Буданова, О.П. Александрова

ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УЧАСТИЯ СПЕЦИАЛИСТА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИИ

Развитие научно-технического прогресса обуславливает последовательное расширение сферы применения специальных знаний в уголовном судопроизводстве, а потому вопросы их использования в процессе доказывания обстоятельств уголовного дела, доказательственного значения заключения и показаний специалиста, его процессуального статуса не теряют своей актуальности.

Анализ судебной практики показывает, что в подавляющем большинстве случаев (75 %) специалист привлекается для дачи заключения, тогда как для дачи показаний – только в 15 % случаев, для участия в следственных действиях – в 10 % случаев, а для постановки вопросов эксперту – практики выявлено не было.

Проведенное исследование также позволило определить, что в 5 % случаев заключение специалиста используется на стадии возбуждения

уголовного дела, в 17 % случаев – на стадии предварительного расследования, в 78 % случаев – на судебных стадиях уголовного судопроизводства.

В целях укрепления принципа состязательности сторон законодатель предоставил право на использование в доказывании помощи специалистов и стороне защиты, которая достаточно активно пользуется данным правом. Так, согласно анализу решений суда в 76 % случаев специалист вовлекался в уголовное судопроизводство защитником и в 24 % – следователем, дознавателем.

Законодательно закрепленная в ч. 3 ст. 80 УПК РФ дефиниция «заключение специалиста», под которым понимается представленное в письменном виде суждение по вопросам, поставленным перед специалистом сторонами, на протяжении длительного времени порождает оживленные дискуссии процессуалистов по поводу возможности проведения данным участником уголовного процесса исследований.

По поводу использования в доказывании показаний специалиста отметим, что законодатель, определяя их в ч. 4 ст. 80 УПК РФ как сведения, сообщенные им на допросе об обстоятельствах, требующих специальных знаний, а также разъяснения своего мнения в соответствии с требованиями ст. 53, 168 и 271 УПК РФ, однако в перечисленных статьях никаких положений по поводу показаний специалиста не содержится.

Так, в ст. 53 упоминается лишь о возможности защитника привлекать специалиста в соответствии со ст. 58 УПК РФ, хотя согласно ч. 3 ст. 86 УПК РФ защитник может проводить только опрос лиц с их согласия, а не допрос.

Ст. 168 УПК РФ посвящена общим вопросам участия специалиста в следственных действиях, без конкретизации применительно к допросу, только при производстве которого и могут быть получены показания специалиста.

В ст. 271 УПК РФ содержится указание лишь на то, что суд не вправе отказать в удовлетворении ходатайства о допросе в судебном заседании лица в качестве специалиста, явившегося в суд по инициативе сторон.

Что же касается использования показаний специалиста на стадии возбуждения уголовного дела, то в данном случае можно сделать однозначный вывод об отсутствии такой возможности, так как допрос может производиться только по возбужденному уголовному делу.

Некоторые вопросы возникают и по поводу законодательной регламентации участия специалиста в отдельных следственных действиях.

Согласно ч. 1 ст. 178 УПК РФ должностное лицо, уполномоченное на производство следственных действий, должно производить осмотр трупа с участием судебно-медицинского эксперта, а если таковой не мо-

жет участвовать, то приглашается врач. При необходимости для осмотра трупа также могут привлекаться другие специалисты.

По нашему мнению, в обозначенной выше норме законодатель допустил терминологическую неточность, которая затрудняет единообразное ее толкование и применение на практике. Экспертом согласно положениям ч. 1 ст. 57 УПК РФ именуется лицо, проводящее судебную экспертизу по постановлению уполномоченного должностного лица и дающее заключение, которое содержит выводы, сделанные по результатам проведенного исследования по поставленным перед ним вопросам. Однако при осмотре трупа речь не может идти о проведении экспертизы, так как это разные следственные действия, каждое из которых проводится по своим правилам и в своем порядке. Полагаем, что законодатель в ч. 1 ст. 178 УПК РФ ошибочно указал не процессуальное наименование участника процесса, а занимаемую должность, что не соответствует общей доктрине уголовно-процессуального законодательства.

С учетом изложенного полагаем целесообразным изложить ч. 1 ст. 178 УПК РФ в следующей редакции: «Следователь производит осмотр трупа с участием специалиста, обладающего специальными знаниями в области судебной медицины».

По смыслу ч. 4 ст. 179 УПК РФ освидетельствование лица, сопряженное с его обнажением, должно производиться только должностным лицом того же пола, что и освидетельствуемый, или врачом.

По нашему мнению, указанная норма не корреспондируется с положениями ст. 38–41, 157 УПК РФ, которые устанавливают исчерпывающий перечень субъектов, уполномоченных на производство следственных действий, к числу которых относятся следователь, руководитель следственного органа, орган дознания (при выполнении поручения следователя или дознавателя либо при производстве неотложных следственных действий по делам, подследственным следователям), начальник подразделения дознания, начальник органа дознания, дознаватель.

Врач не уполномочен ни на производство следственного действия, тем более что освидетельствование может осуществляться принудительно, ни на фиксацию его хода и результатов в протоколе. Достоверность протокола освидетельствования, составленного должностным лицом, уполномоченным на производство следственных действий, со слов врача, осмотревшего тело человека, вызовет серьезные сомнения при оценке данного источника доказательств и скорее всего такое доказательство будет признано недопустимым.

В связи с изложенным выше и в целях устранения противоречий в УПК РФ предлагается ч. 4 ст. 179 УПК РФ изложить в следующей редакции: «Освидетельствование лица, сопряженное с его обнажением, про-

изводится только уполномоченным должностным лицом органа предварительного расследования того же пола, что и освидетельствуемый. Следователь вправе привлечь к производству освидетельствования специалиста, обладающего специальными знаниями в области медицины, результаты которого оформляются заключением специалиста».

Внесенные предложения по изменению законодательства могут способствовать повышению эффективности использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве.

УДК 343.137.5

Н.Ю. Веселов

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАИЛУЧШИХ ИНТЕРЕСОВ РЕБЕНКА В СФЕРЕ ЮВЕНАЛЬНОЙ ЮСТИЦИИ

В настоящее время принцип обеспечения наилучших интересов ребенка как на международном, так и на национальном уровне признается одним из руководящих принципов обеспечения прав детей во всех сферах общественных отношений. Особую специфику этот принцип приобретает в сфере ювенальной юстиции, где поведение ребенка может вступать в конфликт с публичными интересами или правами (частными интересами) других лиц. Ст. 3 Конвенции ООН о правах ребенка также определяет, что с целью обеспечения ребенку такой защиты и заботы государства должны принимать все необходимые законодательные и административные меры.

Дальнейшее теоретическое толкование в сфере ювенальной юстиции понятие «наилучшие интересы ребенка» получило в Руководящих принципах Комитета министров Совета Европы, касающихся дружественного к детям правосудия, 2010 г. Нормы этого документа запрещают пытки, бесчеловечное или унижающее достоинство отношение к детям, наказания. В соответствии с Руководящими принципами при оценке интересов детей в сфере ювенальной юстиции следует уделять должное внимание их взглядам и мнению; дети вправе рассчитывать на равное обращение независимо от социального статуса, национальности, расы, вероисповедания; для надлежащего учета интересов всех сторон конфликта уполномоченными органами должен применяться комплексный подход, учитывающий имеющиеся риски, психологическое и физическое благополучие ребенка, а также его правовые, социальные и экономические интересы. При этом Руководящие принципы к категории таких детей относят всех

несовершеннолетних, участвующих в юрисдикционных производствах (виновные, потерпевшие, свидетели). Руководящие принципы приняты в качестве практического инструмента для адаптации государствами своих национальных судебных и внесудебных систем к обеспечению прав, интересов и потребностей детей в каждой конкретной ситуации. Ссылаясь на практику Европейского суда по правам человека, Урсула Килкелли подчеркивает, что выяснение и оценка наилучших интересов ребенка являются прежде всего задачей национальных органов власти [1, р. 220]. Таким образом, на международном уровне понятие «наилучшие интересы ребенка» имеет рамочный (ориентировочный) характер. Может ли оно предусматривать конкретный перечень интересов на национальном уровне правового регулирования?

В настоящее время законодательство Украины не содержит прямого определения указанного понятия, впрочем его толкование косвенно дается через понятие «обеспечение наилучших интересов ребенка». Согласно ст. 1 Закона Украины от 26 апреля 2001 г. № 2402-III «Об охране детства» это действия и решения, направленные на удовлетворение индивидуальных потребностей ребенка в соответствии с его возрастом, полом, состоянием здоровья, особенностями развития, жизненным опытом, семейным положением, культурной и этнической принадлежностью, которые учитывают мнение ребенка, если он достиг такого возраста и уровня развития, которые позволяют ему такое мнение выражать. В законодательстве Грузии, например, определение понятия «наилучшие интересы ребенка» дается в Кодексе о правах ребенка и Кодексе о правосудии в отношении несовершеннолетних. Одной из целей последнего из названных правовых актов является защита наилучших интересов несовершеннолетних в процессе правосудия. При этом под наилучшими интересами несовершеннолетних в Кодексе Грузии о правосудии в отношении несовершеннолетних понимают интересы безопасности, благосостояния, здравоохранения, образования, развития, ресоциализации, реабилитации и иные интересы несовершеннолетних, определяемые в соответствии с международными стандартами и индивидуальными характеристиками несовершеннолетнего, а также с учетом его мнения.

В уголовном производстве Украины наилучшие интересы ребенка обеспечиваются требованиями об обязательном участии защитника путем установления максимального времени допроса несовершеннолетних (до 2 часов в день), привлечения законного представителя, педагога, психолога или врача, задержания и содержания под стражей несовершеннолетнего только в случае, если он подозревается или обвиняется в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления, приоритета передачи несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого под наблюдение

и т. д. До передачи несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого под надзор другим лицам суд обязан собрать сведения о личности родителей, опекунов или попечителей, их отношениях с несовершеннолетним и убедиться в том, что они могут должным образом осуществлять надзор за несовершеннолетним. С целью учета индивидуальных черт каждого отдельного ребенка в уголовном производстве закон, а в некоторых случаях отдельные подзаконные правовые акты предусматривают соответствующую дополнительную специализацию судей, следователей (дознателей), прокуроров. Это так называемые практические аспекты учета наилучших интересов ребенка в сфере ювенальной юстиции.

В Заключительных замечаниях и рекомендациях по Украине Комитет ООН по правам ребенка еще в 2011 г. рекомендовал провести анализ законодательства, политики и программ, касающихся систем ювенальной юстиции, с целью обеспечения всестороннего учета в них принципа наилучших интересов ребенка.

По нашему мнению, в рамках реформирования правосудия в отношении детей в Украине следует кардинально изменить порядок реагирования на общественно опасные деяния, совершенные лицами, не достигшими возраста уголовной ответственности, путем выведения их за пределы уголовно-правовых отношений. Вместо ныне существующего судебного рассмотрения уголовного производства и назначения судом принудительных мер воспитательного характера новый порядок принятия внесудебных мер к таким лицам должен предусматривать (после проведения предварительного расследования и установления всех обстоятельств общественноопасного деяния) закрытие уголовного производства и решение вопроса о применении к таким детям административно-правовых мер, направленных на их социальную реабилитацию. Основу таких мер реагирования может составить предложенный нами комплекс мер превентивного ухода за ребенком с проблемами поведения. Это меры административно-правового вмешательства, включающие образовательную поддержку, здравоохранение, социальные, психологические и другие услуги как для ребенка, так и для его родителей (лиц, их заменяющих), для достижения положительных изменений в поведении ребенка, отвлечения от асоциальных привычек и склонностей, создания условий для его социализации. Этот комплекс включает меры минимального и умеренного превентивного присмотра за ребенком, а также комплексную помощь членам его семьи, когда ребенку назначен минимальный превентивный присмотр. Для осуществления умеренного превентивного присмотра за ребенком в системе специальных учреждений для детей в Украине следует создать детские центры социализации – специализированные учебно-воспитательные

учреждения для детей, имеющих устойчивые проблемы с поведением, в которых учебно-воспитательный процесс сочетался бы с коррекцией агрессивного поведения несовершеннолетнего с целью восстановления у него социальных коммуникационных связей [2, с. 135].

Таким образом, обеспечение наилучших интересов ребенка является исходным требованием в обеспечении прав детей. Учитывая это, полагаем, что дефиниция данного понятия в сфере ювенальной юстиции должна содержать только общий ориентир на гарантирование и обеспечение витальных и социальных потребностей ребенка как участника юрисдикционных производств с учетом его возрастных, биологических и социальных особенностей. Наилучшие интересы ребенка являются идеальной категорией, поэтому представить полный перечень всех таких потребностей в одном определении является задачей сложной и нецелесообразной. При любых обстоятельствах перечень таких интересов не может быть исчерпывающим. По нашему мнению, содержательное наполнение указанного принципа в сфере ювенальной юстиции должно идти от практики к теории.

Действительный интерес ребенка предшествует правам и обязанностям независимо от того, находит ли он прямое закрепление в законодательстве или просто подлежит правовой защите со стороны государства. Соответственно, закрепленный в нормах позитивного права такой интерес можно назвать законным интересом ребенка. Наилучшие интересы всех детей вообще и в каждом конкретном случае должны быть отдельно оценены и сбалансированы с целью согласования возможного конфликта публичных интересов, а также интересов других детей.

1. Kilkelly, U. *The Child and the European Convention on Human Rights*. Ashgate, 2000.

2. Веселов М.Ю. Превентивні заходи у правовій доктрині ювенальної юстиції. *Економ. теорія та право*. 2020. № 1. С. 127–141.

УДК 343.98

А.Ф. Волобуев, Т.А. Орлова

УГОЛОВНЫЕ ПРОСТУПКИ: ОБЕСПЕЧЕНИЕ КАЧЕСТВЕННОГО РАССЛЕДОВАНИЯ В УКРАИНЕ

С 1 июля 2020 г. в Украине вступили в силу изменения, внесенные в уголовное и уголовно-процессуальное законодательство, – учрежден институт уголовных проступков и упрощенной процедуры их досудебного расследования в форме дознания. Этому предшествовала дискуссия среди ученых и практиков [1–4], поскольку возникала необходи-

мость пересмотра ряда традиционных концептуальных положений не только уголовного права, но и уголовного процесса, криминалистики. Кроме того, это вызвало необходимость определенных трансформаций в структуре правоохранительных органов, перераспределения полномочий между отдельными подразделениями, подготовки кадров для них. Встал вопрос и о соответствующей корректировке учебного процесса, в частности в учебных заведениях системы МВД Украины.

Введение упрощенной процедуры досудебного расследования в форме дознания обусловлено существованием большого количества незначительных по характеру и степени общественной опасности преступлений, о которых в органы предварительного расследования поступает огромное количество заявлений. Именно это привело к чрезмерной перегруженности следователей, когда в их производстве находилось одновременно 200–300 уголовных дел, а иногда и более 1000. Конечно, такая ситуация делала невозможным проведение качественного досудебного расследования и побуждала следователей к имитации активной деятельности, в том числе по делам о тяжких и особо тяжких преступлениях. Выход из этой ситуации виделся в выделении незначительных по характеру и степени общественной опасности преступлений в отдельную группу под названием «уголовные проступки» и передачи их досудебного расследования вновь образуемым подразделениям дознания. Однако эта мера нуждалась в существенном пересмотре ряда институтов уголовного права и уголовного процесса, концептуальном переосмыслении ряда теоретических положений. В настоящее время законодатель к уголовным проступкам относит по формальным признакам противоправные деяния, за совершение которых предусмотрено основное наказание в виде штрафа в размере не более 3000 необлагаемых минимумов доходов граждан (51 000 грн.) или другое наказание, не связанное с лишением свободы (ч. 2 ст. 12 УК Украины). Под это понятие попали 126 из 780 всех составов преступлений, предусмотренных уголовным законом Украины. Для этого законодатель по отдельным из них снизил строгость наказания, а по другим поднял его уровень по сравнению с ранее существовавшим. В частности, к категории уголовных проступков отнесены следующие наиболее распространенные уголовные преступления: умышленное легкое телесное повреждение (ст. 125 УК Украины), кража (ч. 1 ст. 185 УК Украины), мошенничество (ч. 1 ст. 190 УК Украины), хулиганство (ч. 1 ст. 296 УК Украины), незаконное производство, изготовление, приобретение, хранение, перевозка или пересылка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов без цели сбыта (ч. 1 ст. 309 УК Украины).

Следует отметить, что в связи с введением института уголовных проступков из украинского уголовного права исчезло понятие «престу-

пление средней тяжести», а все преступления, которые ранее относились к этой категории, теперь считаются нетяжкими. В соответствии с обновленной ст. 12 УК Украины современная классификация уголовных преступлений выглядит следующим образом: уголовные проступки (основное наказание не связано с лишением свободы, штраф не превышает 3000 необлагаемых минимумов доходов граждан), нетяжкие преступления (основное наказание – штраф не более 10 000 необлагаемых минимумов доходов граждан или лишение свободы до 5 лет), тяжкие преступления (основное наказание – штраф не более 25 000 или лишение свободы до 10 лет), особо тяжкие преступления (основное наказание – штраф более 25 000 необлагаемых минимумов доходов граждан, лишение свободы свыше 10 лет или пожизненное лишение свободы).

Кроме изменения классификации уголовных преступлений были установлены различные формы их досудебного расследования. Если раньше существовал единый для всех уголовных преступлений порядок расследования в форме досудебного следствия, то сейчас для уголовных проступков установлена упрощенная процедура – расследование в форме дознания, продолжительность которого не может превышать одного месяца. Несмотря на это, процедура дознания предусматривает широкий перечень следственных (розыскных) действий, которые могут проводиться до внесения сведений в Единый реестр досудебных расследований в отличие от процедуры досудебного следствия. Так, согласно ч. 3 ст. 214 УПК Украины для выяснения обстоятельств совершения уголовного проступка до внесения сведений в Единый реестр досудебных расследований может быть: отобрано объяснение; проведено медицинское освидетельствование; получено заключение специалиста и сняты показания технических приборов и технических средств, имеющих функции фото- и киносъемки, видеозаписи, или средств фото- и киносъемки, видеозаписи; изъято орудие и средства совершения уголовного проступка, вещи и документы, являющиеся непосредственным предметом уголовного проступка или обнаруженные при задержании лица, личном досмотре или досмотре вещей.

Результатам проведения указанных действий предоставлен статус процессуальных источников доказательств (ч. 1 ст. 298¹ УПК Украины). Процедурой дознания также предусмотрен и другой порядок представления стороной защиты ходатайства о проведении экспертизы. Согласно ч. 2 ст. 298⁴ УПК Украины в случае несогласия с результатами медицинского освидетельствования или заключением специалиста лицо в течение 48 часов вправе обратиться к дознавателю или прокурору с ходатайством о проведении экспертизы. В таком случае дознаватель или прокурор вправе обратиться к эксперту для проведения экспертизы. Если

в течение установленного срока лицо не обратилось с ходатайством о проведении экспертизы, соответствующее ходатайство может быть заявлено только в ходе судебного разбирательства. Следует отметить, что особенности досудебного расследования уголовных проступков определены в отдельной главе УПК Украины (гл. 25), которые касаются также начала дознания, задержания подозреваемого, сообщения о подозрении, продолжения и остановки сроков дознания и т. д.

Данные положения указывают на то, что проведение досудебного расследования в форме дознания требует достаточно глубоких юридических знаний, которые мало чем отличаются от профессиональных знаний следователя. Это обуславливает необходимость отдельного рассмотрения вопроса о подготовке кадров для подразделений дознания в системе учебных заведений МВД Украины. Согласно ч. 1 ст. 40¹ УПК Украины дознаватель при осуществлении дознания наделяется полномочиями следователя. Имеющаяся практика формирования штатной численности органов дознания показывает, что существует равенство следователя и дознавателя в объеме денежного содержания. Нужно обратить внимание и на положение УПК Украины, согласно которому статус дознавателя может быть предоставлен уполномоченному лицу другого подразделения Национальной полиции Украины (п. 4¹ ст. 3 УПК Украины). Очевидно, что речь идет о сотрудниках оперативных подразделений, патрульной полиции, участковых инспекторах, которые имеют соответствующую подготовку (получили образование в ведомственном учреждении высшего образования).

Учитывая возложенные на дознавателя обязанности по досудебному расследованию уголовных проступков и необходимый для этого объем знаний по уголовному праву, уголовному процессу, криминалистике и о судебных экспертизах, полагаем, что овладение ими возможно только при подготовке по учебным программам специальности «Право». Сейчас практика формирования штатной численности органов дознания показывает, что на должности дознавателей назначаются (переводятся) следователи или сотрудники оперативных подразделений. Не является исключением и назначение на должности дознавателей выпускников учреждений высшего образования МВД Украины, которых готовили для патрульной полиции или как участковых инспекторов.

Проблема заключается в том, что в ведомственных учреждениях высшего образования учебный процесс организуется по двум специальностям: 1) «Право – 081» – для подготовки кадров для следственных подразделений (профессиональная программа следователя основывается на высшем юридическом образовании) со сроком обучения четыре года; 2) «Правоохранительная деятельность – 262» – для подготовки кадров для опера-

тивных подразделений, патрульной полиции, участковых инспекторов со сроком обучения три года. Разница заключается не только в сроках обучения, но и в программах уголовно-правовых дисциплин, которые существенно короче на факультетах по специальности «Правоохранительная деятельность», а потому они не позволяют довести уровень подготовки до уровня следователей. В связи с этим нужно обратить внимание, что в настоящее время специальность «Правоохранительная деятельность» в соответствии с Перечнем отраслей знаний и специальностей, по которым осуществляется подготовка соискателей высшего образования, утвержденным постановлением Кабинета Министров Украины от 29 апреля 2015 г. № 266, не является правовой специальностью, а отнесена к сфере гражданской безопасности.

В заключение отметим, что для обеспечения качественного расследования уголовных проступков необходимо приравнивание не только статуса дознавателя к следователю по денежному обеспечению и специальной званию, но и по уровню его юридической подготовки, что возможно лишь по специальности «Право».

1. Мірошніченко Н.А. Визначення проступку та злочину в кримінальному праві України // Актуал. проблеми політики. 2014. Вип. 51. С. 331–335.

2. Задорожний Б. Кримінальні проступки: швидке розслідування без реального захисту [Електронний ресурс] // Закон і бізнес. URL: https://zib.com.ua/ua/139881kriminalni_prostupki_shvidke_rozsliduvannya_bez_realnogo_zah.html (дата звернення: 09.09.2020).

3. Шагарська Таміла. Кримінальні проступки: основні аспекти [Електронний ресурс] // Юрид. газ. URL: <https://yur-gazeta.com/publications/practice/kriminalne-pravo-ta-proces/kriminalni-prostupki-osnovni-aspekti.html> (дата звернення: 09.09.2020).

4. Татаров Олег. Кримінальні проступки: бути чи не бути? [Електронний ресурс] // Закон і бізнес. URL: <https://radako.com.ua/news/kriminalni-prostupki-buti-chi-ne-buti> (дата звернення: 09.09.2020).

УДК 343.13

М.Ю. Гаврилюк, Н.Ю. Веселов

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ИСПОЛНЕНИЯ РЕШЕНИЯ ОБ АРЕСТЕ ИМУЩЕСТВА В УГОЛОВНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ УКРАИНЫ

Одним из средств обеспечения уголовного производства является арест имущества. Эта мера обеспечения в рамках уголовного производства упоминается в ряде международных правовых актов, например

в Конвенции Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности 2000 г. (ст. 12), Конвенции Совета Европы об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности 1990 г. (ст. 11, 12) и т. д.

По Уголовному процессуальному кодексу Украины арест имущества – временное, до отмены в установленном законом порядке, лишение (по решению следственного судьи или суда) права на отчуждение, распоряжение и (или) пользование имуществом, в отношении которого существует совокупность оснований или разумных подозрений считать, что оно является доказательством уголовного преступления, подлежит специальной конфискации у подозреваемого, обвиняемого, осужденного, третьих лиц, конфискации у юридического лица, для обеспечения гражданского иска, взыскания с юридического лица полученной неправомерной выгоды, возможной конфискации имущества. Арест имущества накладывается и отменяется в установленном УПК Украины порядке (ст. 170).

С ходатайством об аресте имущества к следственному судье, суду имеют право обратиться прокурор, следователь по согласованию с прокурором, а с целью обеспечения гражданского иска – также гражданский истец. Следственный судья, суд отказывают в удовлетворении ходатайства об аресте имущества, если лицо, которое его подало, не докажет необходимость такого ареста, а также наличие рисков, предусмотренных абзацем вторым ч. 1 ст. 170 УПК Украины. Согласно ч. 5 ст. 173 УПК Украины в случае удовлетворения ходатайства следственный судья, суд выносят определение, в котором среди прочего отмечают порядок выполнения постановления с указанием способа информирования заинтересованных лиц. В ст. 175 УПК Украины указано, что определение следственного судьи (суда) об аресте имущества выполняется немедленно следователем, прокурором. Впрочем в ст. 36 и 40 УПК Украины о таких полномочиях следователя либо прокурора в рамках уголовного производства не упоминается. Фактическое исполнение определения следственного судьи или суда об аресте имущества выходит за пределы уголовно-процессуальных отношений и выполняется в рамках исполнительного производства.

Исполнительное производство как завершающая стадия судебного производства и принудительное исполнение судебных решений и решений других органов (должностных лиц) представляет собой совокупность действий органов и лиц, направленных на принудительное исполнение решений, которые проводятся по основаниям, в пределах полномочий и способом, определенными законодательством Украины. Перечень решений, которые подлежат принудительному исполнению, а также способы их выполнения устанавливает Закон Украины от 2 июня 2016 г. № 1404-VIII «Об исполнительном производстве».

Согласно этому Закону принудительному исполнению подлежат решения на основании следующих исполнительных документов: 1) исполнительных листов и приказов, издаваемых судами в предусмотренных законом случаях на основании судебных решений, решений третейского суда, решений международного коммерческого арбитража, решений иностранных судов и на других основаниях, определенных законом или международным договором Украины; 2) судебных приказов; 3) определений судов по гражданским, хозяйственным делам, делам об административных правонарушениях, по уголовным производствам в случаях, предусмотренных законом. В ст. 1 Закона Украины от 2 июня 2016 г. № 1403-VIII «Об органах и лицах, осуществляющих принудительное исполнение судебных решений и решений других органов» указано, что принудительное исполнение судебных решений возлагается на органы государственной исполнительной службы.

Ч. 3 ст. 535 УПК Украины предусматривает, что, в случае если судебное решение или его часть подлежит исполнению органами государственной исполнительной службы, частным исполнителем, суд выдает исполнительный лист, который обращается к исполнению в порядке, предусмотренном Законом «Об исполнительном производстве».

Проблема в том, что УПК Украины, устанавливая возможность исполнения судебных решений в уголовном производстве органами государственной исполнительной службы, не предусматривает их среди исполнителей (как, например, в ситуации с наложением ареста на имущество), не устанавливает порядок обжалования действий, решений или бездействия государственного исполнителя при исполнении решений, принятых в уголовном производстве.

Показательным примером актуальности этой проблемы является постановление Большой Палаты Верховного Суда Украины от 22 января 2020 г. по делу № 823/564/17. Предметом спора являлось обжалование решения государственного исполнителя (постановления об открытии исполнительного производства) в административный суд, связанного с исполнением определения следственного судьи о наложении ареста на имущество в рамках уголовного производства, принятого по нормам УПК Украины, и нарушения, допущенные исполнителем при принятии такого решения, поскольку, по мнению истца, такое постановление вынесено без надлежащих правовых оснований, а именно без выдачи судом исполнительного листа. Истец мотивировал свои требования тем, что исполнительное производство было открыто на основании исполнения определения следственного судьи о наложении ареста на имущество в рамках уголовного производства. В частности, было отмечено, что судом не был выдан исполнительный лист, а это противоречит тре-

бованиям законодательства об обязательной выдаче судом исполнительного листа в случае исполнения судебного решения в уголовном производстве органами государственной исполнительной службы. Истец также отмечал, что решение следственного судьи о наложении ареста на имущество в силу предписаний ст. 175 УПК Украины исполняется следователем, прокурором, поэтому открытие государственным исполнителем исполнительного производства является противоправным. Истец сводил свои требования к тому, что, поскольку им обжалуется не напрямую определение следственного судьи о наложении ареста на имущество, а постановление государственного исполнителя об открытии исполнительного производства, спор по этому делу должен быть решен по правилам административного судопроизводства.

При принятии окончательного решения позиция Большой Палаты Верховного Суда Украины заключалась в том, что УПК Украины урегулирован вопрос наложения следственным судьей ареста на имущество, а также обжалования постановления, определения следственного судьи о наложении такого ареста. УПК Украины также предусматривает возможность исполнения судебных решений органами государственной исполнительной службы, однако не устанавливает порядок обжалования действий, решений или бездействия государственного исполнителя при исполнении решений, принятых в уголовном производстве. При том в соответствии со ст. 181 Кодекса административного судопроизводства Украины участники исполнительного производства (кроме государственного исполнителя, частного исполнителя) имеют право обратиться в административный суд с иском с заявлением, если считают, что решением, действием или бездействием государственного исполнителя или другого должностного лица органа государственной исполнительной службы или частного исполнителя нарушены их права, свободы или интересы, а также если законом не установлен иной порядок обжалования решений, действий или бездействия таких лиц. Таким образом, с учетом того, что в УПК Украины не предусмотрен порядок обжалования решений, действий или бездействия государственной исполнительной службы при принудительном исполнении судебных решений, принятых в уголовном производстве, участники исполнительного производства могут обжаловать такие решения, действия или бездействие в порядке административного судопроизводства. Большая Палата Верховного Суда Украины удовлетворила иск истца и направила дело в суд первой инстанции для продолжения рассмотрения.

Данный судебный прецедент положительно решает вопрос о возможности обжалования действий государственного исполнителя, направленных на исполнение определения суда, касающегося уголовного

производства, пусть даже в порядке административного судопроизводства. Однако данное постановление Большой Палаты Верховного Суда Украины не устраняет, а только подчеркивает имеющийся пробел в процессуальном порядке исполнения решения о наложении ареста на имущество в уголовном производстве.

В связи с этим возникает вопрос: каким образом следователю или прокурору исполнять определение об аресте имущества? Несовершенство правовой регламентации этого вопроса требует внесения соответствующих изменений в уголовное процессуальное законодательство Украины.

С учетом изложенного полагаем необходимым ст. 175 УПК Украины изложить в следующей редакции:

«1. Определение об аресте имущества исполняется немедленно по поручению следователя, прокурора органами государственной исполнительной службы, частным исполнителем.

2. В случае если решение или часть определения подлежит исполнению органами государственной исполнительной службы, частным исполнителем, следственный судья или суд выдает исполнительный лист, который обращается к исполнению в порядке, предусмотренном для исполнения судебных решений».

При условии внесения соответствующих изменений в уголовное процессуальное законодательство будет восполнен пробел и решение суда о наложении ареста на имущество в уголовном производстве будет приведено в соответствие исполнительному.

УДК 343.148

И.А. Горовая

ДОСТОВЕРНОСТЬ КАК КРИТЕРИЙ ОЦЕНКИ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ЭКСПЕРТА

Фактические данные, содержащиеся в заключении эксперта, должны быть оценены в соответствии со ст. 105 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь. Одним из критериев оценки является достоверность, характеризующая доказательство как соответствующее действительности. Действительность фактических данных, содержащихся в заключении эксперта, должна быть подвергнута проверке в соответствии со ст. 104 УПК путем их анализа, сопоставления с другими доказательствами, имеющимися в материалах и уголовном деле, получения других доказательств, подтверждающих или опровергающих проверяемое доказательство. Указанные положения уголовно-процессуального

закона подвергаются осмыслению со стороны исследователей уголовно-процессуальной науки и криминалистики.

По мнению А.С. Рубиса, оценка достоверности заключения эксперта является комплексным понятием, включающим в себя оценку научной достоверности методики экспертного исследования и лишь затем – сопоставление полученных в установленном законом порядке фактических данных с совокупностью собранных по делу доказательств. Такую оценку, отмечает ученый, могут и должны производить лица, осуществляющие уголовное преследование и судопроизводство [1, с. 40–41]. В этой связи он считает, что следует обеспечить подготовку юристов, повышение квалификации следователей, судей, прокуроров, адвокатов с учетом необходимости оценки применяемых экспертами методик [2, с. 27]. На необходимость оценки научной обоснованности выводов эксперта сквозь призму правильности избрания и применения соответствующей экспертной методики указывает и Р.С. Белкин, считая, однако, данное утверждение весьма спорным для исполнения следователем или судом. Выход из сложившейся ситуации – в привлечении для консультаций специалиста в соответствии с российским законодательством [3, с. 406–407].

Считаем спорным имеющееся в научной литературе мнение, что достоверность выводов эксперта должна подтверждаться путем проверки следователем правильности избранной методики экспертного исследования. Полагаем, что следователь вправе оценивать достоверность содержания заключения эксперта только процессуальными средствами в соответствии со ст. 104 УПК, а именно путем анализа изложенных в заключении сведений и соотнесения их между собой как непротиворечащих друг другу, а также с иными имеющимися доказательствами, полученными в ходе производства по материалам и уголовному делу.

Подвергнуть сомнению те или иные сведения из заключения эксперта следователь вправе, если имеются противоречия в логике изложения содержания вводной, исследовательской и заключительной частей, противоречия и несоответствия выводов эксперта поставленным на разрешение вопросам, объему и сфере примененных и описанных в исследовательской части методов. При этом следователь имеет процессуальные средства реагирования для фиксации и устранения вышеуказанных недостатков, а именно предусмотренную форму содержания заключения эксперта, сообщения о невозможности дачи заключения (ст. 236 УПК), отвод эксперта (ст. 85 УПК), допрос эксперта (ст. 237 УПК), назначение и проведение дополнительной или повторной экспертизы (ст. 239 УПК). Более детальная проверка достоверности заключения эксперта и обоснования использования той или иной методики исследования в целях последующего использования органами уголовного преследования

или судом должна лежать в сфере методического контроля деятельности экспертов со стороны Государственного комитета судебных экспертиз.

Такая позиция основана на разделении функций следователя и эксперта. Для выполнения каждым из них своих функциональных обязанностей УПК и ведомственные нормативные правовые акты предусматривают ряд процедур, правил, требований, в соответствии с которыми осуществляются непосредственные должностные обязанности, связанные с расследованием уголовных дел (следователь) и проведением экспертиз (эксперт). В случае если следователь будет пользоваться экспертными методиками оценки содержания заключения эксперта, то он выйдет за рамки своих полномочий, определенных нормативными предписаниями, а уровень его компетенции в любом случае не будет в полной мере соответствовать сфере применяемых знаний.

С учетом четкого разделения функций в данном случае усматривается и морально-этическая сторона невмешательства следователя в сферу деятельности эксперта. В Республике Беларусь статус действующего эксперта подтверждается соответствующим образованием и уровнем квалификации, установленной процедурой получения и подтверждения допусков на право проведения конкретных видов экспертиз, должностными обязанностями судебного эксперта, стажем работы в указанной сфере, строго регламентированной в УПК процедурой проведения экспертиз, закреплением и разъяснением прав и обязанностей эксперта, в подтверждение чего в каждом заключении последний ставит свою подпись, а также личной ответственностью за дачу заведомо ложного заключения в соответствии со ст. 401 УК. В таком случае у следователя нет оснований не доверять эксперту и ставить под сомнение обоснованность применяемых последним методик для выводов по экспертизе. Ведь если существует необходимость научно-методической оценки следователем заключения эксперта, то, значит, следователь должен по таким же основаниям оценивать все процессуальные документы, составленные оперуполномоченным, участковым инспектором милиции, другим следователем в рамках материалов проверки или расследуемого уголовного дела. По нашему мнению, принцип всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств уголовного дела является основополагающим критерием для соблюдения баланса между процессуальной экономией, рациональным использованием сил и средств, затраченных при производстве по материалам и уголовным делам, и достижением истины по делу.

1. Рубис А.С. Оценка достоверности заключения эксперта в уголовном процессе и проблемы экспертного обеспечения правосудия в Республике Беларусь // Законность и правопорядок. 2013. № 1. С. 39–44.

2. Рубис А.С. К вопросу о достоверности вывода эксперта и необходимости оценки методик экспертных исследований // Законность и правопорядок. 2012. № 2. С. 24–27.

3. Криминалистика : учеб. для вузов / Т.В. Аверьянова [и др.] ; под ред. Р.С. Белкина. 2-е изд., перераб и доп. М., 2005.

УДК 343.131

Д.А. Гришин

ПРАВО НА КВАЛИФИЦИРОВАННУЮ ЮРИДИЧЕСКУЮ ПОМОЩЬ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИИ

Полноценное участие в уголовном судопроизводстве, использование всего комплекса правовых средств, предоставленных законодательством, для защиты своего правового статуса определенно требует наличия специальных юридических знаний.

Сущность законодательства Российской Федерации определяется фундаментальным положением Конституции РФ, которая закрепила в качестве высшей ценности человека, его права и свободы, определив при этом их признание, соблюдение и защиту обязанностью государства. Каждому гарантируется судебная защита его прав, а также предоставляется право защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом.

Реализация указанных положений требует создания оптимального соотношения интересов государства и личности. УПК РФ, ориентированный на уголовное судопроизводство, основанное на принципе состязательности, должен при процессуальной регламентации статусов участников данной деятельности создавать достаточную определенность их положения при производстве по уголовным делам.

Осознавая значимость создания системы получения квалифицированной юридической помощи, законодатель закрепил в Конституции Российской Федерации соответствующие гарантии. Согласно ст. 48 Основного Закона каждому гарантируется право на получение квалифицированной юридической помощи, а в определенных ситуациях ее оказание осуществляется на безвозмездной основе.

В соответствии со ст. 2 Федерального закона РФ от 21 ноября 2011 г. № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» граждане имеют право на получение бесплатной юридической помощи в предусмотренных законодательством Российской Федерации случаях и порядке. В данном нормативном правовом акте предусмотрено создание государственной системы бесплатной юридической по-

мощи, участниками которой являются органы исполнительной власти, органы управления государственных внебюджетных фондов, государственные юридические бюро. При этом в качестве принципов оказания бесплатной юридической помощи декларируются ее доступность, обеспечение реализации и защиты правового статуса личности, социальная справедливость, равенство доступа граждан к получению данной услуги. Закрепляется также формирование негосударственной системы бесплатной юридической помощи, оказываемой юридическими клиниками (студенческие консультативные бюро, студенческие юридические бюро и др.) и негосударственными центрами.

Согласно ст. 6 ФЗ РФ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» в рамках оказания юридической помощи осуществляется правовое консультирование, составление документов правового характера, представление интересов гражданина в суде.

К категориям граждан, потенциально имеющих право на получение такой помощи в рамках уголовного судопроизводства, относятся: граждане, среднедушевой доход которых ниже величины прожиточного минимума; инвалиды I и II группы; ветераны Великой Отечественной войны, Герои Российской Федерации, Герои Советского Союза, Герои Социалистического Труда, Герои Труда Российской Федерации; дети-инвалиды, дети-сироты, дети, оставшиеся без попечения родителей, их законные представители и представители по вопросам, связанным с обеспечением и защитой прав и законных интересов таких детей; граждане пожилого возраста и инвалиды, проживающие в организациях социального обслуживания, предоставляющих социальные услуги в стационарной форме; граждане, признанные судом недееспособными, а также их законные представители, если они обращаются за оказанием бесплатной юридической помощи по вопросам, связанным с обеспечением и защитой прав и законных интересов таких граждан.

Бесплатная юридическая помощь предоставляется: подозреваемым, обвиняемым согласно ст. 17, 50, 51 УПК РФ (участие защитника обеспечивается государством, а его труд оплачивается из средств федерального бюджета); категориям граждан в соответствии с перечнем, закрепленным в ФЗ РФ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации»; несовершеннолетним, их родителям или иным законным представителям, в отношении которых проводится индивидуальная профилактическая работа, согласно ст. 8 Федерального закона РФ от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних».

Однако действительно квалифицированную юридическую помощь в рамках уголовного судопроизводства могут оказать на профессиональ-

ной основе лишь представители адвокатского корпуса (ст. 1 Федерального закона РФ от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»).

В ст. 16 УПК РФ в качестве фундаментального положения соответствующей деятельности закреплён принцип обеспечения подозреваемого и обвиняемого права на защиту. В частности, каждый задержанный, заключённый под стражу, обвиняемый в совершении преступления имеет право пользоваться помощью адвоката (защитника) с момента соответственно задержания, заключения под стражу или предъявления обвинения. На важность указанного права лица, привлекаемого к уголовной ответственности, обращается внимание и в п. 1 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 июня 2015 г. № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве», отмечая, что правом на защиту обладает лицо, права и свободы которого существенно затрагиваются или могут быть существенно затронуты действиями и мерами, свидетельствующими о направленной против него обвинительной деятельности, независимо от формального процессуального статуса такого лица [1, с. 17; 2, с. 140]. Кроме того, специально предусмотрены случаи обязательного участия защитника, услуги которого оплачиваются государством.

Российская Федерация гарантирует любому лицу на своей территории защиту от преступных посягательств. Данный вывод следует из анализа ст. 2 УК РФ, а также ст. 52 Конституции Российской Федерации, согласно которой права потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью охраняются законом, государство обеспечивает потерпевшим доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба [3, с. 53]. Нельзя обойти вниманием и положения международных правовых актов, закрепляющих право потерпевшего на материальную, социальную помощь, на получение необходимой помощи в ходе судебного разбирательства, таких как Всеобщая декларация прав человека, Декларация основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотреблений властью, Международный пакт о гражданских и политических правах.

Несмотря на предусмотренные гарантии, в настоящее время имеет место дисбаланс прав стороны обвинения и защиты применительно к вопросу оказания квалифицированной юридической помощи. Полагаем, что человек, пострадавший в результате совершения преступления, вправе рассчитывать на максимально полное восстановление своего правового статуса, возмещение материального ущерба и компенсацию морального вреда, причиненных ему. Действительно, для обеспечения защиты своих интересов в уголовном судопроизводстве (особенно в рамках предварительного расследования), реализации соответствующих

средств в процессе доказывания [4, с. 66], подготовки искового заявления о компенсации вреда, причиненного преступлением, в большинстве случаев требуется квалифицированная юридическая помощь. В связи с чем считаем необходимым с точки зрения взятых на себя обязательств Российской Федерацией, принципа равенства перед законом и судом, социальной справедливости предусмотреть в уголовно-процессуальном законе право потерпевшего пользоваться квалифицированной юридической помощью для надлежащей защиты своих прав и свобод в рамках производства по уголовному делу.

1. Брыляков С.П. Защита прав подозреваемых из числа осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы. Новокузнецк, 2017.

2. Жарко Н.В., Новикова Л.В. Дискуссионные вопросы законодательного регулирования оснований для производства о применении принудительных мер медицинского характера // Науч. обозрение. Серия 1, Экономика и право. 2015. № 4. С. 139–144.

3. Мальчук О.И., Нуждин А.А. Оперативно-разыскное обеспечение предупреждения и раскрытия преступлений, совершаемых членами организованных преступных групп в исправительных учреждениях // Вестн. Моск. ун-та МВД России. 2018. № 2. С. 53–55.

4. Шаталов А.С., Антипов А.Ю. Использование в доказывании по уголовным делам результатов оперативно-розыскной деятельности: тенденции и перспективы // Изв. Тул. гос. ун-та. Эконом. и юрид. науки. 2017. № 4-2. С. 64–70.

УДК 343.184

Е.В. Гулина

ЗАДЕРЖАНИЕ ПО ПОДОЗРЕНИЮ В СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В РОССИИ И КИТАЕ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Уголовно-процессуальный институт задержания по подозрению в совершении преступления давно привлекает к себе внимание как практических сотрудников, так и ученых [1, с. 61–66].

В соответствии с ч. 1 ст. 91 УПК РФ задержать лицо по подозрению в совершении преступления, за которое может быть назначено наказание в виде лишения свободы, при наличии одного из указанных в данной статье оснований имеют право орган дознания, дознаватель, следователь. При этом ч. 2 ст. 14 Федерального закона РФ от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» детально регламентирует перечень лиц, которых имеет право задерживать полиция. Следовательно, данной мерой государственного принуждения пользуются и иные подразделения

правоохранительных органов (по сравнению с указанными в ч. 1 ст. 91 УПК РФ), такие как патрульно-постовая служба, дорожно-патрульная служба, участковые уполномоченные полиции и др.

В соответствии со ст. 61 УПК КНР право осуществлять задержание имеют органы общественной безопасности, включающие в себя более широкий круг лиц, выполняющих полицейские функции (охрана общественного порядка, защита политического и государственного строя, высшего руководства государства и важных государственных объектов, антитеррористическая борьба и противодействие экстремизму и сепаратизму на территории Китая).

Полагаем, что перечень лиц, которые имеют право производить задержание, указанных в ст. 91 УПК РФ, необходимо расширить и привести в соответствие ФЗ РФ «О полиции».

В настоящее время институт задержания правонарушителя гражданином Китая регламентирован ст. 63 УПК КНР, в которой закреплен перечень лиц, подлежащих задержанию: лицо, совершившее преступление либо обнаруженное непосредственно после совершения преступления; лицо, в отношении которого вынесено постановление о его заключении под стражу; лицо, совершившее побег из тюрьмы; лицо, преследуемое в целях задержания [2, с. 209].

Китайские процессуалисты рассматривают институт задержания гражданином в качестве меры процессуального принуждения, поскольку он накладывает ограничения на подозреваемого (обвиняемого), его личную свободу и имеет целью предупреждение совершения лицом противоправных действий, побега, фальсификации и уничтожения доказательств и т. д.

В Китае до настоящего времени не решены вопросы о возможных пределах применения физической силы гражданином к задерживаемому лицу. В российском законодательстве данные правоотношения регламентированы гл. 8 УК РФ «Обстоятельства, исключающие преступность деяния» (причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление). При этом в УПК РФ отсутствует институт задержания подозреваемого гражданином (не сотрудником правоохранительных органов).

В соответствии со ст. 64 УПК КНР органы общественной безопасности при задержании лица обязаны предъявить постановление о задержании. По УПК РФ (ч.1 ст. 92) после задержания подозреваемого и доставления его в орган дознания или к следователю в срок не более 3 часов должен быть составлен протокол задержания, в котором делается отметка о том, что подозреваемому разъяснены права, предусмотренные ст. 46 УПК РФ. Отличие в данном случае заключается в виде процессуального документа – в Китае предъявляют постановление, а в России составляется протокол.

Кроме того, в соответствии со ст. 64 УПК КНР в течение 24 часов с момента задержания правоохранительные органы обязаны уведомить членов семьи задержанного либо организацию, в которой он работает, о причинах задержания и месте его содержания. В соответствии с ч. 1 ст. 96 УПК РФ подозреваемый в кратчайший срок, но не позднее 3 часов с момента его доставления в орган дознания или к следователю имеет право на один телефонный разговор на русском языке в присутствии дознавателя, следователя в целях уведомления близких родственников, родственников или близких лиц о своем задержании и месте нахождения, о чем делается отметка в протоколе задержания. Следует обратить внимание, что уведомление родственников – это право задержанного гражданина РФ, в КНР уведомление членов семьи и работодателя задержанного – обязанность должностного лица правоохранительных органов, т. е. оно берет на себя ответственность за лицо, хотя и задержанное на основании определенных подозрений в совершении преступления.

В соответствии с ч. 3 ст. 92 УПК РФ о произведенном задержании орган дознания, дознаватель или следователь обязан сообщить прокурору в письменном виде в течение 12 часов с момента задержания подозреваемого. Подобное уведомление народного прокурора о задержании в УПК КНР отсутствует.

На основании ст. 65 УПК КНР орган общественной безопасности должен допросить задержанного в течение 24 часов с момента задержания, в соответствии с ч. 4 ст. 92 УПК РФ перед тем, как начать допрос, дознаватель, следователь обеспечивают задержанному право на свидание с адвокатом (защитником) в течение 2 часов и только после этого начинают допрос.

Согласно ст. 66 УПК КНР для заключения под стражу задержанного органам общественной безопасности необходимо получить разрешение народной прокуратуры, по российскому же законодательству решение о применении меры пресечения в виде заключения под стражу принимается судом (ст. 108 УПК РФ).

Если говорить об участии защитника (адвоката), то в соответствии с ч. 1.1 ст. 92 УПК РФ, если защитник участвует с момента фактического задержания, его участие в составлении протокола обязательно, участие защитника (адвоката) при задержании подозреваемого в УПК КНР не предусмотрено.

В соответствии со ст. 69 УПК КНР органы общественной безопасности в отношении задержанного в течение трехдневного срока после его задержания должны ходатайствовать перед народной прокуратурой о заключении его под стражу. При наличии особых обстоятельств срок ходатайства о заключении под стражу может быть продлен от одного до четырех дней. В отношении задержанных, подозреваемых в совер-

шении серьезных преступлений, неоднократно либо в составе группы, срок ходатайства о рассмотрении материалов для утверждения заключения под стражу может быть продлен до 30 суток. В соответствии с п. 3 ч. 7 ст. 108 УПК РФ продление срока задержания допускается не более чем на 72 часа с момента вынесения судебного решения.

Таким образом, задержание подозреваемого в совершении преступления является сложной правовой категорией, законодательство обеих стран формировалось с учетом различных факторов, тем не менее, на наш взгляд, интересны именно компаративистские исследования, позволяющие на основе системного анализа того или иного правового института совершенствовать национальное законодательство.

1. Маркелов А.Г., Кошкин В.Н. О необходимости совершенствования оснований уголовно-процессуального задержания подозреваемого в совершении преступлений // *OeconomiaetJus*. 2018. № 1. С. 61–66.

2. Захарова В.К. Институт задержания в уголовном процессе Китая и России: сравнительно-правовая характеристика // Теория и практика противодействия преступности в Азиатско-Тихоокеанском регионе (к 95-летию со дня образования Дальневосточного юридического МВД России) : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. (Хабаровск, 22–23 сентября 2016 г.) / Дальневосточ. юрид. ин-т МВД России ; отв. ред.: А.А. Андреев, М.А. Тулиглович, В.К. Твердохлебова. Хабаровск, 2016. С. 207–210.

УДК 343.1(476)

В.П. Зайцев, В.В. Мелешко

НАЛОЖЕНИЕ АРЕСТА НА ЭЛЕКТРОННЫЕ ДЕНЬГИ

С развитием цифрового общества все больший интерес граждан вызывают электронные деньги, которые согласно примечанию к ст. 132 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь выступают одним из предметов наложения ареста на имущество.

Электронными деньгами являются хранящиеся в электронном виде единицы стоимости, выпущенные в обращение в обмен на наличные или безналичные денежные средства, выступающие средством платежа при осуществлении расчетов как с лицом, выпустившим в обращение данные единицы стоимости, так и с иными физическими и юридическими лицами, а также выражающие сумму обязательства этого лица по возврату денежных средств любому физическому или юридическому лицу при предъявлении таких единиц стоимости. Порядок эмиссии электронных денег устанавливается Национальным банком (ст. 274 Банковского кодекса Республики Беларусь).

Правовое регулирование обращения электронных денег обеспечено ст. 14, 274 Банковского кодекса Республики Беларусь, Правилами осуществления операций с электронными деньгами, утвержденными постановлением Правления Национального банка Республики Беларусь от 26 ноября 2003 г. № 201, Положением о Парке высоких технологий, утвержденным Декретом Президента Республики Беларусь от 22 сентября 2005 г. № 12, а также Декретом Президента Республики Беларусь от 28 декабря 2014 г. № 6 «О неотложных мерах по противодействию незаконному обороту наркотиков».

Электронные деньги – особая форма, отличная от наличных и безналичных денег. С технической точки зрения электронные деньги представлены в виде информации, хранящейся в электронно-цифровой форме, с правовой – в виде обязательств банка-эмитента осуществить обмен денег с их электронной формы в обычную (неэлектронную). Основной причиной появления электронных денег и главной движущей силой их развития стала потребность сети Интернет в собственной системе платежей. Дополнительную роль в такой тенденции сыграла более высокая в сравнении с традиционными системами банковских переводов и пластиковыми магнитными картами эффективность проведения платежей с использованием электронных денег (скорость, расходы на проведение). По мнению многих специалистов (Я.К. Ажигина, А.С. Генкин, Р. Калакота, Э. Уинстон, Е.В. Яроцкая и др.), тенденция распространения электронных денег продолжится. Сегодня основными инструментами их использования являются сеть Интернет и смарт-карты. В Республике Беларусь активно функционируют смарт-карты «Берлио» (ОАО «Белгазпромбанк»), сетевые деньги EasyPay, «МТС Деньги» (ОАО «Белгазпромбанк»), WebMoney (ОАО «Технобанк»), Belqi (QIWI) (ОАО «Приорбанк»), «iPay» (ОАО «Паритетбанк»), «Яндекс.Деньги» (ОАО «БПС-Сбербанк») и др. [1, с. 1, 5, 9; 2, р. 301–302; 3, с. 104].

Следует отметить, что электронные деньги не отождествляются с любыми автоматизированными способами ведения бухгалтерского учета и электронными платежными системами магнитных пластиковых карт, которые представляют традиционную безналичную форму обращения денег. В этих случаях электронные технологии используются только для обработки и передачи информации о наличии денег и платежных инструкций об их движении на банковском счете конкретного физического или юридического лица. Электронные же деньги выступают своего рода эквивалентами наличных и безналичных денег, которые не дублируются записями на банковских счетах («частные деньги») [4, с. 311].

Общим понятием хранилища электронных денег в сети Интернет и на смарт-картах является электронный кошелек, определение которо-

го получило свою законодательную регламентацию. Так, согласно п. 3 Правил осуществления операций с электронными деньгами, утвержденными постановлением Правления Национального банка Республики Беларусь от 26 ноября 2003 г. № 201, электронный кошелек – пластиковая карточка, программное обеспечение персонального компьютера, иное программно-техническое устройство, содержащее электронные деньги и (или) обеспечивающее к ним доступ. Разновидностью электронного кошелька является предоплаченная карточка, при использовании которой операции с электронными деньгами осуществляются в банкоматах, платежных терминалах, инфокиосках, пунктах выдачи наличных денежных средств, а также с применением иных технических устройств или услуг в соответствии с правилами платежных систем на основе использования банковских платежных карт.

Возможность наложения ареста на электронные деньги в Республике Беларусь заключена в так называемых системах расчетов с использованием электронных денег. Они представлены совокупностью юридических лиц, в том числе банков, иностранных организаций, не являющихся юридическими лицами по иностранному праву, индивидуальных предпринимателей, физических лиц, правил и процедур, обеспечивающих проведение операций с электронными деньгами. Важной особенностью таких систем является требуемая идентификация владельцев электронных кошельков в соответствии с договорами с банками-эмитентами. Каждому электронному кошельку присваивается номер – уникальный признак, позволяющий идентифицировать такой кошелек в системе расчетов с использованием электронных денег независимо от их сумм, числящихся на этом кошельке. Следовательно, неидентифицированное лицо не сможет воспользоваться электронными деньгами, что имеет важное уголовно-правовое и уголовно-процессуальное значение.

Сведения о проводимых операциях с электронными деньгами аккумулируются в Национальном банке Республики Беларусь.

При осуществлении деятельности по выявлению и розыску имущества, подлежащего аресту, органам, ведущим уголовный процесс, следует обращать внимание на смарт-часы, смарт-браслеты, брелоки, смартфоны, электронные планшеты подозреваемых, обвиняемых, лиц, несущих по закону материальную ответственность за их деяния, а также лиц, указанных в ч. 2 ст. 132 УПК. Технически все эти устройства снабжены встроенными платежными чипами, которые приводятся в действие через специальные приложения. Наличие таких приложений на указанных устройствах косвенно свидетельствует о возможном использовании их владельцами электронных денег.

Как и при наложении ареста на безналичные денежные средства, наложение ареста на электронные деньги процессуально не сопровождается

ся составлением протокола описи арестованного имущества, а ограничивается вынесением постановления (определения) о применении этой меры принуждения, которое безотлагательно должно быть направлено (передано) оператору той системы расчетов электронными деньгами, пользователем которой является собственник (владелец) арестовываемых электронных денег. Исполнение постановления (определения) о наложении ареста на электронные деньги реализуется путем незамедлительного прекращения расходных операций с ними в полном объеме либо в пределах сумм, определенных органом, ведущим уголовный процесс.

В заключение следует отметить, что электронные деньги являются самостоятельным предметом наложения ареста на имущество, который следует отграничивать от денежных средств. Их природа, отдельное правовое регулирование, растущая популярность, а также последовательный переход государства к цифровой экономике указывают на необходимость повышения внимания органов, ведущих уголовный процесс, к этому виду имущества для своевременной профессиональной адаптации к выполнению задач уголовного процесса в меняющихся условиях.

1. Россинский С.Б. Концептуальные основы формирования результатов «невербальных» следственных и судебных действий в доказывании по уголовному делу : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Моск. гос. юрид. ун-т им. О.Е. Кутафина (МГЮА). М., 2015.

2. Kalakota R., Whinston A.B. *Frontiers of Electronic Commerce*. Michigan, 1996.

3. Яроцкая Е.В., Ажигина Я.К. Исторические аспекты возникновения электронных денег // *Цифровая экономика – экономика будущего: исторические предпосылки, правовая основа и экономический эффект* : сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 28 фев. 2019 г. / Мин. фил. РЭУ им. Г.В. Плеханова ; редкол.: А.Б. Елисеев, И.А. Маньковский (гл. ред.) [и др.]. Минск, 2019. С. 103–105.

4. Овсейко С.В. *Международные расчеты: право и практика*. Минск, 2009.

УДК 343.1

О.В. Качалова, А.А. Устинов

О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ПРОЦЕДУРЫ САНКЦИОНИРОВАНИЯ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ, ОГРАНИЧИВАЮЩИХ КОНСТИТУЦИОННЫЕ ПРАВА ГРАЖДАН

Санкционирование следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (право на частную собственность, неприкосновенность жилища, частной жизни, на личную и семейную тайну, тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграф-

ных и иных сообщений) – обысков, арестов на имущество, контроля и записи переговоров и др. – позволяет обеспечить правомерность ограничения этих прав, исключить возможные злоупотребления. Кроме того, следственные действия являются основой формирования доказательств по уголовному делу, главным способом их получения и проверки на досудебной стадии, что предопределяет важность их легитимного получения и юридической допустимости.

Согласно п. 14 ч. 5 ст. 34 УПК Республики Беларусь санкционирование обыска, осмотра жилища или иного законного владения; наложение ареста на имущество, находящееся в жилище и ином законном владении, на почтово-телеграфные и иные отправления и их выемку; требование о представлении информации и выемку документов, содержащих государственные секреты или иную охраняемую законом тайну; прослушивание и запись переговоров, ведущихся по техническим каналам связи, и иных переговоров; извлечение трупа из места захоронения (эксгумация); отстранение подозреваемого или обвиняемого от должности осуществляется прокурором.

Аналогичные действия в уголовном процессе России производятся по решению суда. В соответствии со ст. 165 УПК РФ ходатайство о производстве следственного действия подлежит рассмотрению единолично судьей в судебном заседании не позднее 24 часов с момента его поступления. В судебном заседании вправе участвовать прокурор, следователь и дознаватель. В исключительных случаях, когда производство следственного действия не терпит отлагательства, оно может быть произведено на основании постановления следователя или дознавателя без получения судебного решения. В этом случае суд уведомляется в срок не позднее трех суток. Проверка законности производства следственного действия осуществляется на основании копии постановления о производстве следственного действия и протокола следственного действия. В случае если судья признает произведенное следственное действие незаконным, все доказательства, полученные в ходе такого следственного действия, признаются недопустимыми.

В этой связи оперативность обращения и рассмотрения ходатайства о производстве следственного действия, требующего судебного разрешения, особенно с учетом того, что в большинстве случаев такие следственные действия производятся на первоначальном этапе расследования, имеет важное значение. Однако в настоящее время существующая процедура обращения в суд излишне бюрократизирована и требует подготовки большого количества различных документов. На это неоднократно обращали внимание ученые-процессуалисты [1, с. 227; 2, с. 214]. Достаточно объемный перечень прилагаемых к ходатайству

о производстве следственного действия материалов рекомендован Верховным Судом Российской Федерации. Согласно п. 1 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 июня 2017 г. № 19 «О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (статья 165 УПК РФ)» к ходатайству прилагаются материалы, требующиеся для его рассмотрения (копии постановлений о возбуждении уголовного дела и принятии уголовного дела к производству, о продлении срока предварительного расследования, о возобновлении производства по уголовному делу, материалы, подтверждающие наличие оснований для производства следственного действия, и др.). В связи с чем оперативность обращения и рассмотрения таких материалов является недостаточной. По мнению Р.А. Зинца и М.А. Фомина, это обуславливает тенденцию к использованию следователями полномочий по производству следственных действий в безотлагательном порядке, что приводит к злоупотреблению таким правом [3, л. 124; 4, с. 143].

Задачи оптимизации предварительного расследования требуют изменения подходов к процедуре получения разрешения на производство следственных действий и ее упрощения. Поскольку в судебном заседании могут участвовать только дознаватель, следователь, прокурор, а участники уголовного судопроизводства со стороны защиты не наделены данным правом (их участие приведет к бессмысленности этих следственных действий ввиду высоких рисков противодействия расследованию), целесообразно было бы перевести процедуру санкционирования следственных действий в электронный формат. Такой опыт уже существует в Республике Казахстан. Ходатайства и материалы, подтверждающие необходимость производства следственных действий, могли бы направляться в суд в электронном виде и разрешаться судьей вне судебного заседания без участия дознавателя, следователя, прокурора, поскольку само судебное заседание фактически лишено смысла ввиду отсутствия в нем состязательности. Это оптимизирует деятельность следователя, дознавателя, прокурора и секретаря судебного заседания. Последний будет освобожден от обязанности ведения протокола судебного заседания, который в нередких случаях имеет шаблонное содержание. Кроме того, данный порядок позволит обеспечить оперативность и конфиденциальность рассмотрения материалов. В целях оптимизации указанной процедуры рассмотрения ходатайств органа предварительного расследования необходимо предоставить судье техническую возможность оперативного получения электронной информации, касающейся специального статуса лиц, в отношении которых заявлено ходатайство о производстве следственных действий, ограничивающих их конституционные права (депу-

тат, адвокат, следователь, прокурор, член избирательной комиссии и др.), принадлежности имущества (сведения о государственной регистрации прав на недвижимое имущество, регистрации транспортного средства и т. д.), кадастровой стоимости недвижимого имущества, сведений об объявлении физического лица банкротом, что исключает производство в отношении его исполнительных действий.

Это поможет судье установить соблюдение процессуального порядка возбуждения уголовного дела, согласования ходатайства в отношении отдельных категорий лиц, перечисленных в ст. 447 УПК РФ (депутат, адвокат, следователь, прокурор, член избирательной комиссии и др.), соразмерность стоимости имущества, подлежащего аресту, величине возможных имущественных взысканий и другие вопросы соблюдения требований уголовно-процессуального закона по заявленному ходатайству. Отсутствие данной значимой для разрешения ходатайства информации делает невозможным принятие обоснованного судебного решения, препятствует оперативности и незамедлительности осуществления судебного контроля в сроки, предусмотренные ч. 2 ст. 165 УПК РФ. В целях исключения произвольного пользования судьей указанными информационными базами данных могла бы быть разработана специальная программа автоматического контроля за соответствием запрашиваемой информации дате рассмотрения и кругу лиц (имущества), указанным в ходатайстве. При выявлении несоответствия данная информация должна поступать системному администратору вышестоящего суда, докладываться его председателю и направляться им председателю районного (городского) суда, где рассматривалось ходатайство, для необходимой проверки, а в случае ее подтверждения – для направления в дисциплинарную комиссию Совета судей субъекта Российской Федерации для проведения соответствующей дисциплинарной процедуры.

Таким образом, предлагаемый порядок позволит обеспечить оперативность и конфиденциальность рассмотрения материалов, оптимизирует процесс досудебного производства по уголовному делу.

1. Россинский С.Б. Размышления об эффективности судебного контроля за производством следственных действий // Вестн. Томск. гос. ун-та. 2017. № 423. С. 225–235.

2. Колоколов Н.А. Оперативный судебный контроль в уголовном процессе. М., 2008.

3. Зинец Р.А. Судебный контроль в стадии предварительного расследования: процессуальные и организационные аспекты : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. Волгоград, 2005.

4. Фомин М.А. Обыск в современном уголовном процессе России : учеб.-практ. пособие. М., 2006.

**АЛГОРИТМ ПОСТАНОВКИ СТАНДАРТНЫХ ВОПРОСОВ
ДЛЯ ПРОВЕДЕНИЯ СУДЕБНОЙ ПСИХИАТРИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ
В ОТНОШЕНИИ ПОДОЗРЕВАЕМОГО (ОБВИНЯЕМОГО)
В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ**

В соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом Республики Беларусь назначение и проведение судебной психиатрической экспертизы (СПЭ) в отношении подозреваемого (обвиняемого) обязательно, если необходимо установить психическое или физическое состояние подозреваемого (обвиняемого), когда возникает сомнение по поводу его вменяемости или способности самостоятельно защищать свои права и законные интересы в уголовном процессе (п. 3 ст. 228 УПК).

Для того чтобы корректно поставить вопросы судебному эксперту-психиатру для проведения им СПЭ лицу (органу), назначающему экспертизу, необходимо знать поводы (формальные основания) для назначения СПЭ, а также критерии и компоненты формул невменяемости и уменьшенной вменяемости.

Как свидетельствует практика, формальными поводами для назначения СПЭ являются: пребывание лица в прошлом на лечении в психиатрической организации здравоохранения или у нарколога, а также пребывание лица на учете у психиатра или нарколога; перенесенные в прошлом заболевания (повреждения) головного мозга, если они сопровождалась психическими расстройствами, развитием слабоумия, снижением трудоспособности, в том числе состоянием длительной гипоксии (перенесенные случаи клинической смерти, утопления, повешения и т. д.); странности в поведении (в семье, быту и т. д.) еще до привлечения к уголовной ответственности, осуждения (совершения деяния), т. е. проявление отдельных симптомов психического расстройства; неадекватное поведение на допросах (оговоры, самооговоры); заявления родственников (опекунов) либо самого подозреваемого (обвиняемого) о его психическом неблагополучии, если они содержат убедительные доводы (фото-, видеоматериалы, письма, рисунки и т. д.) или подтверждаются медицинскими документами; необычность правонарушения (отсутствие мотивов или его чрезмерная жестокость); серийные преступления (убийства, сексуальные преступления); освидетельствование несовершеннолетнего правонарушителя с целью выяснения, не находился ли несовершеннолетний подозреваемый (обвиняемый) в состоянии уменьшенной вменяемости во время совершения общественно опасного деяния, в соответствии со ст. 226–228 УПК.

Традиционно как для уголовно-правовой науки, так и для судебной психиатрии институт невменяемости, как и институт уменьшенной вменяемости, представлен в так называемых формулах невменяемости и уменьшенной вменяемости, которые состоят из двух критериев: медицинского (психиатрического, биологического) и юридического (психологического).

Медицинский критерий определяет качество биологической организации психики (наличие у лица психического расстройства) и представляет собой обобщающий перечень расстройства психики, выраженный в психиатрических терминах. Следует отметить, что в Уголовном кодексе Республики Беларусь до недавнего времени медицинский критерий формулы невменяемости состоял из четырех признаков (хроническое психическое заболевание, временное расстройство психики, слабоумие, иное болезненное состояние психики), а формулы уменьшенной вменяемости – из двух признаков (психическое расстройство и умственная отсталость), однако Законом Республики Беларусь от 9 января 2019 г. № 171-З были внесены изменения в определение формул их медицинских критериев путем замены четырех указанных признаков формулы невменяемости и двух признаков уменьшенной вменяемости на один – психического расстройства (заболевание) (ч. 1 ст. 28 и ч. 1 ст. 29 УК).

Юридический критерий формул невменяемости или уменьшенной вменяемости определяет степень тяжести (глубину) интеллектуально-волевого расстройства психики лица во время совершения общественно опасного деяния и включает в себя два признака: интеллектуальный и волевой. Юридический критерий формулы невменяемости означает отсутствие у лица возможности сознавать (понимать) значение своих действий (отдавать себе отчет в своих действиях) – интеллектуальный признак или руководить ими (управлять собой, своими действиями или бездействием) во время совершения общественно опасного деяния – волевой признак. Соответственно, в качестве юридического критерия может выступать квалификация полной или уменьшенной способности, а также неспособности подозреваемого (обвиняемого) с психическим расстройством (заболеванием) осознавать значение своих действий или руководить ими. В целом данный критерий отражает способность быть субъектом уголовной ответственности и, как в формуле невменяемости, также характеризует тяжесть диагностированных болезненных расстройств психики.

Таким образом, субъект признается уменьшенно вменяемым (невменяемым), когда налицо оба критерия – медицинский и юридический или имеются признаки их выраженности. Эти критерии неразрывно связаны между собой, дополняют и взаимно контролируют друг друга.

В то же время следует отметить, что формула уменьшенной вменяемости не является идентичной формуле невменяемости и отличается от

нее как качественным содержанием юридического критерия, так и юридическими последствиями для лиц, признанных уменьшенно вменяемыми: совершение лицом с психическим расстройством общественно опасного деяния в состоянии уменьшенной вменяемости не освобождает его от уголовной ответственности (ч. 1 ст. 29 УК) и может учитываться при назначении наказания или иных мер уголовной ответственности, а также служить основанием для применения к лицу принудительных мер безопасности и лечения (ч. 2 ст. 29 УК). Соответственно, в юридических последствиях для лиц, признанных уменьшенно вменяемыми, можно выделить две составляющие, отличающие их от лиц, признанных невменяемыми: быть субъектом уголовной ответственности и субъектом отбывания наказания.

Судебно-психиатрическая комиссия в процессе освидетельствования подэкспертного устанавливает наличие этих двух критериев ретроспективно и соотносит их с моментом совершения общественно опасного деяния. Суду для признания лица невменяемым или уменьшенно вменяемым достаточно наличие одного из признаков (интеллектуального или волевого) юридического критерия в сочетании с медицинским критерием.

Поскольку в формулах невменяемости и уменьшенной вменяемости условно выделяют два критерия – медицинский и юридический, то алгоритм построения вопросов, подлежащих рассмотрению при проведении СПЭ в отношении подозреваемого (обвиняемого) в уголовном процессе, достаточно прост: у экспертов последовательно уточняются медицинский и юридический критерии формулы невменяемости или формулы уменьшенной вменяемости в трех временных периодах – прошедшем, настоящем и будущем.

Первый вопрос уточняет медицинский критерий формулы невменяемости (уменьшенной вменяемости), поскольку поводом (формальным основанием) для назначения СПЭ является сомнение у лица (органа), назначившего экспертизу, в состоянии психического здоровья подэкспертного. Как правило, он ставится в прошедшем времени, так как лицо (орган), назначившее экспертизу, интересуется психическое состояние подэкспертного в момент совершения им юридически значимого деяния: страдал ли подэкспертный в период времени, относящийся к совершению инкриминируемого ему деяния, каким-либо психическим расстройством?

Состояние невменяемости возникает лишь при такой тяжести психического расстройства (заболевания), которое лишает человека возможности сознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) или руководить ими, а в случае уменьшенной вменяемости лицо не могло в полной мере сознавать (интеллектуальный признак) и (или) не могло в полной мере руководить ими (волевой при-

знак). В связи с этим далее последовательно уточняется юридический критерий (интеллектуальный и волевой признаки), поскольку именно он является определяющим и применимым ко всем без исключения формам болезненных расстройств психики при оценке их тяжести: мог ли подэкспертный сознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) или руководить ими; мог ли подэкспертный в полной мере сознавать значение своих действий (бездействия) или руководить ими?

После этого последовательно уточняются оба критерия в настоящем времени (актуальное психическое состояние подэкспертного по принципу «здесь и сейчас»): страдает ли подэкспертный в настоящее время психическим расстройством; может ли подэкспертный сознавать значение своих действий (бездействия) или руководить ими?

Затем ставятся вопросы в будущем времени (как изменится состояние его психического здоровья, какой дальнейший прогноз, нуждается ли он в применении принудительных мер безопасности и лечения): нуждается ли подэкспертный в применении принудительных мер безопасности и лечения, если да, то в каких именно; может ли подэкспертный самостоятельно защищать свои права и законные интересы в уголовном процессе? Разрешение последнего вопроса возможно только в отношении лиц, являвшихся в период времени, относящийся к совершению инкриминируемых им деяний, совершеннолетними.

Могут быть также поставлены вопросы по определению психических расстройств (заболеваний), нарушающих способность правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела, и давать о них показания, т. е. расстройства (заболевания), которые могут затрагивать способности подэкспертного к реализации процессуальных прав и обязанностей. Однако алгоритм постановки вопроса (уточняются медицинский и юридический критерии формул) остается прежним.

УДК 343.123.1

Ю.С. Климович

О СРОКАХ СЛЕДСТВИЯ ПРИ СОЕДИНЕНИИ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ В ОДНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

Предварительное следствие, как и в целом досудебное производство в уголовном процессе Республики Беларусь, имеет жесткую привязку к определенным в законе срокам. Однако специалистам известно, что так было не всегда.

В процессуальных системах, построенных по континентальному образцу, к коим принадлежит и отечественный уголовный процесс, изначально предварительное следствие в значительной мере не только копировало архитектуру следствия судебного, но и реализовывалось должностными лицами, имеющими судебный статус (судебный следователь). По этой причине оно в отличие от дознания по Уставу уголовного судопроизводства 1864 г. не имело временных ограничений. Все изменилось с началом советского периода, когда следователи, потеряв судебское звание, были встроены в иерархическую систему правоохранительных органов, где институт процессуальных сроков во многом стал выполнять дисциплинирующую внутриведомственную роль. С тех пор нарушение сроков следствия стало «традиционным нарушением», фигурирующим в надзорной практике и отчетности органов ведомственного контроля. Причина тому не только служебная непунктуальность должностных лиц следственных органов, но и ряд объективных недостатков действующего закона в области регулирования процессуальных сроков.

Так, в текущем году на кафедре уголовного процесса Академии МВД Республики Беларусь обратились сотрудники одного из управлений Следственного комитета с запросом о порядке исчисления сроков при соединении уголовных дел в одном производстве. Согласно обращению уголовное дело № 1 было возбуждено 10 января и расследовалось с продлением срока на шесть месяцев до 10 июля. Уголовное дело № 2 было возбуждено 10 марта, а срок следствия по нему был также продлен до шести месяцев, т. е. до 10 сентября. Следователь, установив основания для соединения этих уголовных дел в одном производстве, принял об этом решение 10 июля. При этом по поводу исчисления процессуальных сроков появились несколько альтернативных точек зрения. Одни считали, что с учетом того, что срок следствия по одному из уголовных дел был в надлежащем порядке продлен до 10 сентября, то принятия дополнительного решения о продлении сроков в случае соединении дел в одном производстве не требуется. Другие исходили из того, что после соединения уголовных дел № 1 и № 2 нужно было в тот же день продлить срок следствия по уголовному делу, так как необходимое сложение сроков следствия согласно ч. 3 ст. 164 УПК дало их превышение ранее продленному сроку до шести месяцев.

Обозначенные в обращении проблемы правоприменения во многом обусловлены неоднозначной конструкцией действующего уголовно-процессуального закона. Вместо понятных правил исчисления процессуальных сроков мы имеем противоречивое как по форме, так и по содержанию нормативное регулирование. Это вынуждает правоприменителей отвлекаться на решение по сути формальных вопросов, реально никак не отражающихся на обеспечении прав и законных интересов граждан.

Следует отметить, что, во-первых, зафиксированное в ч. 3 ст. 164 УПК правило о необходимости при соединении в одном производстве нескольких уголовных дел суммировать все календарное время, фактически затраченное на их производство, в большинстве случаев будет создавать условия для автоматического их нарушения. В случае продления срока следствия следователь обязан составить об этом мотивированное постановление о возбуждении ходатайства и представить его соответствующему начальнику следственного подразделения или его заместителю не позднее трех суток до истечения срока следствия (ч. 6 ст. 190 УПК). До момента соединения уголовных дел оснований к этому еще нет, а после соединения появляется риск нарушить ранее указанную норму.

Во-вторых, в принципе не понятна логика законодателя об обязательности суммирования сроков следствия при соединении разных уголовных дел. Ведь с античности известна связываемая с Аристотелем интуиция о том, что целое всегда больше суммы своих частей. Объединенное уголовное дело очевидно потребует переформулирования обвинения, изменения предмета и пределов доказывания, а также многих других действий, которые бы следователь не совершал, расследуя уголовные дела автономно.

На наш взгляд, в ч. 4 ст. 153 УПК Российской Федерации действует более рациональная норма. Она предполагает, что «при соединении уголовных дел срок производства по ним определяется по уголовному делу, имеющему наиболее длительный срок предварительного расследования. При этом срок производства по остальным уголовным делам поглощается наиболее длительным сроком и дополнительно не учитывается». Полагаем, что в аналогичном ключе следует изменить редакцию ч. 3 ст. 164 УПК Республики Беларусь.

УДК 343.132

В.М. Логвин

О НЕОБХОДИМОСТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ПРОВЕДЕНИЯ ОСВИДЕТЕЛЬСТВОВАНИЯ

Под освидетельствованием принято понимать следственное действие, проводимое компетентными должностными лицами, суть которого состоит в осмотре тела подозреваемого, обвиняемого или потерпевшего с целью обнаружения, фиксации и изъятия следов, особых примет, которые могут располагаться на теле живого лица, а равно установление

иных свойств, признаков или физиологического состояния этого лица, имеющих значение по материалам и уголовному делу.

Объектом освидетельствования является тело живого человека.

Освидетельствование относится к числу неотложных следственных действий (ч. 1 ст. 186 УПК Республики Беларусь). В соответствии с ч. 2 ст. 173 УПК Республики Беларусь освидетельствование может осуществляться не только в процессе производства по уголовному делу, но и до возбуждения уголовного дела.

Значение этого следственного действия состоит в том, что результаты проведенного освидетельствования могут указывать на причастность освидетельствуемого лица к событию преступления; используемые им орудия преступления; пребывание его на месте происшествия либо в определенных местах до и после совершения преступления; непосредственный контакт преступника и жертвы преступления; совершение им конкретных действий, в том числе направленных на сокрытие преступления, а также свидетельствовать об определенных навыках, профессиональных особенностях и т. д.

К числу компетентных должностных лиц, наделенных правом проведения освидетельствования, уголовно-процессуальный закон относит следователя (в случаях освидетельствования лица противоположного пола, сопровождающегося обнажением его тела, следователь (лицо, производящее дознание) в осмотре тела не участвует, в этом случае освидетельствование проводится врачом (ч. 4 ст. 206 УПК Республики Беларусь)) (п. 8 ч. 2 ст. 35, ч. 5 ст. 36 УПК Республики Беларусь), лицо, производящее дознание (п. 3 ч. 2 ст. 37, ч. 2 ст. 39, ч. 1 ст. 186 УПК Республики Беларусь), прокурора (п. 3 ч. 5 ст. 34 УПК Республики Беларусь), суд (в соответствии с ст. 343 УПК Республики Беларусь проведение освидетельствования возможно и судом на стадии судебного следствия, в данном случае нами рассматриваются вопросы осуществления освидетельствования только на досудебных стадиях производства по уголовному делу).

Освидетельствование, как правило, проводится с целью получения новых доказательств по конкретному уголовному делу. При этом следователь может преследовать и другую цель – проверку собранных по уголовному делу доказательств.

Освидетельствование относится к числу следственных действий, основанных на непосредственном наблюдении, сочетаемом с приемами активного воздействия на отображаемый объект. В данном случае компетентное должностное лицо на основе результатов наблюдения воспринимает физические и динамические признаки материальных объ-

ектов – их размер, протяженность, форму и т. д. Доказательственный результат фиксируется в протоколе освидетельствования.

Освидетельствование занимает достойное место в системе следственных действий и доказало свою эффективность в формировании доказательственной базы по конкретным уголовным делам. Вместе с тем анализ содержания норм УПК Республики Беларусь, касающихся общего процессуального порядка проведения следственного действия, вызывает определенные критические замечания, которые во многом связаны с тем, что норма, регламентирующая процессуальный порядок проведения освидетельствования, не в полной мере отвечает требованиям Закона Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. № 130-3 «О нормативных правовых актах».

Так, в соответствии с ч. 2 ст. 173 УПК Республики Беларусь проведение освидетельствования и ряда других следственных действий возможно до возбуждения уголовного дела при проведении проверки по заявлению или сообщению о преступлении. При этом какая-либо детализация относительно освидетельствования в этой норме не содержится.

Непосредственно норма, регламентирующая общий процессуальный порядок проведения освидетельствования, в частности ч. 1 ст. 206 УПК Республики Беларусь, сформулирована следующим образом: «Для обнаружения на теле человека особых примет, следов преступления, телесных повреждений, выявления состояния опьянения или иных свойств и признаков, имеющих значение для уголовного дела, если для этого не требуется проведения экспертизы, может быть проведено освидетельствование подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего. О проведении освидетельствования следователь, лицо, производящее дознание, выносят постановление». Какие-либо комментарии, пояснения о возможности проведения освидетельствования до принятия решения о возбуждении уголовного дела ни в этой, ни в других частях рассматриваемой нормы не содержатся.

Очевидно, что подобная конструкция правовой нормы вызывает осторожность у правоприменителя, поскольку она содержит в себе определенные противоречия и может толковаться по-разному. Так, законодатель говорит о том, что освидетельствование может быть проведено в отношении подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего. Однако на стадии возбуждения уголовного дела из всех перечисленных участников уголовного процесса может быть в наличии только подозреваемый (в соответствии со ст. 40 УПК Республики Беларусь подозреваемым является физическое лицо, задержанное по подозрению в совершении преступления либо в отношении которого органом уголовного преследования возбуждено уголовное дело или вынесено постановление о применении меры пресечения

до вынесения постановления о привлечении его в качестве обвиняемого; признании подозреваемым). Другие участники появляются лишь после того, когда принято решение о возбуждении уголовного дела. Тогда почему в этом перечне отсутствует свидетель? Ведь в следственной практике возможно наличие ситуаций, когда следы преступника и совершенного преступления могут находиться на теле свидетеля. Как поступить должностным лицам, осуществляющим расследование, в этом случае? Закон ответа на этот вопрос ответа не дает. Вместе с тем буквальное толкование этой нормы позволяет говорить о том, что до возбуждения уголовного дела освидетельствование может быть проведено в отношении любого гражданина «для обнаружения на теле человека особых примет, следов преступления, телесных повреждений, выявления состояния опьянения или иных свойств и признаков, имеющих значение».

Возникает определенная проблема и в части использования научно-технических средств в процессе осуществления освидетельствования. Полагаем, что общие правила производства следственных действий относительно применения технических средств и использования научно обоснованных способов обнаружения, фиксации и изъятия следов преступления, изложенные в ч. 3 ст. 192 УПК Республики Беларусь, нуждаются в уточнении применительно к проведению освидетельствования. Это, во-первых, связано с необходимостью соблюдения этических норм, во-вторых, вызвано тем, что в процессе производства освидетельствования существенным образом затрагиваются такие права человека, как честь, достоинство, жизнь, здоровье, личная свобода, неприкосновенность личности, в том числе телесная неприкосновенность. Так, во многих случаях проведение освидетельствования связано с обнажением освидетельствуемого лица. Можно ли в этом случае использовать технические способы фиксации при проведении следственного действия (фотосъемку, видеозапись)? На наш взгляд, ответы на подобного рода вопросы должны содержаться в норме уголовно-процессуального закона. Это позволит избежать ошибок в правоприменительной деятельности.

По нашему мнению, за основу при внесении соответствующих изменений и дополнений в ст. 206 УПК Республики Беларусь можно взять опыт российского законодателя, воплощенный им в ст. 179 УПК Российской Федерации, в которой, на наш взгляд, нашли разрешение вопросы, о которых шла речь выше.

Таким образом, учет высказанных замечаний и внесение соответствующих изменений и дополнений в уголовно-процессуальный закон будут способствовать правильному толкованию порядка проведения освидетельствования, позволят исключить ошибки в деятельности должностных лиц, осуществляющих расследование уголовных дел.

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО ПОЛЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ПРОЦЕССЕ ДОКАЗЫВАНИЯ

Раскрытие тяжких и особо тяжких преступлений, в том числе совершенных организованными группами, с использованием должностного положения и т. д., применяя только уголовно-процессуальные средства, бывает затруднительно. В связи с этим обрело объективную необходимость использование в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности. Эти результаты циркулируют в уголовном процессе в качестве оперативно-розыскной информации в виде сведений о действиях и поведении лиц, причастных к расследуемому событию, о местонахождении объектов, имеющих значение для дела, а также содержащихся в предметах и документах, полученных оперативным путем [1, с. 226–227]. Предпосылками появления оперативно-розыскной информации в производстве по материалам и уголовному делу выступают предписания уголовно-процессуального закона (ч. 7 ст. 36, п. 4 ч. 2 ст. 37, ч. 4 ст. 186 УПК Республики Беларусь). Белорусский законодатель определяет направления использования в уголовном процессе оперативно-розыскной информации, содержащейся в материалах оперативно-розыскной деятельности, которые, в свою очередь, отражают результаты этой деятельности. Так, она может быть использована для обнаружения преступлений и выявления лиц, их совершивших, а также для предупреждения и пресечения преступлений (п. 4 ч. 2 ст. 37 УПК Республики Беларусь); розыска обвиняемых, скрывшихся от органа уголовного преследования или суда; подготовки и проведения следственных, иных процессуальных действий; может выступать в качестве основания к возбуждению уголовного дела; может быть использована в целях доказывания в уголовном процессе (ст. 3, 49 Закона Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 307-3 «Об оперативно-розыскной деятельности»). Указывая на факты, которые могут впоследствии стать доказательствами, на их источники и рациональные тактические приемы их получения, оперативно-розыскная информация имеет определяющее значение для расследования преступлений.

В этом случае важно проводить грань между использованием результатов оперативно-розыскной деятельности в ходе производства по материалам и уголовному делу и их использованием в доказывании, т. е. наделением статусом доказательств. Длительное время в научной

среде ведется дискуссия о том, какое место среди доказательств занимают результаты оперативно-розыскной деятельности. Казалось бы, вопрос является решенным самим законодателем, поскольку ч. 2 ст. 88 УПК Республики Беларусь наделяет протоколы оперативно-розыскных мероприятий статусом самостоятельного источника доказательств. Вместе с тем ст. 99 УПК Республики Беларусь в качестве источника доказательств выделяет лишь протоколы оперативно-розыскных мероприятий о прослушивании и записи переговоров, осуществляемых с использованием технических средств связи, и иных переговоров. При этом законодатель конкретно не перечисляет эти мероприятия. Исходя из содержания оперативно-розыскных мероприятий, полагаем, что под ними следует понимать разновидности оперативно-розыскного мероприятия «контроль в сетях электросвязи». Однако в то же время ст. 101 УПК Республики Беларусь устанавливает условия признания в качестве источников доказательств материалов, полученных в ходе оперативно-розыскной деятельности. Уголовно-процессуальный закон не раскрывает, что понимается под такими материалами. Разъяснение данного термина содержится в ст. 2 Закона «Об оперативно-розыскной деятельности»: материалы оперативно-розыскной деятельности – оперативно-служебные документы и материальные носители информации, содержащие порядок проведения оперативно-розыскных мероприятий и сведения, полученные при их проведении, а также иные сведения и документы, полученные при осуществлении оперативно-розыскной деятельности. Эта норма разъясняет, что оперативно-служебными документами являются постановление о проведении оперативно-розыскного мероприятия, специальное задание, протокол оперативно-розыскного мероприятия, справка, рапорт, акт, письменный запрос органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, и иные документы, образующиеся при осуществлении оперативно-розыскной деятельности.

Таким образом, вышеуказанные протоколы оперативно-розыскных мероприятий о прослушивании и записи переговоров, осуществляемых с использованием технических средств связи, и иных переговоров также лишаются статуса самостоятельного источника доказательств, пока не выполнены условия, закрепленные ст. 101 УПК Республики Беларусь. Почему же законодатель сам себе противоречит? Ответ видится в непроцессуальном характере оперативно-розыскной деятельности. Оперативно-розыскная деятельность не является самостоятельным способом собирания доказательств, поскольку собирание доказательств непроцессуальным путем недопустимо. Негласный характер многих оперативно-розыскных мероприятий, возможность нарушения в таком случае прав лиц, в отношении которых проводятся такие мероприятия,

выступают препятствием для надления полученных в ходе их проведения материалов статусом самостоятельного источника доказательств. Непроцессуальным путем можно обнаружить объекты-носители доказательственной информации (лица, предметы, документы), из которых сведения о фактах можно лишь почерпнуть в ходе предусмотренных законом следственных действий [2, с. 123]. Результаты оперативно-розыскной деятельности в виде оперативно-розыскных данных должны только позволять формировать доброкачественные уголовно-процессуальные доказательства [3, с. 478].

Различие в форме закрепления доказательственной и оперативно-розыскной информации исключает соответствие последней критерию допустимости, что лишает ее доказательственного значения. В связи с этим она должна пройти своего рода этап легализации, т. е. введена в производство по материалам и уголовному делу. В научной среде в этом отношении говорят также о процессуализации сведений, полученных в ходе оперативно-розыскной деятельности, понимая под этим проверку и приведение в надлежащую форму в порядке, установленном УПК, путем их преобразования в надлежащий источник (вид) доказательств [3, с. 477].

Законодатель в ст. 101 УПК Республики Беларусь в качестве условий признания источниками доказательств материалов, полученных в ходе оперативно-розыскной деятельности, указывает, что они должны быть получены и предоставлены в соответствии с законодательством Республики Беларусь, должны быть проверены и оценены в порядке, установленном УПК. Порядок предоставления этих материалов уголовно-процессуальный закон не оговаривает, а лишь в ч. 2 ст. 103 называет способ их собирания органом уголовного преследования и судом путем требования от органов, уполномоченных законом осуществлять оперативно-розыскную деятельность, предоставления предметов и документов, имеющих значение для уголовного дела. В данном случае следует обратить внимание, что, исходя из закрепленного ст. 2 Закона «Об оперативно-розыскной деятельности» определения термина «предметы и документы» (вещества, вещи, иные объекты, имущественные права, программные продукты, в том числе изъятые из оборота и ограниченно оборотоспособные, полученные или использованные при осуществлении оперативно-розыскной деятельности), можно говорить о сужении законодателем объема предоставляемых материалов ввиду исключения из этого числа оперативно-служебных документов. Сам же порядок предоставления материалов, полученных в ходе оперативно-розыскной деятельности, устанавливается Законом «Об оперативно-розыскной деятельности», при этом ст. 50 этого Закона разграничивает термины «представление» и «предоставление» материалов оперативно-

розыскной деятельности. Так, согласно предписаниям указанной нормы материалы оперативно-розыскной деятельности предоставляются для использования в другой орган, осуществляющий оперативно-розыскную деятельность, орган уголовного преследования или суд. В то же время представляются материалы оперативно-розыскной деятельности для изучения в орган уголовного преследования в целях оценки достаточности содержащихся в них сведений для принятия процессуального решения. Исходя из семантики слов «предоставление» (дать в пользование, дать кому-нибудь возможность обладать кем-чем-нибудь) и «представление» (показать, предъявить), целесообразно оперировать в соответствующих нормах уголовно-процессуального закона термином «предоставление».

В этой связи в целях унификации процессуальных норм полагаем необходимым формулировку ч. 2 ст. 103 УПК Республики Беларусь «требовать от организаций, должностных лиц и граждан, а также органов, уполномоченных законом осуществлять оперативно-розыскную деятельность, представления предметов и документов, имеющих значение для уголовного дела» изменить на «требовать от организаций, должностных лиц и граждан предоставления предметов и документов, имеющих значение для уголовного дела, а также органов, уполномоченных законом осуществлять оперативно-розыскную деятельность, предоставления материалов оперативно-розыскной деятельности». При этом в ст. 2 Закона «Об оперативно-розыскной деятельности» следует устранить неполноту определения самого термина «материалы оперативно-розыскной деятельности», дополнив его после словосочетания «иные сведения» словом «предметы», поскольку их также получают при осуществлении оперативно-розыскной деятельности и они входят в число ее материалов как результатов этой деятельности. Кроме того, считаем необходимым формулировку ст. 99 УПК Республики Беларусь «протоколы следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий о прослушивании и записи переговоров, осуществляемых с использованием технических средств связи, и иных переговоров, составленные в установленном законом порядке и с приложением соответствующей записи прослушивания» изменить на «протоколы следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, составленные и предоставленные в установленном законом порядке».

1. Белкин А.Р. Теория доказывания в уголовном судопроизводстве. М., 2007.

2. Советский уголовный процесс : учебник / С.А. Альперт [и др.] ; под ред. М.И. Бажанова, Ю.М. Грошевой. 2-е изд., доп. Киев, 1983.

3. Курс уголовного процесса / А.А. Арутюнян [и др.] ; под ред. Л.В. Головки. 2-е изд., испр. М., 2017.

УДК 343.144(477)

В.В. Романюк

ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ДОСУДЕБНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ КАРАНТИНА

Правительство Украины 11 марта 2020 г. приняло решение о введении на территории Украины карантина. С такими массовыми социальными ограничениями, продолжительность которых заранее определить невозможно, общество как Украины, так и всего мира столкнулось впервые. Соответствующие последствия проявились и в сфере национальной уголовной юстиции.

Так, согласно статистическим данным Национальной полиции, из-за карантина уровень преступности в государстве в целом уменьшился, однако на 15 % вырос уровень мошенничества в интернете и существенно увеличилось количество обращений по поводу домашнего насилия. По данным общественной организации «Ла Страда-Украина», за месяц карантина (с 12 марта по 12 апреля) на Национальную горячую линию по предупреждению домашнего насилия, торговли людьми и гендерной дискриминации поступило 2051 обращение относительно домашнего насилия, в то время как в феврале эта цифра была почти вдвое меньше – 1273. При этом 53 % обращений касались психологического насилия, 36,5 % – физического и почти 10 % – экономического. В 86,6 % всех случаев обращения поступали от женщин. Национальная полиция предоставила данные о том, что с 12 марта по 7 апреля на телефонную линию «102» поступило около 42 тыс. вызовов по факту домашнего насилия. Отмечается также, что с начала года по этим вызовам 34 тыс. человек привлечены к административной ответственности, открыто 470 уголовных производств и внесено 11 тыс. срочных запретных предписаний.

Реагирование государства на подобное явление должно быть мгновенным и соответствующим, однако введенные на время так называемого жесткого карантина ограничения не позволяли в полной мере применять соответствующие меры. Причинами тому являются осложнения проведения любых следственных (розыскных) и процессуальных действий, предусматривающих контакт с подозреваемым лицом и другими участниками уголовного производства, осложнения при задержании лица и его пребывании в учреждениях временного содержания до решения суда и пр.

При наличии вышеуказанных преград появились основания для осуществления в порядке ст. 232 УПК Украины допроса подозреваемого, свидетеля, потерпевшего, эксперта в режиме видеоконференции; допроса свидетеля, потерпевшего в режиме видеоконференции в судеб-

ном заседании; опознания лиц или вещей в режиме видеоконференции и даже опроса последних в режиме видео- или телефонной конференции. В этой связи с целью обеспечения оперативности уголовного производства и минимизации личных контактов руководству Государственной фискальной службы Украины было предложено использовать дистанционный режим при выполнении временного доступа к предметам и документам, т. е. осуществлять обмен электронными версиями документов. По примеру Государственной фискальной службы Украины, позволившей передавать участникам уголовного судопроизводства, находящимся в территориально удаленных от органа досудебного расследования местах, показания в форме нотариально заверенных заявлений при условии, что в дальнейшем эти лица после окончания карантинных мероприятий будут допрошены традиционным способом, вполне логичным представляется возможность введения подобных рекомендаций следственными подразделениями Национальной полиции для осуществления досудебного расследования.

Полагаем, что с учетом возможной сезонности пандемии уместно дополнить УПК Украины положениями о некоторых «ослаблениях» при сборе доказательств, например, временно, на период введения в государстве карантинных мероприятий, считать надлежащим доказательством показаниям, полученные от лица в режиме видео- или телефонной конференции с составлением соответствующего протокола. Такое предложение мы обосновываем хотя бы тем, что в отличие от пандемии в УПК Украины установлены предельные сроки проведения досудебного расследования и не предусмотрено среди существующих оснований для приостановления досудебного следствия введение определенных ограничений на период карантина.

Своевременные действия государства, проявившиеся во внесении Законами Украины от 30 марта 2020 г. № 540-IX и от 13 апреля 2020 г. № 558-IX изменений в УПК Украины, в очередной раз свидетельствуют о динамичности современного уголовного процесса.

Опыт осуществления уголовного судопроизводства пригодился и после частичного снятия ограничений, установленных во время карантина. Еще большую актуальность приобретает не только дистанционное досудебное расследование за счет инструментов, которые могут использовать следователи и прокуроры при собирании доказательств, онлайн-рассмотрении в режиме видеоконференции вопросов, отнесенных к компетенции следственного судьи, но и постепенное внедрение электронного (цифрового) документооборота в рамках диджитализации. Надеемся, что пилотный проект перевода уголовных производств в электронный формат, который стартовал в Украине именно в период ми-

ровой пандемии 30 апреля 2020 г. среди антикоррупционных органов – Национального антикоррупционного бюро Украины, Специализированной антикоррупционной прокуратуры и Высшего антикоррупционного суда, будет успешным.

УДК 343.13

С.В. Рыбак

ЭКСПЕРТИЗА В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ КОДЕКСЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ ХАОС И ВАРИАНТЫ ЕГО ПРЕОДОЛЕНИЯ

Обеспечение стабильности законодательного пространства, оптимизация его качественных и количественных характеристик являются одной из задач современного общества. Некорректное формулирование правил и требований, встречающееся в ряде нормативных правовых актов, снижает эффективность правоприменительного процесса, приводит к усложнению понимания взаимосвязи соответствующих норм и их практической реализации, а в конечном итоге – к возникновению коллизий и некачественным действиям правоохранительных органов. Особенно это проявляется в правовой сфере, где на первый план выходит необходимость поиска баланса между удовлетворением государственных и общественных интересов, а также соблюдения прав, свобод и законных интересов граждан. Не является идеальным в этом отношении и Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь.

С момента принятия действующего УПК и вступления его в силу прошло чуть менее 20 лет. За это время более 500 раз в УПК корректировались отдельные нормы, добавлялись некоторые институты и статьи (части, пункты). Большинство институтов уголовно-процессуального права модернизировались, приводились в соответствие бурно развивающимся и трансформирующимся общественным отношениям. Вместе с тем отдельные терминологические коллизии встречаются и в ныне действующем уголовно-процессуальном законе. Ярким примером является регламентация такого следственного действия, как «назначение и проведение экспертизы». Именно таким образом данное следственное действие названо в гл. 26 УПК. Вместе с тем в ряде статей уголовно-процессуального закона исследуемое следственное действие упоминается в разрезе иных терминологических конструкций.

В одних случаях законодатель называет рассматриваемое следственное действие «производство экспертизы» или «экспертиза» (ч. 1 ст. 103; ч. 2 ст. 173; ч. 1, 3 ст. 173³; ч. 4 ст. 227 УПК и т. д.), в других нормах

употребляется выражение «назначение экспертизы» (ч. 1 ст. 186; ч. 2 ст. 226; ч. 1 ст. 227; ч. 2 ст. 231; ч. 6 ст. 229 УПК и т. д.), и, наконец, нередко законодатель оперирует категорией «проведение экспертизы» (ч. 1 ст. 196; ч. 1 ст. 206 УПК и т. д.). В ч. 1 ст. 235 УПК употребляется выражение «назначение или проведение экспертизы».

Разные подходы законодателя закономерно детерминируют вопросы о корректном названии как самого следственного действия, так и постановления следователя (лица, производящего дознание), иницирующего проведение экспертного исследования. Видится потребность в уяснении причин такого хаоса в употребляемой терминологии и способов его нивелирования.

Сложности терминологического характера обусловлены двухзвенной структурой рассматриваемого следственного действия. Оно состоит из деятельности следователя (лица, производящего дознание), назначающего экспертное исследование, и деятельности эксперта, его проводящего. Описывая общие правила и требования к участникам данного следственного действия, к их действиям, законодатель вынужден акцентировать внимание либо на этапе назначения, либо на этапе проведения экспертизы, так как субъекты деятельности на данных этапах различны (следователь и эксперт), как и само содержание правоотношений. При этом разработчиками УПК изначально не были подобраны и введены в оборот необходимые выражения синонимичного характера, позволяющие избежать некорректного употребления категорий, из которых складывается название рассматриваемого следственного действия.

Корректировать название «назначение и проведение экспертизы», на наш взгляд, нет необходимости, так как оно в полной мере соответствует сущности складывающихся правоотношений. Законодателю следует, по нашему мнению, ввести в употребление оборот «проведение экспертизы» исключительно при описании правоотношений, складывающихся на этапе работы эксперта или экспертного учреждения. Когда же речь ведется о деятельности следователя (лица, производящего дознание) в рамках рассматриваемого следственного действия уместным видится использование выражения «инициировать экспертное исследование» вместо «назначить экспертизу».

Постановление следователя, иницирующее экспертное исследование, целесообразно назвать «постановление о назначении и проведении экспертизы». Соответственно, и иные процессуальные документы (протокол ознакомления с постановлением о назначении и проведении экспертизы и др.) должны в полной мере отражать название следственного действия.

Выражения «назначить экспертизу» и «провести экспертизу» корректно употреблять только в связке при обозначении полного названия

следственного действия. Их отдельное использование при описании правоотношений, связанных с иницированием и проведением экспертного исследования, видится некорректным. Это же относится и к однотипным вариантам фраз: «экспертиза», «назначение экспертизы», «проведение экспертизы» и др. Вместо них, исходя из требуемого смыслового содержания, целесообразно использовать полное название следственного действия «назначение и проведение экспертизы» или выражения «инициировать экспертное исследование», «проведение экспертизы», обозначающих соответствующую деятельность конкретного субъекта на одном из этапов рассматриваемого следственного действия.

УДК 343.13

Я.П. Ряполова

ЦИФРОВИЗАЦИЯ НАЧАЛЬНОЙ СТАДИИ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА¹

Цифровые технологии в современном мире преобразовывают устоявшиеся государственные и общественные институты, воздействие технологического фактора на правовые отношения становится неизбежным и наступательным. В эпоху четвертой промышленной революции заявляют о трансформации традиционного права [1, с. 5], выдвигается гипотеза национальных моделей цифровизации правовой культуры [2, с. 10] и пр.

Справедливо считать, что изменения уголовно-процессуального законодательства не отражают темпа развития современных телекоммуникационных отношений, только отдельные последние изменения законодательства направлены на восполнение известного пробела. Как полагают многие исследователи, цифровизация досудебного уголовного судопроизводства в России происходит непоследовательно и неоперативно, законодатель медлит с интегрированием в уголовный процесс предлагаемых электронных новинок, не обращая внимания даже на тот факт, что Уголовно-процессуальный кодекс РФ в этом вопросе заметно отстает от других российских процессуальных законов [3, с. 642], не говоря уже об отрыве от ведущих мировых практик, где достаточно давно и успешно интегрируются технологические решения в правоохранительную деятельность [4, с. 121; 5, с. 84; 6, с. 22].

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-78-00088).

Важно отметить, что теоретические изыскания в сфере обеспечения технологичности уголовного процесса активизировались относительно недавно, при этом работы, имеющие соответствующую направленность применительно к стадии возбуждения уголовного дела, носят единичный либо фрагментарный характер, что говорит о необходимости дальнейших исследований в этой области. Часто под видом разработки прогрессивной нормативной модели поэтапного перестроения досудебного производства в условиях развития цифровых технологий предлагаются радикальные организационные изменения досудебного производства. Так, принято считать, что высокая зрелость IT-технологий настоятельно требует трансформации существующих процессуальных порядков [7, с. 141; 8, с. 18], в частности, уместно говорить об исключении стадии возбуждения уголовного дела. Рассуждения в подобном ключе оправдываются стремлениями реализовать желаемые цели – решение проблем и противоречий начальной стадии – без учета объективных обстоятельств и возможных неблагоприятных последствий предлагаемой модернизации. Однако, полагаем, что новая цифровая реальность по определению способна обогащать нормативные комплексы уголовно-процессуального и любых других отраслей права, даже если они представляются несовершенными при традиционных оценках их законодательной эффективности. Следовательно, выглядит нелогичной расстановка приоритетов, когда вначале предлагается преобразовать досудебное производство по «эффективному сценарию», а уже потом привносить «цифру» в реорганизованный институт начала досудебного расследования. Кроме того, как верно отмечено П.П. Ищенко, цифровизация уголовного судопроизводства согласно мировому опыту вовсе не предполагает разрушительного реформирования законодательства [9, с. 97].

Не вдаваясь в дискуссию о предпочтительных путях преобразования досудебного производства, будем исходить из того, что поисковая проверочная деятельность на этапе приема сообщений о преступлении и реагирования на них объективно необходима и предпочтительнее, если она будет облачена в процессуальную форму [10, с. 132]. В настоящее время стадия возбуждения уголовного дела призвана служить процессуальным рубежом, отсекающим возможности необоснованных расследований происшествий, не имеющих криминального характера, стадия показала свою состоятельность и по праву считается сложившейся правовой традицией уголовного судопроизводства как в России, так и в Республике Беларусь.

Если обобщить обсуждаемые перспективы совершенствования уголовно-процессуальной регламентации начальной стадии процесса в условиях внедрения современных информационных технологий, наиболее востребованные и ожидаемые вскоре изменения касаются замены

устаревшего письменного делопроизводства электронным документооборотом, а также введения автоматизированного порядка приема, регистрации, обработки сообщений о преступлениях [11, с. 110], что позволит существенно снизить количество нарушений в учетно-регистрационной работе правоохранительных органов, объективизировать криминальную статистику и искоренить порочную практику укрывательства преступлений. В отдельных работах аргументируется предложение о возложении на прокуратуру функции администрирования онлайн-платформы (портала) приема и регистрации сообщений о преступлениях [12, с. 61]. Самостоятельным направлением цифровизации начальной стадии следует считать разработку и применение дистанционных форм производства следственных и иных процессуальных действий [4, с. 120]; информационные технологии также могут внедряться в целях оптимизации судебного контроля на начальном этапе уголовного судопроизводства [13, с. 43]. В контексте долгосрочных перспектив цифровых преобразований процессуальной формы досудебной стадии процесса заслуживают внимания идея создания компьютерных программ для правоприменителя, способных к анализу, а именно в автоматическом режиме соотносить информацию из сообщения с имеющимися описаниями признаков, отыскивать и предлагать правоприменителю возможные варианты соответствия; переход на фиксацию хода процессуальных действий с помощью технических средств и сохранение результатов в электронном виде [11, с. 61–62].

Говоря о возможных рисках предстоящей цифровизации, чаще имеют в виду проблему обеспечения информационной безопасности в сфере идентификации личности, угрозы несанкционированного доступа и фальсификации извне сохраненных электронных документов. Для решения этого вопроса потребуется качественное техническое решение, ведь эффективность любых правовых норм находится в прямой зависимости от уровня технического обеспечения правоохранительных органов и населения. Уместно в этой связи упомянуть об апробированных стандартах обеспечения информационной безопасности и защиты информации в любой системе электронного документооборота: аутентификации пользователя системы, распределении прав доступа для пользователей системы, поддержке электронной подписи, шифровании данных, протоколировании и аудите работы пользователей в системе в режиме реального времени [14, с. 139].

По-прежнему открыт вопрос так называемого цифрового неравенства, когда для отдельных лиц все еще остаются недоступными для понимания или использования достижения электронных технологий. Конечно, это не должно стать препятствием для доступа к правосудию, ввиду этого на первых порах прием и регистрацию сообщений о преступлениях в

электронной форме целесообразно развивать как альтернативную модель формирования повода для возбуждения уголовного дела наряду с традиционным. Полагаем, что каждое вводимое законодателем технологическое решение в ходе пилотных проектов, в рамках эксперимента в среднесрочной перспективе должно реализовываться наравне с возможностью применения прежнего порядка производства тех или иных процессуальных действий по ходатайству заинтересованных лиц (с их согласия).

Л.А. Воскобитова, анализируя попытки автоматизировать начальный этап уголовного судопроизводства в российской практике, справедливо акцентирует внимание на преобладании ведомственного подхода в такой цифровизации, когда «цифровые технологии „вписываются“ в общую работу того или иного ведомства» [11, с. 64]. И это важное замечание: в системе правоохранительных органов сейчас, пожалуй, не осталось ни одного ведомства, которое еще не внедрило бы собственные модернизированные специальные программы и сервисы, аппаратные комплексы и т. п., позволяющие создавать, подписывать защищенные электронные документы, обеспечивать их хранение, обмен, передачу, консолидацию разнородных данных, поддерживать информационное взаимодействие при решении служебных задач и т. п. При этом сложно возразить уважаемому автору в том, что цифровизация уголовного судопроизводства должна происходить на единой платформе, обеспечивающей функциональное взаимодействие должностных лиц между разными ведомствами, реализующими отдельные этапы уголовно-процессуальной деятельности.

Таким образом, цифровизация начальной стадии уголовного процесса является приоритетной задачей развития российского уголовно-процессуального законодательства в современный период, применение технических средств и технологий способствует своевременности и оперативности реагирования на поступившие сигналы о преступлении, придает оптимизируемым процедурам прозрачность и контролируемость и имеет большой потенциал в целях объективизации уголовно-процессуальной деятельности при возбуждении уголовных дел, повышения ее эффективности.

1. Талапина Э.В. Право и цифровизация: новые вызовы и перспективы // Журн. рос. права. 2018. № 2. С. 5–17.

2. Синюков В.Н. Цифровое право и проблемы этапной трансформации российской правовой системы // LexRussica. 2019. № 9. С. 9–18.

3. Добровлянина О.В. Некоторые аспекты о процессуальном изъятии (копировании) электронных носителей информации // Перм. юрид. альманах. 2019. № 1. С. 641–649.

4. Зуев С.В. Цифровая среда уголовного судопроизводства: проблемы и перспективы // Сибир. юрид. вестн. 2018. № 4. С. 118–123.

5. Пастухов П.С. Электронный документооборот в уголовном процессе США // Правопорядок: история, теория, практика. 2018. № 4. С. 81–87.

6. Рябинина Т.К., Лясковец А.В. Международное сотрудничество в сфере уголовного процесса: проблемы и перспективы // Изв. Юго-Запад. гос. ун-та. Серия «История и право». 2012. № 2-1. С. 19–23.

7. Масленникова Л.Н. Трансформация досудебного производства в начальный этап уголовного судопроизводства, обеспечивающий доступ к правосудию в эру Industry 4.0 // Актуал. проблемы рос. права. 2019. № 6. С. 137–146.

8. Власова С.В. К вопросу о приспособлении уголовно-процессуального механизма к цифровой реальности // Библиотека криминалиста. 2018. № 1. С. 9–18.

9. Ищенко П.П. О путях реформирования и цифровизации начального этапа предварительного расследования // Вестн. Ун-та имени О.Е. Кутафина. 2019. № 8. С. 89–99.

10. Рябинина Т.К., Ряполова Я.П. Негативные последствия упразднения стадии возбуждения уголовного дела // Кримінальне провадження: новації процесуальної теорії та криміналістичної практики : матеріали Міжнар. наук.-практ. конф., Сімферополь-Алушта, 18–19 квіт. 2013 р. / Тавр. нац. ун-т ім. В.І. Вернадського ; редкол.: М.А. Михайлов (відпов. ред.), Т.В. Омельченко. Сімферополь, 2013. С. 130–132.

11. Усачев А.А. Цифровизация начального этапа досудебного производства и правовая определенность российского уголовного процесса // Вестн. Ун-та имени О.Е. Кутафина. 2019. № 8. С. 100–110.

12. Воскобитова Л.А. Цифровизация начального этапа уголовного судопроизводства как необходимое средство обеспечения прав потерпевших // LexRussica. 2020. № 4. С. 53–68.

13. Масленникова Л.Н., Сушина Т.Е. Оптимизация судебного контроля на начальном этапе уголовного судопроизводства в условиях цифровых технологий // Рос. юстиция. 2019. № 3. С. 41–43.

14. Бычков С.С., Попов А.М. Обеспечение информационной безопасности в системах электронного документооборота // Решетнев. чтения. 2013. Т. 2. С. 139–140.

УДК 343.12

А.В. Самко

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ПОД СТРАЖУ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ УКРАИНЫ И КАЗАХСТАНА: ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТЬ ИМПЛЕМЕНТАЦИИ ОТДЕЛЬНЫХ ПОЛОЖЕНИЙ

Уровнем демократизации правового режима в государстве является степень обеспечения внутренним законодательством свободы и личной неприкосновенности граждан [1, л. 2].

В этой связи особенно актуальной видится детальная регламентация соответствующих правоотношений при реализации органами уголовного преследования властных полномочий в сфере применения мер пресечения, когда происходит прямое вторжение государства в сферу прав и свобод человека, подчас с существенным их ограничением, наивысшей формой выражения которого является применение меры пресечения в виде заключения под стражу.

Заключение под стражу, являясь самой строгой мерой пресечения, в настоящее время продолжает оставаться одной из самых распространенных в следственной практике, в среднем по стране заключение под стражу применяется к 35 % лиц, дела по обвинению которых были направлены в суд. Подписка о невыезде и надлежащем поведении применяется примерно к 60–65 % обвиняемых, применение остальных мер пресечения в совокупности не превышает 1–2 % [2, с. 206].

Анализ норм Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь в настоящее время позволяет говорить о том, что законодатель рассматривает исключительность применения меры пресечения в виде заключения под стражу лишь к отдельным категориям подозреваемых или обвиняемых. Так, в 2015 г. в ч. 1 ст. 126 УПК Республики Беларусь были внесены изменения, касающиеся указанных лиц по некоторым преступлениям против порядка осуществления экономической деятельности. Согласно ч. 1 ст. 432 УПК Республики Беларусь при решении вопроса о применении меры пресечения в отношении несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого в каждом случае должна обсуждаться возможность применения такой меры, как отдача несовершеннолетнего под присмотр.

В этой связи полагаем, что можно использовать компаративистский подход и подвергнуть анализу нормы, регламентирующие соответствующие правоотношения в Украине и Республике Казахстан.

Согласно ч. 1 ст. 183 УПК Украины содержание под стражей является исключительной мерой пресечения, которая применяется только в случае, если прокурор докажет, что ни одна из более мягких мер пресечения не сможет предотвратить риски, предусмотренные ст. 177 УПК Украины, регламентирующей цели и основания применения мер пресечения. На наш взгляд, указание на исключительность данной меры пресечения в большей степени ориентирует суды на скрупулезный анализ обозначенных в рассматриваемой норме требований. Кроме того, украинский законодатель более детально подходит к вопросу о возможности применения заключения под стражу к различным категориям подозреваемых и обвиняемых.

С целью оптимизации применения меры пресечения в виде заключения под стражу следует, как это сделано, например, в Республике Казахстан и

Украине, законодательно закрепить ее альтернативу, которая позволила бы максимально предупредить противоправное поведение подозреваемого или обвиняемого, в то же самое время не ограничивая его свободу, возможность трудиться и т. д. Подобной мерой пресечения в указанных государствах выступает залог, с чем, по нашему мнению, следует согласиться.

Так, согласно ч. 3 ст. 183 УПК Украины следственный судья, суд при вынесении постановления о применении меры пресечения в виде содержания под стражей обязан определить размер залога, достаточного для обеспечения выполнения подозреваемым, обвиняемым предусмотренных обязанностей. Уголовно-процессуальный закон Украины позволяет судье не выполнять эту обязанность лишь относительно преступления, совершенного с применением насилия или угрозой его применения, преступления, которое повлекло гибель человека, и в отношении лица, которому в рамках данного уголовного дела уже избиралась мера пресечения в виде залога, которая была им нарушена (ч. 4 ст. 183 УПК Украины).

Сходная регламентация содержится и в УПК Казахстана: следственный судья при вынесении постановления о санкционировании меры пресечения в виде содержания под стражей, за исключением дел об особо тяжких преступлениях, обязан определить размер залога, достаточного для обеспечения выполнения подозреваемым, обвиняемым обязанностей, предусмотренных законом (ч. 8 ст. 148 УПК Республики Казахстан). При вынесении следственным судьей, судом постановления о санкционировании меры пресечения в виде содержания под стражей залог не устанавливается в случаях: 1) подозрения, обвинения лица в совершении умышленных преступлений, повлекших смерть потерпевшего; 2) подозрения, обвинения лица в совершении преступления в составе преступной группы; террористических и (или) экстремистских преступлений; особо тяжких преступлений, предусмотренных гл. 1, 4, 5, 11 и 17 УК Республики Казахстан, а также особо тяжких преступлений, совершенных в условиях чрезвычайной ситуации или в ходе массовых беспорядков; особо тяжких воинских преступлений, совершенных в военное время или в боевой обстановке; 3) наличия достаточных оснований полагать, что подозреваемый, обвиняемый будут препятствовать судопроизводству или скроются от следствия и суда; 4) наличия данных о продолжении подозреваемым, обвиняемым преступной деятельности; 5) нарушения подозреваемым, обвиняемым ранее избранной меры пресечения в виде залога по расследуемому уголовному делу (ч. 9 ст. 148 УПК Республики Казахстан).

Как видно из приведенных примеров, уголовно-процессуальное законодательство Украины и Казахстана устанавливает прямую обязанность следственного судьи (суда) установить размер залога и детально регламентирует обстоятельства, при которых последние от подобной обязанности

отстранены. Полагаем, что указанный порядок следовало бы распространить и на отечественный уголовный процесс, и с учетом того, что у нас рассматриваемую меру пресечения санкционирует прокурор, предлагаем ч. 3 ст. 126 УПК Республики Беларусь дополнить предложением следующего содержания: «При решении вопроса о даче санкции или вынесении постановления о заключении под стражу прокурор или его заместитель либо Председатель Следственного комитета Республики Беларусь, Председатель Комитета государственной безопасности Республики Беларусь или лица, исполняющие их обязанности, обязаны определить размер залога, достаточного для обеспечения выполнения подозреваемым, обвиняемым предусмотренных настоящим Кодексом обязанностей, за исключением случаев совершения ими преступления с применением насилия или угрозой его применения, преступления, которое повлекло гибель человека, и в отношении лица, которому в рамках данного уголовного дела уже избиралась мера пресечения в виде залога, которая была им нарушена».

Несмотря на то обстоятельство, что согласно ч. 1 ст. 124 УПК Республики Беларусь вид и размер залога устанавливает орган, ведущий уголовный процесс, установление размера залога прокурором в подобном случае не будет, на наш взгляд, противоречить требованиям закона, так как именно в подобной ситуации залог не носит характера самостоятельной меры пресечения, а лишь выступает в качестве альтернативы заключению под стражу.

1. Орлов Р.В. Применение заключения под стражу в качестве меры пресечения на предварительном расследовании в российском уголовном судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. Иркутск, 2008.

2. Петрова О.В. Совершенствование порядка применения мер пресечения в современном обществе // Проблемы совершенствования правовых средств и механизмов противодействия преступности в современном обществе : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 13–14 окт. 2006 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: А.В. Барков (отв. ред.) [и др.]. Минск, 2007. С. 205–208.

УДК 343.102

А.С. Сенько

ПРОБЛЕМНЫЙ СПЕКТР РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛНОМОЧИЯ СЛЕДОВАТЕЛЯ НА ВНЕСЕНИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ

В Республике Беларусь традиционно со стороны государства уделяется повышенное внимание профилактике правонарушений. В этой области принят ряд ключевых законодательных актов, государственных и

региональных программ, а также на системной основе осуществляются иные целевые правовые, организационные и материально-технические мероприятия по реализации общих и индивидуальных мер профилактики правонарушений в стране.

В этой связи небезыntenесен вопрос о профилактической роли органов следствия в предупреждении уголовно-процессуальных правонарушений со стороны органов дознания. Следует отметить, что правоприменительная практика органов уголовного преследования, а также в определенной мере сообщество теоретиков-правоведов уделяют определенное внимание данному аспекту компетентционной деятельности должностных лиц органов предварительного следствия (Александров А.Н., Рудов Д.Н. Предупредительная деятельность следователя как один из важнейших аспектов обеспечения задач уголовного судопроизводства // Вестн. Белгор. юрид. ин-та МВД России. 2013. № 1. С. 33–37). В частности, обсуждается вопрос о полномочиях и формах профилактического воздействия органов предварительного следствия на органы дознания в связи с осуществлением последними уголовного преследования по уголовным делам и материалам до передачи их следователю. В качестве одной из таких форм выделяется полномочие по внесению следователями в орган дознания представления в порядке, предусмотренном ст. 199 УПК Республики Беларусь. В качестве основания внесения представления, как правило, признаются установленные следователями сведения об обстоятельствах, свидетельствующих о несоблюдении действующего законодательства со стороны лиц, производящих дознание при рассмотрении ими заявлений и сообщений о преступлениях либо производстве неотложных следственных и других процессуальных действий по уголовным делам.

По нашему мнению, по целому ряду причин с подобной точкой зрения вряд ли можно согласиться. Во-первых, данное мнение, полагаем, не основывается на действующем законодательстве. Так, уголовно-процессуальный закон гласит, что орган уголовного преследования, установив при производстве по материалам проверки или уголовному делу нарушения закона, а также причины и условия, способствовавшие совершению преступления, вправе внести в соответствующие организации или должностному лицу представление о принятии мер по устранению нарушений закона, причин и условий, способствовавших совершению преступления (ст. 199 УПК). Таким образом, грамматическое толкование приведенного текста нормативной правовой нормы и систематическое ее толкование в общей системе правового регулирования полномочий следователя и его задач при производстве по материалам проверки и уголовному делу позволяют прийти к однозначному выводу

о том, что следователь наделен полномочиями только на внесение представления о принятии мер по устранению нарушений закона, которые способствовали совершению преступления (преступлений), а также о принятии мер по устранению причин и условий, способствовавших совершению преступления (преступлений). Каких-либо полномочий о внесении представлений об устранении иных нарушений закона, выявленных следователем, которые не способствовали совершению преступления, в том числе нарушений уголовного или уголовно-процессуального законов, допущенных органом дознания при проведении доследственной проверки или первоначальных следственных действий по уголовному делу, УПК следователю не предоставляет. Подобные полномочия следователя не просматриваются и в тексте иных нормативных правовых актов, в том числе в Законе Республики Беларусь от 13 июля 2012 г. № 403-З «О Следственном комитете Республики Беларусь».

Во-вторых, аргументом, говорящим не в пользу анализируемого видения содержания правомочия следователя, является указание закона на то, что внесенное следователем представление подлежит рассмотрению организацией или должностным лицом с обязательным уведомлением о принятых мерах в месячный срок со дня получения такого представления. В этом случае для устранения выявленных нарушений закона (причин и условий, способствовавших совершению преступления) лицу, производящему дознание (начальнику органа дознания), необходимо как минимум принять к своему производству соответствующие материалы проверки либо уголовное дело. Отсутствие у должностного лица органа дознания под рукой таких материалов проверки (уголовного дела) попросту юридически обесценивает факт внесения следователем обозначенной категории представлений. Как известно, уголовно-процессуальный закон не предоставляет возможности следователю направлять для принятия лицом, производящим дознание, к своему производству данных процессуальных материалов в целях устранения указанных в представлении нарушений закона.

В-третьих, действующий УПК предусматривает только две легальные процессуальные формы реагирования должностных лиц органов предварительного следствия (причем они касаются не следователей, а начальников следственных подразделений) на нарушения закона, допущенные со стороны должностных лиц органов дознания при реализации ими функции уголовного преследования по уголовным делам и материалам до передачи их следователю. К ним относится прежде всего полномочие начальника следственного подразделения возвращать органу дознания для проведения проверки заявления (сообщения) о преступном деянии, не содержащие достаточных данных, указывающих на

признаки преступления, с обязательным письменным указанием обстоятельств, подлежащих выяснению в ходе проверки, и возможных мер по их установлению (п. 6 ч. 2 ст. 35 УПК). В качестве второго полномочия, направленного на устранение нарушений законности со стороны лиц, производящих дознание, выступает право начальника следственного подразделения вносить на имя соответствующего надзирающего прокурора представления об отмене незаконных и необоснованных постановлений органа дознания (п. 16 ч. 2 ст. 35 УПК).

Помимо приведенных законодательных имеются, на наш взгляд, и веские теоретические предпосылки, не позволяющие признать в качестве процессуальной истины анализируемое полномочие следователя (начальника следственного подразделения) по внесению представлений. Допущение возможности внесения следователем относительно процессуальных деяний должностных лиц органов дознания представления об устранении нарушений закона, причин и условий, способствовавших совершению преступления, значительно поколеблет устоявшееся в теории уголовного процесса представление относительно функционального спектра распределения деятельности участников уголовного процесса. Согласно классическому представлению о реализуемых субъектами уголовно-процессуальной деятельности функций на органы уголовного преследования, в том числе органы следствия, возложена функция уголовного преследования лиц, подозреваемых (обвиняемых) в совершении уголовно наказуемых деяний. Сообразно данной функции субъекты наделяются соответствующими процессуальными правами и обязанностями, позволяющими им в полной мере ее реализовать в правоприменительной деятельности. Другими словами, правовая сущность возложенной на них функции определяет целевую направленность предоставленных им же законодателем полномочий (прав и обязанностей). Полномочие по внесению исследуемого представления никоим образом не способствует следователям в реализации функции уголовного преследования. Более того, наличие у субъекта обозначенного уголовно-процессуального средства косвенным образом указывает на принадлежность ему таких несвойственных функций, как процессуальное руководство дознанием и осуществлением прокурорского надзора за соблюдением законов при производстве дознания. Между тем общепризнанно, что данные функции в уголовном процессе Республики Беларусь вовсе не присущи следователю (начальнику следственного подразделения). По УПК функция осуществления надзора за исполнением законов при производстве дознания, а также процессуального руководства дознанием возложена

на генерального прокурора Республики Беларусь и подчиненных ему нижестоящих прокуроров.

В связи с вышеизложенным следует констатировать, что должностные лица органов предварительного следствия при выявлении нарушений закона, допущенных органом дознания при производстве им по материалам проверки и уголовному делу до передачи их следователю, не уполномочены на внесение представлений в порядке ст. 199 УПК. Вместе с тем очевидно и иное. Без надлежащего реагирования со стороны органов предварительного следствия подобные случаи оставаться не должны. Прежде всего в подобной ситуации действия следователя в соответствии с его уголовно-процессуальными полномочиями должны быть направлены на непосредственное устранение допущенных правовых ошибок. При недостаточности у следователя к этому правового арсенала ему следует обращаться за содействием к начальнику следственного подразделения для применения им полномочий, предусмотренных п. 6 и 16 ч. 2 ст. 35 УПК. Помимо этого в случае необходимости следователю нужно в установленном законодательством порядке инициировать перед надзирающим прокурором вопрос о реализации последним прокурорско-надзорных полномочий, предусмотренных ст. 34 УПК.

УДК 343.1(035.3)

С.А. Сергеев, В.И. Балко

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И НЕГЛАСНЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

С 1 января 2015 г. в законную силу вступил новый УПК РК, направленный на реализацию уголовно-процессуального законодательства и правоприменительной практики, а также на упрощение и повышение эффективности уголовного процесса в Республике Казахстан. В гл. 30 УПК РК введен новый юридический термин «негласные следственные действия», который заимствован из юридической практики стран Западной Европы.

Введение в уголовно-процессуальное законодательство данного правового института направлено на более полное использование в уголовном процессе материалов, полученных в результате оперативно-розыскной деятельности.

В ст. 7 УПК РК дано разъяснение этого понятия: негласное следственное действие – действие, проводимое в ходе досудебного производства без предварительного информирования лиц, интересов которых оно касается, в порядке и случаях, предусмотренных УПК РК.

Перечень негласных следственных действий обозначен в ст. 231 УПК РК. В настоящее время в законодательстве РК их выделено восемь видов.

Это связано законодательно и правоприменительно со стремлением сотрудников правоохранительных и специальных государственных органов совершать один из восьми видов негласных следственных действий для получения фактических данных по уголовному делу.

Негласные следственные действия, как правило, производятся по поручению органа досудебного расследования уполномоченным подразделением правоохранительного или специального государственного органа с использованием форм и методов оперативно-розыскной деятельности [1].

Негласные следственные действия проводятся: по делам о преступлениях, санкция за совершение которых предусматривает наказание в виде лишения свободы свыше одного года; по преступлениям, подготовляемым и совершаемым преступной группой.

Порядок процедуры проведения негласных следственных действий определяется специальными государственными органами по согласованию с генеральным прокурором. Особенностью является возможность процедуры проведения негласных следственных действий лишь в случаях, когда информация об обстоятельствах дела не может быть получена путем проведения следственных действий.

Негласные следственные действия проводятся в Казахстане с санкции следственного судьи специализированного следственного суда, специализированного межрайонного следственного суда на основании мотивированного постановления лица, осуществляющего досудебное расследование, либо иных должностных лиц, уполномоченных УПК РК на вынесение соответствующего постановления.

В течение долгого периода между законодателями и правоприменителями проводились разные дискуссии, которые не прекращаются до сих пор, по вопросам негласных следственных действий, соблюдения законности во время их проведения, допустимости результатов в качестве фактических данных, принципиальных различий настолько подобных между собой негласных следственных действий и специальных оперативно-розыскных мероприятий.

В настоящее время имеют место несколько подходов к оценке института негласных следственных действий, даже диаметрально противоположных.

Одни ученые поддерживают эти нововведения и высказывают рекомендации по их совершенствованию. Даже предлагают «увеличить количество негласных следственных действий» [2].

Другие усматривают «определенные проблемы в адаптации негласных следственных действий к уголовно-процессуальной деятельности» [3].

Таким образом, негласные следственные действия не получили необходимой и совершенной процессуальной формы, которая послужила бы достаточным основанием для признания их доказательствами.

Возникает закономерный вопрос: как может правомерно проводиться негласное следственное действие, если процессуальный порядок его проведения законом не регламентирован?

УПК РК и Законом Республики Казахстан от 5 июля 2018 г. № 176-VI ЗРК «Об адвокатской деятельности и юридической помощи» запрещается проводить негласные следственные действия в отношении адвокатов, осуществляющих профессиональную помощь.

Однако довольно часто в практике происходят события, когда при проведении такого негласного следственного действия, как негласный аудиоконтроль в отношении подозреваемого в совершении уголовного правонарушения, к нему приходит адвокат. Совместно они уточняют, какую выбрать линию защиты и, естественно, обсуждают совершенное подзащитным уголовное правонарушение.

По Закону РК от 15 сентября 1994 г. № 154-XIII «Об оперативно-розыскной деятельности» технически такие негласные следственные действия осуществляются органами национальной безопасности РК, для чего им выделяются необходимые силы и средства. Прервать или отключить технические средства оперативный сотрудник не может.

По окончании проведения данного негласного следственного действия его результаты, зафиксированные на электронный носитель, передаются следователю. Проведенная негласная аудиозапись не будет являться доказательством, но она приобщается к материалам уголовного дела и прослушивается всеми участниками уголовного процесса, в том числе в суде.

Налицо нарушение конституционного законодательства, гарантирующего право на защиту и право адвоката на свидание, которое проходит конфиденциально.

Некоторые ученые принципиально не согласны с введенным институтом негласных следственных действий. По их мнению, оперативно-розыскные мероприятия в УПК РК названы «негласными следственными действиями», но, по существу, таковыми не являются. Они только проводятся по инициативе следователя, а после их проведения исследуются, по результатам чего составляется протокол негласных следствен-

ных действий, хотя по сути своей они являются оперативно-розыскными мероприятиями [4].

В данном случае нужно отметить, что их сходство заключается и в том, что их названия также идентичны. Такая идентичная терминология понятий видов оперативно-розыскных мероприятий и сходных видов негласных следственных действий приводит к исключению важнейшей части оперативно-розыскной деятельности, а именно специальных оперативно-розыскных мероприятий, и в конечном итоге нивелирует оперативно-розыскную деятельность как вид государственной деятельности, другими словами, нивелируется оперативно-розыскное сопровождение уголовного судопроизводства.

Без привлечения сил и средств оперативно-розыскной деятельности не обходится ни одно досудебное расследование уголовных правонарушений.

С юридической точки зрения целью проведения как негласных следственных действий, так и специальных оперативно-розыскных мероприятий является поиск доказательств по конкретному уголовному делу.

Однако оперативно-розыскные мероприятия регламентируются не законом, а подзаконными ведомственными нормативными актами, поэтому отнесение некоторых оперативно-розыскных мероприятий к следственным действиям, пусть и негласным, не наделяет их доказательственным значением. Тем более что документирование специальных оперативно-розыскных мероприятий и негласных следственных действий ограничено грифом «ДСП» – для служебного пользования, что требует доступа ограниченного круга лиц и затрудняет трансформацию полученных результатов в уголовный процесс.

Таким образом, предлагаем в гл. 30 УПК РК «Негласные следственные действия» оставить только следующие негласные следственные действия: негласные аудио- и (или) видеоконтроль лица или места; негласное наблюдение за лицом или местом. Остальные виды негласных следственных действий целесообразно исключить.

По нашему мнению, нельзя допускать консолидацию уголовно-процессуального права и оперативно-розыскной деятельности, следует обеспечивать их взаимодействие в выявлении, раскрытии, расследовании и предотвращении уголовных правонарушений.

1. Когамов М.Ч. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Республики Казахстан. Т. 2. Особенная часть. Алматы, 2015.

2. Банчук А.А. Начало досудебного расследования и негласные следственные действия в новом УПК Республики Казахстан: международные стандарты и практика их применения [Электронный ресурс] // Zakon.kz. 2014. Ноябрь.

URL://www.zakon. kz/4676710-nachalo-dosudebnogo-rassledovanija-i.html (дата обращения: 14.09.2020).

3. Ахпанов А.Н. Конструктивно-критический подход к проекту новой редакции УПК Республики Казахстан // Право и государство. № 3. 2013. С. 51–55.

4. Толеубекова Б.Х. Система следственных действий по проекту новой редакции Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан // Современные взгляды на систему права. М., 2013. С. 12–19.

УДК 343.98.068

В.С. Соркин

О ЗАЩИТЕ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ И СВОБОД ГРАЖДАН В ХОДЕ ПРИОСТАНОВЛЕНИЯ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

В соответствии со ст. 7 УПК Республики Беларусь к одной из непосредственных задач уголовного процесса законодатель относит защиту личности, ее прав и свобод от преступных посягательств. Проанализируем отдельные нормы уголовно-процессуального законодательства, которые, на наш взгляд, весьма существенно ограничивают реализацию гражданами защиту своих прав и законных интересов в ходе приостановления производства по уголовному делу.

В соответствии с ч. 1 ст. 247 УПК Республики Беларусь в случае приостановления предварительного следствия следователь обязан письменно уведомить потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика и их представителей и одновременно разъяснить им, что постановление о приостановлении предварительного следствия может быть обжаловано прокурору.

УПК Республики Беларусь в отличие от уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации не предусматривает право на обжалование данного процессуального решения в суд [1]. В связи с этим возникает ряд вопросов, которые, по-нашему мнению, должным образом не урегулированы уголовно-процессуальным законодательством. Так, участникам уголовного процесса, перечисленным в ч. 1 ст. 247 УПК Республики Беларусь, копия постановления о приостановлении предварительного расследования по уголовному делу не вручается. Вряд ли подобное обстоятельство может свидетельствовать об эффективности защиты прав и законных интересов граждан в ходе досудебного производства по уголовному делу.

На наш взгляд, данный пробел законодателя может быть устранен путем наделения участников процесса, указанных в ч. 1 ст. 247 УПК Республики Беларусь, правом обратиться с просьбой о вручении копии

постановления о приостановлении предварительного расследования. Заметим, что уголовно-процессуальным законодательством Республики Беларусь вообще не предусмотрено право потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика и их представителей на ознакомление с материалами приостановленного уголовного дела. По нашему мнению, данное обстоятельство не отвечает задачам уголовного процесса в части защиты личности, ее прав и свобод, интересов общества и государства путем быстрого и полного расследования преступлений. Думается, что целесообразно закрепить в законе (по аналогии с ч. 3 ст. 252 УПК Республики Беларусь) право для потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика и их представителей на ознакомление с материалами приостановленного уголовного дела. Такая же норма уголовно-процессуального закона была бы уместна и по аналогии с ч. 2 ст. 252 УПК Республики Беларусь, где речь идет о вручении копии постановления о прекращении предварительного расследования либо уголовного преследования (за исключением ч. 1 ст. 59¹ УПК Республики Беларусь). Мы, безусловно, учитываем разницу между уголовно-процессуальными терминами приостановления предварительного расследования, означающий временный перерыв в процессуальности деятельности, который обусловлен указанными в законе основаниями, и прекращением предварительного расследования либо уголовного преследования, которым констатируется факт прекращения всего производства по уголовному делу. Солидаризируемся с мнением А.В. Гриненко в той части, где он утверждает, что не является формой окончания предварительного расследования сама процедура его приостановления, так как данное решение относится к разряду промежуточных [2, с. 491–502].

Тем не менее не следует забывать и об уголовно-процессуальных гарантиях, установленных для участников уголовного процесса в части реализации ими своих прав и законных интересов. Что же касается недопустимости разглашения данных предварительного расследования при приостановлении производства по уголовному делу, то наличие ст. 59¹ и 198 УПК Республики Беларусь создает эффективный механизм защиты и интересов государства в уголовном процессе.

Остановимся еще на ряде некоторых противоречиях уголовно-процессуального законодательства в части реализации прав и законных интересов участников уголовного процесса, указанных в ч. 1 ст. 247 УПК Республики Беларусь, в ходе приостановления предварительного расследования. Ст. 50–56 УПК Республики Беларусь прямо предписывают для потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика, их представителей право получать от органа, ведущего уголовный процесс, уведомления о принятии решений, затрагивающих их права и интересы,

а также бесплатно получать копии этих решений. Однако законодатель, предоставив подобное право, не регламентировал должным образом процедуру получения процессуальных документов, затрагивающих права и интересы указанных участников уголовного процесса. Это утверждение можно отнести к редакции ст. 248 УПК Республики Беларусь, где речь идет о розыске обвиняемого (вышеперечисленные участники уголовного процесса не уведомляются о том, что розыск обвиняемого объявлен, однако данное обстоятельство самым непосредственным образом может затрагивать их права и законные интересы). Получается, что реализация своих прав в обозначенной части для данных участников уголовного процесса возможна только путем заявления соответствующего ходатайства, которое органами уголовного преследования может быть отклонено. Далеко не всегда процедура обжалования действий и решений органа, ведущего уголовный процесс, приводит к положительному результату в части защиты прав и законных интересов граждан при приостановлении предварительного расследования по уголовному делу.

Резюмируя вышеизложенное, можно констатировать, что уголовно-процессуальное законодательство в части защиты прав и свобод граждан при приостановлении предварительного расследования нуждается в дальнейшем совершенствовании.

1. По делу о проверке конституционности положений статьи 133, части первой статьи 218 и статьи 220 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан В.К. Борисова, Б.А. Кехмана, В.И. Монастырецкого, Д.И. Фуфлыгина и общества с ограниченной ответственностью «Моноком» [Электронный ресурс] : постановление Конституц. Суда Рос. Федерации, 23 марта 1999 г., № 5-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс. Россия».

2. Уголовное судопроизводство: теория и практика / А.С. Александров [и др.] ; под ред. Н.А. Колоколова. М., 2011.

УДК 343.14

А.М. Сяргейчык

ПАНЯЦЕ І КЛАСІФІКАЦЫЯ ДОКАЗАЎ І ІХ КРЫНІЦ У КРЫМІНАЛЬНА-ПРАЦЭСУАЛЬНЫМ ЗАКАНАДАЎСТВЕ УКРАЇНЫ

Усе неабходныя акалічнасці ў крымінальным працэсе ўстанаўліваюцца з дапамогай крымінальна-працэсуальных доказаў. Згодна з Крымінальным працэсуальным кодэксам Украіны (КПК) імі з'яўляюцца фактычныя даныя, атрыманыя ў прадугледжаным гэтым кодэксам парадку, на падста-

ве якіх следчы, пракурор, следчы суддзя і суд устанаўліваюць наяўнасць або адсутнасць фактаў і акалічнасцей, якія маюць значэнне для вядзення крымінальных спраў і падлягаюць даказванню (ч. 1 арт. 84).

Паняцце крымінальна-працэсуальнага доказу адрозніваецца ад паняцця доказу ў логіцы. «Доказ – лагічная працэдура, пры якой выраз, пра які пакуль неведома, ці праўдзівы ён, лагічна выводзіцца з выказванняў, праўдзівасць якіх ужо ўстаноўлена» (Берков В.Ф., Яскевич Я.С., Павлюкевич В.И. Логика : учеб. пособие. Минск, 1998. С. 240). Доказ у логіцы складаецца з трох частак: тэзіса, аргументаў і дэманстрацыі. Вядома, доказы ў агульналагічным сэнсе шырока прымяняюцца ў крымінальным працэсе, асабліва пры абгрунтаванні працэсуальных рашэнняў (пастановы, прыгаворы і інш.), але ў далейшым мы будзем мець на ўвазе менавіта крымінальна-працэсуальныя доказы, г. зн. фактычныя даныя, звесткі аб фактах, акалічнасцях справы, якія выкарыстоўваюцца ў якасці аргументаў.

Пытанне аб тым, што трэба разумець пад фактычнымі данымі, пра якія гаворыцца ў законе, не знайшло адзінага вырашэння ў юрыдычнай літаратуры. Адны вучоныя лічаць, што фактычнымі данымі з'яўляюцца факты, другія – звесткі аб фактах, трэція – усё гэта разам.

Разуменне фактычных даных як звестак, атрыманых з названых у КПК (ч. 2 арт. 84) працэсуальных крыніц (паказанні, рэчавыя доказы, дакументы, заключэнні экспертаў), найбольш пашырана ў крымінальна-працэсуальнай дактрыне ў цяперашні час. Факты – падзеі, з'явы рэчаіснасці, якія нельга фізічна далучыць да справы. Аднак пры даказванні па крымінальнай справе следчы, пракурор і суддзі аперыруюць звесткамі аб гэтых падзеях і з'явах рэчаіснасці, бо яны зафіксаваны ў паказаннях дапытаных асоб, дакументах і іншых крыніцах доказаў. Нават пры непасрэдным успрыманні фактаў і акалічнасцей у ходзе правядзення следчых і судовых дзеянняў (агляд, даследаванне і т. п.) следчы або суддзі ў канчатковым выніку аперыруюць не гэтымі фактамі, а толькі звесткамі пра іх, якія зафіксаваны ва ўстаноўленым законам парадку ў пратаколах следчых дзеянняў і судавага пасяджэння.

Прадугледжаныя ч. 2 арт. 84 КПК паказанні, рэчавыя доказы і высновы экспертаў, з дапамогай якіх устанаўліваюцца фактычныя даныя, называюцца працэсуальнымі крыніцамі доказаў.

Паколькі ў працэсуальных крыніцах утрымліваюцца звесткі пра факты, акалічнасці справы, яны з'яўляюцца носбітамі доказаў. Толькі звесткі з такіх крыніц дапушчальна выкарыстоўваць у крымінальным працэсе ў якасці доказаў. Вядома, калі прасачыць увесь ланцуг прычынна-выніковых сувязяў, можна прыйсці да высновы, што крыніцай доказнай інфармацыі з'яўляецца сама падзея, бо яна пакінула сляды ў наваколь-

ним асяроддзе, якія потым у выніку працэсуальнай дзейнасці следчага і суда становяцца працэсуальнымі доказамі.

Уяўляецца, што варта не лічыць крыніцай доказаў саміх сведак, пацярпеўшых, падазроных, абвінавачаных, экспертаў, аўтараў працэсуальных і іншых дакументаў. Пакуль доказная інфармацыя, якую маюць пэўныя асобы, не атрымана ад іх і не зафіксавана ў прадугледжанай КПК форме, не выкладзена ў заключэнні эксперта, доказаў яшчэ няма і, значыць, няма іх крыніц, якія павінны быць ў справе. Пeralічаных вышэй асоб дакладней было б называць носьбітамі магчымай доказнай інфармацыі.

Дакладнае і паслядоўнае адмежаванне доказаў як звестак пра факты, акалічнасці ад іх працэсуальных крыніц паслядоўна праводзіцца і ў крмінальным працэсуальным заканадаўстве Украіны. Так, напрыклад, КПК прама сцвярджае, што ў матывіровачнай частцы прыговору суд павінен прывесці доказы для пацвярджэння ўстаноўленых судом акалічнасцей, а таксама матывы няўлічвання асобных доказаў (падп. 3 п. 2 ч. 3 арт. 374).

Адпаведнае адмежаванне прасочваецца і пры класіфікацыі доказаў і іх працэсуальных крыніц. Толькі доказы, як фактычныя даныя, звесткі, могуць падзяляцца на прамыя і ўскосныя, абвінаваўчыя і апраўдальныя. Але першапачатковымі і вытворнымі могуць быць як доказы, так і іх крыніцы.

Падставай дзялення доказаў на прамыя і ўскосныя з'яўляецца дачыненне іх да канкрэтнай акалічнасці, якая падлягае доказу. Як вядома, прамыя доказы непасрэдна паказваюць на пэўную акалічнасць або на яе адсутнасць.

Ускосныя доказы, як і прамыя, таксама маюць важнае значэнне, але іх непасрэднае выкарыстанне ў крмінальным працэсе ўскладняецца. Неабходна, каб яны былі цесна ўзаемазвязаны, стваралі сістэму доказаў.

Адносна падазрэння ва ўчыненні злачынства, а таксама акалічнасцей, абцяжваючых або змякчаючых адказнасць, доказы класіфікуюцца ўкраінскім заканадаўцам на абвінаваўчыя і апраўдальныя.

Доказы па крыніцы атрымання звестак аб фактах, па характары фарміравання крыніцы доказаў бываюць першапачатковымі і вытворнымі. Першапачатковыя доказы і іх крыніцы яшчэ называюцца першаснымі. Такімі, напрыклад, з'яўляюцца паказанні сведкі-відавочцы, арыгінал дакумента і інш. Паказанні сведкі з чужых слоў – вытворны доказ. Пры гэтым, як вынікае з агульнага сэнсу арт. 97 КПК, калі крыніца даных з паведамленняў сведкі невядома (напрыклад, паказанні па чутках), яны не прызнаюцца доказам, як і падобныя паказанні пацярпеўшых, падазроных, абвінавачаных. Вытворнай крыніцай доказаў з'яўляецца копія дакумента.

Падводзячы вынік, можна зрабіць наступныя высновы.

У адпаведнасці з КПК Украіны доказамі ў крмінальным працэсе з'яўляюцца фактычныя даныя, атрыманыя ў прадугледжаным крмінальным працэсуальным законам парадку, на падставе якіх следчы, пракурор, следчы суддзя і суд устанаўліваюць наяўнасць або адсутнасць фактаў і акалічнасцей, якія маюць значэнне для выдзялення крмінальнай справы і падлягаюць даказванню.

У якасці доказаў у крмінальным працэсе Украіны выкарыстоўваюцца паказанні сведак, пацярпеўшага, падазронага і абвінавачанага, рэчавыя доказы, заключэнні экспертаў, пратаколы следчых і судовых дзеянняў і іншыя дакументы.

Не могуць служыць доказамі фактычныя даныя, крыніца і спосаб атрымання якіх невядомыя або забароненыя законам, а таксама даныя, атрыманыя незаконным шляхам.

У крмінальным працэсуальным заканадаўстве Украіны паслядоўна праводзіцца адмежаванне доказаў як звестак пра факты, акалічнасці ад іх працэсуальных крыніц.

УДК 343

В.В. Тропин, А.С. Зубко

О ПРОБЛЕМАХ РАССЛЕДОВАНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ, СВЯЗАННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ПОДДЕЛЬНЫХ ДОКУМЕНТОВ ПРИ ПЕРЕСЕЧЕНИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ГРАНИЦЫ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Производство дознания по преступлениям, предусмотренным ст. 380 Уголовного кодекса Республики Беларусь, в соответствии со ст. 37 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь входит в компетенцию органов пограничной службы в случае, если данное преступление выявляется при выполнении возложенных на органы пограничной службы задач. Указанное преступление в большинстве случаев обнаруживается при проведении пограничного контроля в пунктах пропуска через Государственную границу Республики Беларусь.

В практике преобладают случаи, когда используются заведомо подложные документы, частично поддельные документы, полностью поддельные документы для выезда из Республики Беларусь.

В настоящее время у правоохранительных органов, в том числе у органов пограничной службы, отсутствует возможность избрать меру пресечения в виде заключения под стражу в соответствии со ст. 126 УПК в отношении лиц, использующих подложные документы при пересечении

Государственной границы Республики Беларусь. Между тем из числа имеющих такую меру пресечения является единственной, которая обеспечивает гарантированное участие лица, подозреваемого в совершении соответствующего преступления, из числа иностранных граждан или лиц без гражданства в уголовном процессе.

Указанная проблема достаточно актуальна и требует дополнительного исследования.

Кроме того, деяния лиц, использующих заведомо подложные документы, дающие право пересечения Государственной границы, квалифицируются как административные правонарушения, предусмотренные ст. 23.29 (Незаконное пересечение Государственной границы Республики Беларусь) Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях, а также как уголовно наказуемые деяния, предусмотренные ч. 1 ст. 380 УК (Подделка, изготовление, использование либо сбыт поддельных документов, штампов, печатей, бланков).

Однако в соответствии с ч. 2 ст. 3.32 Процессуально-исполнительного кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях, если при рассмотрении дела об административном правонарушении суд, орган, ведущий административный процесс, установят, что в правонарушении содержатся признаки преступления, они прекращают дело об административном правонарушении и передают материалы этого дела прокурору, органам уголовного преследования.

Включение в диспозицию ч. 1 ст. 371 УК квалифицирующего признака «с использованием заведомо подложного документа для пересечения Государственной границы Республики Беларусь» позволит упразднить административную ответственность за совершение данного деяния. Это, в свою очередь, сократит документооборот, затраты, связанные с ведением административного процесса (в том числе по проведению экспертизы в рамках административного процесса), а также служебную нагрузку на правоохранительные органы. Кроме того, это будет способствовать соблюдению одного из основных принципов административного и уголовного закона – принципа гуманизма, так как исключит дополнительную административную ответственность правонарушителя.

По мнению А.В. Шидловского, если использование подложного документа выступает в качестве способа совершения конкретного преступления, оно полностью охватывается составом этого преступления и не требует дополнительной квалификации по ст. 380 УК (Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / Н.Ф. Ахраменка [и др.] ; под ред. А.В. Баркова, В.М. Хомича. 2-е изд., с изм. и доп. Минск, 2010. С. 381). В этой связи использование подложного документа при пересечении, Государственной границы Респуб-

ки Беларусь является способом ее незаконного пересечения, а поэтому логично включить данный квалифицирующий признак в состав преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 371 УК.

Становится очевидным разная общественная опасность деяний, предусмотренных ч. 1 ст. 380 УК, и использования подложных документов для пересечения Государственной границы. Органы пограничной службы ежегодно выявляют лиц, использующих подложные документы при пересечении Государственной границы, которые являются опасными преступниками, разыскиваемыми правоохранительными органами иностранных государств. Использование поддельных документов для пересечения Государственной границы указанными лицами по степени общественной опасности гораздо выше, так как может способствовать проникновению на территорию Республики Беларусь лиц, занимающихся экстремистской, террористической и иной противоправной деятельностью.

Таким образом, предлагаемая редакция ч. 1 ст. 371 УК обеспечит гарантированное участие в производстве процессуальных действий и в судебном разбирательстве задержанных лиц, что будет способствовать соблюдению принципов законности, равенства граждан перед законом, неотвратимости ответственности, личной виновной ответственности, справедливости и гуманности.

УДК 343.13

И.С. Трубчик, К.А. Костенко

О ПЕРСПЕКТИВАХ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА В РОССИИ

Повышение эффективности досудебного производства является одним из наиболее приоритетных направлений деятельности органов законодательной и исполнительной власти Российской Федерации. Очевидно, что совершенствование данной работы невозможно без изучения практической реализации норм уголовно-процессуального законодательства.

Необходимо отметить, что на формирование современного уголовно-процессуального законодательства в России особое влияние оказала и в настоящее время продолжает оказывать континентальная модель права. Россия, вступив в 1996 г. в Совет Европы, провела достаточно большую работу по приведению уголовного и уголовно-процессуального законодательства в соответствие международным правовым стандартам.

Началом этой работы стало принятие в 1996 г. Уголовного кодекса, в это же время был издан ряд постановлений Конституционного Суда

РФ, регламентирующих в том числе вопросы исчисления сроков при избрании меры пресечения – заключение под стражу, порядка обжалования такого решения, а также порядка обжалования иных решений, принимаемых органами предварительного расследования, и др. Однако самым существенным шагом стало принятие в 2001 г. нового Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Новый УПК, бесспорно, более прогрессивен по сравнению с УПК РСФСР, но все-таки требовал соответствующих дополнений и изменений. Первое, с чем столкнулись органы предварительного следствия, – необходимость согласия прокурора на возбуждение уголовного дела. Это вызвало определенные трудности, что тормозило процесс раскрытия преступлений. Закон требовал предоставить прокурору материалы доследственной проверки и только потом следователи могли получить согласие на возбуждение уголовного дела. Впоследствии соответствующие поправки в УПК РФ изменили этот порядок и следователи, как и прежде, самостоятельно стали возбуждать уголовные дела.

В настоящее время в современном уголовно-процессуальном законодательстве России стадия возбуждения уголовного дела (далее также стадия доследственной проверки или проверки сообщения о преступлении) рассматривается как неотъемлемая часть процессуальной деятельности органов предварительного расследования, направленная на сбор сведений, необходимых для принятия законного и обоснованного процессуального решения о возбуждении уголовного дела или иного решения, предусмотренного ч. 1 ст. 145 УПК РФ [1, с. 23].

Необходимо отметить, что предварительная проверка сообщения о преступлении как самостоятельная стадия до принятия УПК РСФСР 1960 г. в процессуальном законодательстве отсутствовала. Ранее действовавшие УПК РСФСР 1922 и 1923 гг. самостоятельного процессуального акта о возбуждении уголовного дела не содержали. Развитие эта стадия получила в УПК РСФСР 1960 г., где она была регламентирована в ст. 109–116.

Ст. 109 УПК РСФСР предусматривала 3-суточный срок принятия решения по сообщению о преступлении, который в исключительных случаях мог быть продлен до 10 суток. При этом ч. 2 ст. 109 УПК РСФСР запрещала производство следственных действий, за исключением истребования необходимых материалов и получения объяснений.

На наш взгляд, в условиях запрета производства следственных действий в ходе проверки сообщения о преступлении максимальный срок для принятия решения – 10 суток – представлялся вполне достаточным и обоснованным [1, с. 24].

В ст. 144 УПК РФ 2001 г. на стадии доследственной проверки изначально не было предусмотрено расширенного перечня следственных или

иных процессуальных действий. Лишь в ч. 2 ст. 176 УПК РФ законодатель прописал возможность проведения только осмотра места происшествия (в неотложных случаях), как это было ранее в УПК РСФСР (ч. 2 ст. 178).

Последующее развитие стадии возбуждения уголовного дела уже не оставляло шансов остановиться в «гонке» законодателя за расширением процессуальных полномочий следователя на этой стадии. Так, в 2003 г. ч. 3 ст. 144 УПК РФ дополнена возможностью проведения документальных проверок и ревизий, в 2008 г. к осмотру места происшествия добавился осмотр трупа и освидетельствование, а в 2010 г. появилась возможность давать органу дознания письменные поручения о производстве оперативно-розыскных мероприятий.

Наибольшее количество процессуальных полномочий в стадии проверки сообщения о преступлении в России появилось в 2013 г. Ч. 1 ст. 144 УПК РФ была дополнена возможностью получать объяснения и образцы для сравнительного исследования, истребовать и изымать предметы и документы, производить их осмотр, назначать и проводить судебную экспертизу, включая принятие участия в ней.

В 2003–2010 гг. реформы рассматриваемой стадии продолжились. Из-за нехватки 10-суточного срока для принятия процессуальных решений количество необоснованно принимаемых решений об отказе в возбуждении уголовного дела увеличивалось. Законодатель был вынужден для производства ряда процессуальных действий разрешить продлевать срок проверки до 30 суток. В число таких процессуальных действий вошли производство документальных проверок или ревизий, а также исследование, документов, предметов, трупов.

Предоставление законодателем широких полномочий производства следственных действий на стадии доследственной проверки, по нашему мнению, ставит под сомнение достаточность даже 30-суточного срока для ее проведения. Например, при реализации комплекса разрешенных до возбуждения уголовного дела следственных действий в целом или проведения судебной экспертизы в частности.

Некоторые ученые в ходе своих исследований приходили к такому же выводу. Так, М.В. Махмутов отмечает, что «увеличение сроков проверок должно помочь избежать необходимости вынесения так называемых „временных“ постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела в случаях, когда срок проверки истек, а результат специального исследования не готов» [2, с. 40–41].

Следует подчеркнуть, что уголовно-процессуальное законодательство не может устанавливать определенные сроки или временные рамки для проведения тех или иных следственных или процессуальных

действий. Тогда очевиден логический вывод, что если в ходе доследственной проверки законодатель предусмотрел проведение конкретных действий, сроки производства которых в законе не ограничены, то и производство этой процессуальной стадии должно предусматривать обязательное продление этих сроков.

Следственная практика свидетельствует, что для проверки отдельных сообщений о преступлении недостаточно даже 30 суток. Это, как правило, сообщения о преступлениях экономической направленности, ятрогенных и других преступлениях, когда проводятся различные экспертные исследования при отсутствии достаточных оснований для возбуждения уголовного дела.

Еще одной из проблем стадии возбуждения уголовного дела в том виде, в котором она сейчас представлена в процессуальном законе, является допустимость полученных доказательств. «В судебной практике идет тенденция к допустимости доказательств. При этом суд учитывает в первую очередь соблюдение гарантированных законом конституционных прав» [3, с. 46]. Между тем в практической деятельности возникает масса вопросов. Например, какие права заподозренного лица должны соблюдаться? Совпадают ли они с правами подозреваемого, учитывая, что уголовное дело не возбуждено? Все эти вопросы идут от неопределенности статуса лиц на стадии доследственной проверки.

Следует отметить, что рассматриваемая стадия в первую очередь должна быть предназначена для обеспечения немедленного реагирования на поступающую информацию о совершенных правонарушениях и речь не идет о полной ликвидации данной стадии и процедуры проверки сообщений о преступлениях. На наш взгляд, незамедлительно возбуждать уголовное дело необходимо не только при очевидности признаков преступления, но и при установлении отдельных его признаков. При этом проведение проверки сообщения о преступлении только для установления наличия либо отсутствия всех признаков состава преступления не способствует соблюдению разумных сроков уголовного судопроизводства.

В связи с изложенным полагаем, что проверка сообщения о преступлении, как и прежде, может ограничиться получением объяснений и осмотром места происшествия, в ходе выполнения которых вполне достаточно установить отдельные элементы признаков состава преступления.

В ином случае законодатель должен пойти на следующий соответствующий логике шаг: внести изменения в УПК РФ в части дополнения данной стадии другими следственными действиями, в которых нуждается практика (например, выемка, опознание и др.), а также возможности продления срока проверки свыше 30 суток в исключительных случаях в связи с проведением судебных экспертиз и исследований.

В заключение необходимо отметить, что эволюция современного досудебного производства, как и прежде, демонстрирует многократные переходы от одной его формы к другой. Как правило, это всегда было обусловлено теми процессами, которые происходят в обществе, в том числе определенной позицией руководства страны, депутатского корпуса, руководителей силовых и надзорных ведомств.

Выявление препятствий развития полноценной и отвечающей всем реалиям процессуальной модели предварительного следствия поможет дать ответ на вопрос: как в современных условиях следует сформировать эту модель с точки зрения ее оптимальности и целесообразности?

1. Костенко К.А. Эволюция стадии возбуждения уголовного дела: процесс неизбежный и пока что незавершенный // Рос. следователь. 2019. № 4. С. 23–26.
2. Махмутов М.В. Назначение исследований в стадии возбуждения уголовного дела // Законность. 2010. № 11. С. 40–41.
3. Трубочик И.С. Некоторые аспекты допроса в ночное время // Рос. следователь. 2020. № 4. С. 45–47.

УДК 343.13

А.Г. Харатишвили

ПРАВОВЫЕ ОСНОВАНИЯ ИЗЪЯТИЯ ПРЕДМЕТОВ И ДОКУМЕНТОВ НА СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Изъятие предметов, как правило, проводится в ходе процессуальных действий. Однако в правоприменительной практике изъятие осуществляется при проведении оперативно-розыскных мероприятий, в ходе применения мер обеспечения по делам об административных правонарушениях (личный досмотр, досмотр вещей, досмотр транспортного средства, находящихся при физическом лице), а также посредством одной из форм таможенного контроля согласно ст. 322 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза.

Анализ сложившейся практики документирования хода и результатов мероприятий, в процессе которых осуществляется изъятие, позволяет установить наличие определенных пробелов в законодательстве, а также дефектов правоприменения.

Наиболее часто используемым способом обнаружения и изъятия является такое следственное действие, как осмотр места происшествия, который в случаях, не терпящих отлагательства, может быть проведен в соответствии с ч. 1 ст. 144 УПК РФ до возбуждения уголовного дела в порядке, предусмотренном ст. 176, 177 УПК РФ. Однако отметим, что

достаточно распространенной является негативная практика камуфлирования осмотром места происшествия обыска. Связано это с тем, что отдельные правоприменители излишне вольно толкуют содержание ст. 144 УПК РФ, в частности допущение законодателем в ч. 1 этой статьи возможности «истребовать документы и предметы, изымать их» рассматривают в качестве некой индульгенции, сознательно или неосознанно игнорируя, что в отношении всех видов деятельности однозначно указано «в порядке, установленном настоящим Кодексом». Понимая порочность вывода о возможности производства обыска в ходе проверки сообщения о преступлении, нередко следователи производят осмотр места происшествия, маскируя данным следственным действием фактически производимый обыск [1, с. 54]. Очевидно, что помимо различной процессуальной регламентации принципиальная разница между обыском и осмотром состоит в характере познавательной деятельности – принудительность. В ходе производства осмотра места происшествия допустимо изымать объекты, визуально воспринимаемые, находящиеся на открытом месте (на столе, полу, земле и т. п.), но не из карманов одежды, закрытого шкафа, хранилища и т. п. Тем не менее случаи подмены обыска осмотром места происшествия носят неединичный характер.

Доктрина уголовного процесса и криминалистики данный вопрос практически не затрагивает. Имеются лишь единичные статьи [2], касающиеся данной проблемы, в то время как прокурорам все чаще приходится признавать протоколы таких следственных действий недопустимыми в порядке ст. 75 УПК РФ, что негативно сказывается на доказательственной базе по уголовным делам.

В этой связи Д.П. Великий отмечает, что суды практически не препятствуют получению доказательств путем подмены одних следственных действий другими. Нередко судьи не придают значения тому, какие именно объекты осматриваются следователями на месте происшествия. Результатом такой невнимательности являются ситуации, когда личный обыск, который проводится исключительно после возбуждения уголовного дела, формально подменяется осмотром места происшествия, при этом в качестве места происшествия выступают одежда и тело гражданина, имеющего при себе, например, наркотические средства. Практике также известны случаи, когда следователи в качестве места происшествия осматривают документы, содержащие признаки подделки [3].

По вопросу недопустимости подмены обыска осмотром места происшествия имеется правовая позиция Конституционного Суда РФ, выраженная в определении от 5 марта 2014 г. № 518-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Брамма Виталия Викторовича и

Навального Алексея Анатольевича на нарушение их конституционных прав пунктом 43 статьи 5, статьями 144 и 176 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»: изъятие обнаруженных в ходе осмотра места происшествия следов преступления, предметов и документов, имеющих значение для уголовного дела, не может подменять собой процессуальные, в том числе следственные, действия, для которых уголовно-процессуальным законом установлены специальная процедура и другие основания и условия проведения (обыск, выемка, наложенные ареста на имущество и т. д.).

В современной следственной практике весьма распространена ситуация, когда в ходе проверки сообщений о преступлении в порядке ст. 144 УПК РФ по так называемым ятрогенным преступлениям следователи, которым необходимо срочно изъять медицинские документы (во-первых, для недопущения внесения в них искажений медицинскими работниками, а во-вторых, для своевременного назначения судебно-медицинской экспертизы), проводят осмотр места происшествия в регистратуре, посредством которого изымают необходимую медицинскую документацию (медицинские карточки стационарного, амбулаторного больного, карточки травматика и т. п.). Хотя на недопустимость изъятий документов, сведения из которых составляют врачебную тайну, в отсутствие судебного решения в порядке ст. 165 УПК РФ обращается внимание в п. 9 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 1 июня 2017 г. № 19 «О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (статья 165 УПК РФ)».

Позиция Пленума Верховного Суда РФ корреспондирует положениям п. 3 ч. 4 ст. 13 Федерального закона РФ от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», в которой установлено, что предоставление сведений, составляющих врачебную тайну, без согласия гражданина или его законного представителя допускается, в частности, по запросу органов дознания и следствия, суда в связи с проведением расследования или судебным разбирательством, по запросу органов прокуратуры в связи с осуществлением ими прокурорского надзора.

Нельзя не отметить, что и в постановлении Пленума Верховного Суда РФ, и в Федеральном законе «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» речь идет о этапе уголовного судопроизводства – предварительном расследовании и о разновидности процессуального действия – следственном действии. Позволим себе уточнение, что в соответствии с п. 32 ст. 5 УПК РФ процессуальное действие – следственное, судебное или иное действие, предусмотренное УПК. Данная

дефиниция не способствует дифференцированию возможных в соответствии с уголовно-процессуальным законом процессуальных действий, что вызывает серьезные проблемы у правоприменителя, поскольку очевидно, что допускаемое при проверке сообщения о преступлении право истребовать предметы и документы и изымать их в порядке, установленном УПК, требует содержательного комментария компетентного органа или самого законодателя.

Истребование и изъятие являются самостоятельными видами деятельности, кроме того, невзаимосвязанными, т. е. истребование не предполагает необходимости последующего изъятия, так как, выполняя законное требование следователя, которое в соответствии с ч. 4 ст. 21 УПК РФ является обязательным для исполнения всеми учреждениями, предприятиями, организациями, должностными лицами и гражданами, предметы и документы предоставляются.

На основании вышеизложенного можно констатировать следующее:

изъятие документов, сведения из которых составляют врачебную и иную конституционно охраняемую тайну, в отсутствие судебного решения в порядке ст. 165 УПК РФ является недопустимым;

истребование предметов и документов является не только правом, но и обязанностью следователя (дознателя) при проверке сообщения о преступлении;

порядок истребования материальных объектов законодательно не урегулирован;

законодатель и высшие судебные инстанции не дифференцируют дефиниции «изъятие» и «истребование».

Таким образом, правоприменитель оказывается фактически в патовой ситуации, которая должна быть разрешена законодателем, кроме того, необходима солидаризированная позиция Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ по данному вопросу.

Изъятие предметов предусмотрено отдельными положениями Федерального закона РФ от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности». В нем содержится норма (ст. 15), предоставляющая органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, право производить при проведении оперативно-розыскных мероприятий изъятие предметов, материалов и сообщений. В п. 3 ч. 1 ст. 6 данного федерального закона также предусмотрено такое оперативно-розыскное мероприятие, как сбор образцов для сравнительного исследования. Однако ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» не раскрывает содержание оперативно-розыскных мероприятий, условия и порядок проведения изъятия предметов, материалов и сообщений, предусмотренных п. 1 ч. 1 ст. 15 данного закона, а также фикса-

цию результатов этих действий. Не вдаваясь в подробности оперативно-розыскной деятельности, считаем необходимым отметить, что проводить указанные мероприятия могут только субъекты, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, лишь в соответствующих целях и в рамках этой деятельности. При этом протоколирование хода и результатов данного оперативно-розыскного мероприятия необходимо только тогда, когда проводятся гласные оперативно-розыскные мероприятия, связанные с изъятием предметов либо веществ, имеющих значение для расследования преступления либо запрещенных или ограниченных в свободном гражданском обороте (оружие, наркотики и т. п.).

Так, в соответствии с Инструкцией о порядке проведения сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации гласного оперативно-розыскного мероприятия «обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств» и Перечня должностных лиц органов внутренних дел Российской Федерации, уполномоченных издавать распоряжения о проведении гласного оперативно-розыскного мероприятия «обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств», утвержденных приказом МВД РФ от 1 апреля 2014 г. № 199, при проведении обследования могут быть изъяты предметы и документы в соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 15 ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности». П. 23 данной инструкции устанавливает, что результаты изъятия предметов и документов (в частности, документов, имеющих признаки подделки, вещей, изъятых из гражданского оборота или ограниченно оборотоспособных, находящихся у лиц без специального разрешения) оформляются протоколом. При этом в п. 15 инструкции указывается, что сотрудником, осуществляющим изъятие документов, изготавливаются копии с них, которые заверяются и передаются лицу, у которого они были изъяты, о чем делается запись в протоколе изъятия, составляемом в соответствии с требованиями уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации.

Отметим, что различия между требованиями, предъявляемыми к соответствующему протоколу, содержащимися в ст. 166, 167 УПК РФ и п. 25–29 инструкции, незначительны.

Полагаем возможным внесение в ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» нормы, наделяющей субъектов оперативно-розыскной деятельности при задержании (имеется в виду фактическое задержание) лица, причастного к совершению преступления, правом проведения досмотровых мероприятий в целях изъятия предмета взятки, оружия, наркотиков и т. п.

В правоприменительной практике способом документирования изъятия предметов, веществ и материалов до возбуждения уголовного дела

является производство административного досмотра. Досмотр производится в соответствии с КоАП и является одной из мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях. В ч. 1 ст. 27.1 КоАП РФ предусмотрено, что разновидностями досмотра являются: личный досмотр, досмотр вещей, досмотр транспортного средства, находящихся при физическом лице.

Ст. 27.7 КоАП РФ дает право уполномоченным должностным лицам проводить досмотр в случае необходимости в целях обнаружения орудий совершения либо предметов административного правонарушения в присутствии двух понятых. Имеются и дополнительные условия: личный досмотр производится лицом одного пола с досматриваемым в присутствии двух понятых того же пола (ч. 3); в исключительных случаях при наличии достаточных оснований полагать, что при физическом лице находятся оружие или иные предметы, используемые в качестве оружия, личный досмотр, досмотр вещей, находящихся при физическом лице, могут быть осуществлены без понятых (ч. 4); о досмотре составляется протокол либо делается соответствующая запись в протоколе о доставлении или в протоколе об административном задержании (ч. 6).

В этой связи у правоприменителей часто возникают вопросы о законности производства досмотра как одной из мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях в целях обнаружения и изъятия каких-либо предметов, когда речь идет не об административном правонарушении, а об уголовно-противоправном деянии.

Полагаем, что практика проведения изъятий на стадии возбуждения уголовного дела в ходе административного досмотра неправомерна, потому что необходимо четко различать и разграничивать уголовно-процессуальную деятельность, осуществляемую на стадии возбуждения уголовного дела, и административную деятельность, осуществляемую на основаниях и в порядке, предусмотренных КоАП РФ.

Бесспорно, что наиболее согласуется с действующим уголовно-процессуальным законом изъятие предметов на первоначальном этапе расследования посредством производства выемки, обыска и личного обыска в порядке, предусмотренном ст. 182–184 УПК РФ, но производство данных следственных действий возможно только после возбуждения уголовного дела. Именно на это обращалось внимание в информационном письме Генеральной прокуратуры РФ от 20 августа 2014 г. № 36-11-2014 «О недопустимости изъятия предметов и документов вне рамок следственных действий, предусмотренных до возбуждения уголовного дела»: «на стадии проверки сообщения о преступлении изъятие предметов и документов может быть произведено только в рамках осмотра места происшествия». Производство недопустимых на стадии проверки сообщения

о преступлении следственных действий влечет за собой принятие процессуальных решений об отмене незаконных постановлений и признании соответствующих протоколов недопустимыми доказательствами.

В заключение отметим, что проанализированная совокупность действующих федеральных законов, ведомственных нормативных актов не наделяет правоприменителей надежным арсеналом для обеспечения безупречности изъятия материальных объектов и допускаемые правоприменителями нарушения являются следствием отсутствия процессуального (нормативного) инструментария, который позволял бы проводить изъятия предметов, документов, веществ в строгом соответствии с правовыми нормами.

1. Елагина Е.В., Аверьянова Т.В. К вопросу о недопустимости расширительного толкования возможности «изъятия» и «истребования» применительно к производству следственных действий, осуществляемых в ходе проверки сообщения о преступлении в порядке ст. 144–145 УПК РФ // *Вестн. криминалистики*. 2015. № 2. С. 63–71.

2. Казаринова Л.В. Обеспечение безопасности осужденных при производстве неотложных следственных действий в расследовании преступлений против жизни // *Рос. следователь*. 2011. № 16. С. 35–37.

3. Великий Д.П. Практика применения норм о допустимости доказательств в уголовном процессе // *Журн. рос. права*. 2014. № 6. С. 95–100.

УДК 343.1

М.М. Якубель

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ ПОНЯТЫХ В КОНТЕКСТЕ ПАНДЕМИИ COVID-19

Институт понятых присутствует в уголовно-процессуальном законодательстве Беларуси достаточно продолжительный период времени. Впервые получив нормативное закрепление в Статуте Великого княжества Литовского 1529 г. как средство, позволявшее удостоверить содержание и подтвердить факт производства отдельных процессуальных действий, он сохранился до наших дней и достаточно активно используется при производстве по уголовным делам.

Вместе с тем за годы его существования порядок ведения уголовного процесса претерпел существенные изменения, которые обнаруживают все больше аспектов неэффективности использования данного института и ставят под сомнение его целесообразность в целом.

В научной литературе обращается внимание на такие проблемы реализации норм об участии понятых, как сложность в подборе указанных

участников (по возрасту, полу, отсутствию заинтересованности в исходе дела, состоянию здоровья и т. д.), невозможность обеспечить их присутствие в определенных местах и в определенное время суток (отдаленные по территориальности места, производство следственных действий в ночное время), нежелание граждан участвовать в уголовном процессе в качестве понятого (в силу занятости, в период сезонных простудных заболеваний и т. д.) [1, с. 192; 2, с. 137].

Кроме того, развитие научно-технического прогресса, появление, распространение и активное использование средств звуко- и видеозаписи убеждают в том, что их использование при производстве следственных действий более эффективно, чем привлечение понятых. Это связано с тем, что характеристики современных технических устройств (угол обзора, качество изображения, цветопередача, возможности фокусировки, чувствительность звукозаписывающей аппаратуры и т. д.) уже давно не уступают, а по многим показателям превосходят соответствующие возможности человеческого зрения, слуха и памяти.

Отчасти эта позиция нашла отражение и в законодательстве. Изменения, внесенные в ч. 1 ст. 202 УПК Республики Беларусь в 2019 г., совершенно обоснованно предоставили лицу, осуществляющему производство следственных действий, возможность заменить использование рассматриваемого уголовно-процессуального института применением средств звуко- и видеозаписи в случаях, не терпящих отлагательства, либо при отсутствии реальной возможности обеспечить участие понятых.

Начавшаяся в марте 2020 г. пандемия коронавирусной инфекции (COVID-19) заставила ученых и практиков по-новому взглянуть на многие институты уголовно-процессуального права, в том числе на институт понятых. Первые месяцы распространения вирусной инфекции характеризовались поступлением противоречивых сведений о ее течении, повсеместным введением карантинных мер, отсутствием действенного протокола лечения и соответствующей вакцины.

Стремительное стихийное распространение заболевания во многом было обусловлено высокой контагиозностью вируса и продолжительным инкубационным периодом болезни. Среди официальных рекомендаций по предупреждению заболеваемости, озвученных Всемирной организацией здравоохранения, сокращение числа личных контактов, соблюдение дистанции в общественных местах [3]. В качестве основных путей передачи COVID-19 названы непосредственный контакт с больным (рукопожатия, объятия), а также воздушно-капельный путь (при кашле, чихании и общении на близком расстоянии).

В сложившихся условиях распространения COVID-19 граждане стремились уклониться от участия в производстве следственных дей-

ствий в качестве понятых, чтобы не подвергать себя дополнительному риску инфицирования.

Общеизвестно, что производство следственных действий нередко длится достаточно продолжительный промежуток времени. Нередко они проводятся в помещениях (обыск, выемка, предъявление для опознания и др.), что еще более увеличивает вероятность заражения. В этой связи возникает вопрос о том, правомерно ли обращенное к гражданину требование органа уголовного преследования об участии в уголовном процессе в качестве понятого и вправе ли гражданин ответить отказом.

Согласно ч. 5 ст. 27 УПК Республики Беларусь требования органа уголовного преследования, предъявленные в соответствии с законом, обязательны для исполнения всеми организациями, должностными лицами и гражданами. Ст. 64 УПК Республики Беларусь закрепляет возможность привлечения лиц к участию в производстве следственных действий в качестве понятых, определяет понятие и процессуальный статус понятого в уголовном процессе. Анализ содержания приведенных норм указывает на наличие обязанности гражданина выполнить требование органа уголовного преследования об участии в следственном действии в качестве понятого.

Вместе с тем согласно положениям ч. 1 ст. 12 УПК Республики Беларусь, раскрывающей содержание принципа уважения чести и достоинства личности в уголовном процессе, при производстве по материалам и уголовному делу запрещаются действия и решения, унижающие честь и умаляющие достоинство либо создающие опасность для жизни и здоровья участников уголовного процесса.

Следует отметить, что в настоящее время в УПК Республики Беларусь не содержится норма, разъясняющая, какие действия и решения следует считать опасными для жизни и здоровья участников уголовного процесса. В этой связи ранее в научной литературе уже возникали вопросы о том, является ли безопасным для понятого присутствие при производстве следственного действия, в котором также принимает участие подозреваемый, обвиняемый, имеющие какие-либо инфекционные и другие заболевания (туберкулез, гепатит и т. п.), которыми может заразиться понятой. В настоящее время в связи с пандемией COVID-19 затронутая проблема представляется особенно актуальной.

Согласно данным информационного интернет-ресурса Worldometer, по состоянию на начало октября 2020 г. в мире зарегистрировано около 39 млн случаев заражения данным вирусом и более 1 млн случаев летального исхода [4]. Следует учитывать также, что не все случаи заболевания отражены в статистике, имеют место и латентные случаи, кроме того, отдельные граждане переносят заболевание бессимптом-

но, являясь при этом носителями инфекции и представляя опасность заражения для других.

Таким образом, имеющиеся статистические данные, а также клинические проявления заболевания и возможность летального исхода убеждают в том, что привлечение граждан к участию в следственном действии в качестве понятых в период пандемии коронавируса создает определенную опасность для жизни и здоровья участников уголовного процесса, а такие действия и решения прямо запрещены ст. 12 УПК Республики Беларусь.

В этой связи полагаем, что обоснованная в научной литературе и наметившаяся в законодательстве тенденция снижения роли института понятых должна получить дальнейшую реализацию. Объективно понимаемая неготовность законодателя полностью отказаться от использования данного института, считаем целесообразным закрепить в уголовно-процессуальном законе право лица, производящего следственное действие, осуществить его без участия понятых с применением аудио- и видеозаписи во всех случаях, а не только в ситуациях, не терпящих отлагательства, либо при отсутствии реальной возможности обеспечить участие понятых.

По нашему мнению, это позволит обеспечить реализацию рассматриваемого института без нарушения принципов законности, а также уважения чести и достоинства личности и станет последовательным шагом на пути к полному отказу от его использования.

1. Якубель М.М., Карпицкий К.В. Институт понятых в уголовном процессе: проблемы, тенденции, перспективы // Актуальные проблемы уголовного процесса и криминалистики : сб. ст. / Могилев. ин-т М-ва внутр. дел Респ. Беларусь ; редкол.: Ю.П. Шапелеров (пред.) [и др.]. Могилев, 2020. С. 191–197.

2. Мытник П.В. Институт понятых: «Карфаген должен быть разрушен!» // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. 2015. № 1. С. 134–141.

3. Рекомендации для населения в отношении инфекции, вызванной коронавирусом (COVID-19) [Электронный ресурс] // Всемирная организация здравоохранения : сайт. URL: <https://www.who.int/ru/emergencies/diseases/novel-coronavirus-2019/advice-for-public> (дата обращения: 10.10.2020).

4. COVID-19. CORONAVIRUSPANDEMIC [Electronic resource] // Worldometer : saite. URL: <https://www.worldometers.info/coronavirus> (date of access: 10.10.2020).

УДК 343.98 + 581.52

А.А. Авраменко

ДЕНДРОХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ В СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ ДРЕВЕСИНЫ, ДРЕВЕСНЫХ МАТЕРИАЛОВ И ИЗДЕЛИЙ

При расследовании дел об убийствах, кражах, автотранспортных происшествиях, незаконной рубке лесных насаждений и др. достаточно часто на экспертизу направляются древесина и изделия из нее. При этом в рамках судебной ботанической экспертизы, как правило, требуется установить породу древесины и провести сравнительное исследование объектов с целью установления их общей (или различной) родовой (или групповой) принадлежности.

В настоящее время органами предварительного следствия используется далеко не вся информация, которую можно получить путем судебного экспертного исследования древесины. Например, установление принадлежности частей (фрагментов) древесины единому целому в большинстве случаев происходит в рамках судебной трасологической экспертизы, т. е. когда существует возможность нахождения общей линии разделения. Между тем с помощью дендрохронологического анализа эту задачу можно решать и тогда, когда исследуемые части древесины не являются непосредственным продолжением друг друга, т. е. когда между ними отсутствует значительная (>1,5 м) часть объекта. При этом исследуются не плоскости разделения, а годовые слои на поперечном срезе дерева.

Каждый годичный слой состоит из двух зон: внутренняя часть – ранняя древесина, образующаяся весной и в начале лета; наружная – поздняя древесина, образующаяся летом и осенью. Процесс образования каждого годичного слоя древесины зависит от биологических (внутренних) факторов – возраста, наследственных свойств, санитарного состояния и других индивидуальных особенностей особей и экологических (внешних) условий – почвы, рельефа, температурного и водного режима, солнечной радиации, густоты насаждений и иных причин.

Таким образом, величина радиального прироста дерева (ширина годичного слоя) является отражением условий внешней среды и индивидуальных свойств организма, поэтому процесс прироста древесины каждой особи индивидуален.

Использование дендрохронологического анализа дает возможность получить ответы на следующие вопросы:

1. Каков возраст дерева?
2. В какой календарный год и (или) период вегетационного сезона была проведена рубка деревьев?
3. Составляли ли ранее пень и срубленный ствол единое целое?
4. Произрастали ли деревья определенного вида в конкретном древостое, лесорастительных условиях такого-то типа, том или ином регионе?

Представленный перечень не является исчерпывающим, но уже из этих вопросов можно сделать вывод о значительных возможностях дендрохронологического анализа. Отметим, что работы по внедрению данного метода в экспертную практику Республики Беларусь ведутся в Научно-практическом центре Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь с 2014 г. Результаты проведенных исследований подтвердили высокую точность, объективность и достоверность дендрохронологического анализа [1–4].

Приведем несколько примеров, позволяющих оценить потенциал данного метода. Так, при осмотре места происшествия по факту незаконной рубки леса были изъяты 10 спилов с пней сосны обыкновенной. В свою очередь, у подозреваемого были обнаружены бревна, с которых также изъяли образцы (спилов), в количестве 10 штук. Судебная ботаническая экспертиза проводилась с применением дендрохронологического анализа. Требовалось установить, составляли ли ранее пни и срубленные стволы деревьев единое целое. Несмотря на отсутствие между сравниваемыми объектами отрезков стволов длиной в 2–2,5 м, была установлена взаимная принадлежность каждого из предоставленных стволов конкретному пню.

Разрешающая способность дендрохронологического анализа при идентификации древесины довольно высокая, однако для установления принадлежности частей единому целому при отсутствии общей линии разделения информативными являются образцы, содержащие по радиусу не менее 6–7 годичных колец древесины.

Так, по факту смертельного травмирования была назначена судебная ботаническая экспертиза. На исследование поступили деревянный брус (предположительное орудие убийства), изъятый у подозреваемого,

и фрагмент древесины из раны убитого. Требовалось установить, составляли ли они ранее единое целое. Отметим, что фрагмент размером 3×8 мм имел всего 7 годичных слоев. Применение дендрохронологического анализа позволило решить данную задачу, установив полное совпадение древесно-кольцевых хронологий сравниваемых объектов.

В заключение приведем еще один пример. Так, при проведении судебной ботанической экспертизы по факту незаконной рубки древесно-кустарниковой растительности для исследования были предоставлены 36 спилов с пней сосны обыкновенной, а также 12 контрольных образцов (буровых кернов) с живых деревьев. Рубка деревьев произошла в декабре 2019 г., и требовалось установить, были деревья на момент рубки живыми или же сухостойными. В процессе исследования выявилось отсутствие у 16 из предоставленных объектов радиального прироста за последние 2 года. Это подтверждало тот факт, что на момент рубки в 2019 г. деревья были сухостойными. У 20 спилов обнаружилось наличие радиального прироста за 2019 г., а значит, на момент рубки в 2019 г. эти деревья были живыми.

Таким образом, годичные слои древесины как природная регистрирующая структура являют собой ценный источник информации [5], так как их уникальность и относительная простота фиксации открывают при проведении экспертных исследований образцов древесины (спилов, фрагментов, буровых кернов), изъятых на месте происшествия, широкие возможности для формирования надежных выводов.

1. Автоматизированное рабочее место DendroExp как инструмент для рационализации проведения дендрохронологических экспертных исследований / А.Н. Хох [и др.] // Криміналіст. вісн. 2017. № 1. С. 133–140.

2. Хох А.Н., Звягинцев В.Б. Исследование территориальной дифференциации древесно-кольцевых хронологий сосны обыкновенной с помощью кластерного анализа // Криміналіст. вісн. 2018. № 2. С. 373–382.

3. Хох А.Н., Звягинцев В.Б. Судебно-экспертное исследование лесоматериалов хвойных пород // Криміналістика і судовна експертиза : сб. науч. тр. Вып. 64. Киев, 2019. С. 498–509.

4. Хох А.Н. Подтверждение задекларированного места произрастания срубленной древесины сосны исследованием параметров радиального прироста при проведении судебно-ботанических экспертиз // Вопросы криминалогии, криминалистики и судебной экспертизы : сб. науч. тр. / Науч.-практ. центр Гос. ком. судеб. экспертиз Респ. Беларусь ; редкол.: А.В. Дулов (гл. ред.) [и др.]. Вып. 1/45. Минск, 2019. С. 138–146.

5. Хох А.Н. Становление судебно-ботанической экспертизы с использованием дендрохронологического анализа в Республике Беларусь // Судеб. экспертиза Беларуси. 2020. № 1. С. 64–68.

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЧЕРКА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ СУДЕБНОГО ПОЧЕРКОВЕДЕНИЯ

В настоящее время в процессе проведения почерковедческих экспертиз возникают проблемы, одни из которых вызваны отсутствием научных разработок в некоторых направлениях исследования, а другие – изменениями, связанными с трансформацией процесса выработки письменного двигательного навыка, лежащего в основе формирования почерка. За последние десятилетия факторы, влияющие на процесс выработки письменного-двигательного навыка, претерпели значительные изменения.

Формирование почерка – сложный и длительный процесс, который начинается еще в раннем возрасте, задолго до поступления ребенка в школу, когда у него появляется представление о письме как средстве общения между людьми и способе фиксации своих мыслей. В период обучения в школе полностью вырабатывается письменный двигательный навык, развитие которого продолжается и после окончания школы. Иными словами, на протяжении всей жизни человека происходит непрерывный процесс развития почерка, зависящий от объема и характера письменной практики, возрастных изменений систем и органов, участвующих в процессе письма (нервной системы, рук, глаз).

Под навыком понимают систему регуляторных процессов, сложившуюся в индивидуальном опыте человека и позволяющую устойчиво и стандартно выполнять определенные действия. Навык формируется в ходе целенаправленных упражнений, которые носят целостный характер. Он обеспечивает устойчивость и индивидуальность в выполнении человеком необходимых действий. Письменно-двигательный навык является одним из элементов письменного функционально-динамического комплекса и относится к более сложным системам человеческих навыков, развитие которых длится на протяжении многих лет. Выработкой у человека письменного-двигательного навыка занимаются педагоги, физиологи, психологи, ею же интересуются и эксперты-криминалисты, так как закономерности, находящиеся в основе функционально-динамического комплекса, идентифицируют свойства почерка.

Процесс формирования почерка имеет поэтапный характер. Методики обучения человека письму предполагают освоение навыков от простых к более сложным. В педагогике процесс формирования почерка разделяется на четыре этапа: элементное, буквенное, связанное и скорописное письмо. С точки зрения психологии развитие графических навы-

ков письма происходит в четыре стадии: ориентировочную, аналитическую, аналитико-синтетическую и синтетическую. При более широком рассмотрении стадий психологами (с учетом педагогического подхода) они соотносятся между собой следующим образом.

В ориентировочной стадии осуществляется развитие у человека моторики, кинетических и зрительных ощущений. Это происходит в возрасте примерно от трех до шести лет. В этот период ребенок начинает различать графические элементы по их форме, положению и связи друг с другом, узнает общий смысл письма, вырабатывает умение выделять некоторые звуки в словах.

Однако в настоящее время из-за большого влияния достижений научно-технического прогресса на детей этот период значительно затянулся, так как если раньше ребенок познавал мир через сказки, прочитанные вместе со взрослыми или самостоятельно, т. е. через восприятие графического изображения букв и соотнесение их с услышанными словами, то сейчас дети преимущественно смотрят телевизор и мультфильмы в гаджетах, т. е. воспринимают услышанное только посредством картинок. Соответственно к следующей стадии формирования почерка ребенок подходит неподготовленным.

Аналитическая стадия формирования почерка состоит из двух этапов: освоение элементного и буквенного письма. В данной стадии происходят ознакомление с приемами письма и овладение письмом.

Освоение элементного письма является начальным этапом. Его основная цель – ознакомление ребенка с гигиеническими и техническими правилами письма, со звуковым составом слов, графическими обозначениями звуков, с требованиями, предъявляемыми к форме элементов письменных знаков, правилами их соединения. На данном этапе вырабатывается умение ученика обращаться с письменными принадлежностями (правильно держать ручку по отношению к бумаге), сохранять правильную позу при письме (положение кисти, корпуса, рук по отношению к поверхности стола), выполнять элементы письменных знаков.

Ко второму этапу, освоению буквенного письма, ученик подходит, имея технические навыки и запас элементарных движений. На данном этапе он учится изображать буквы в соответствии с нормами прописи, вырабатывает автоматизм, координацию движений. Основная задача здесь – научиться выполнять письменные знаки на бумаге, четко определяя их составные элементы и выдерживая одинаковый наклон и нажим. Для буквенного письма характерно преобладание зрительного контроля за выполнением письменных знаков, т. е. за тем, чтобы нарушения правил изображения одних и тех же букв и элементов не повторялись систематически.

Главной причиной нарушения норм правописания на этапе освоения буквенного письма, так же как и на предыдущем этапе, являются трудности с контролированием движения руки. При освоении буквенного письма ребенку еще трудно устанавливать связь между слышимыми звуками, зрительным образом письменного знака, графическим изображением и движениями руки при его выполнении. Так же, как и вначале обучения письму, мышцы рук и предплечья пишущего скованы, координация движений при выполнении письменных знаков весьма низкая.

В настоящее время проблема формирования почерка на аналитической стадии проявляется еще в большей мере, чем на ориентировочной, так как современные дети все чаще проводят время в виртуальном мире, где активно задействуются визуальные и аудиальные виды восприятия, за счет чего развиваются соответствующие типы мышления, за исключением кинестетического, что, в свою очередь, влияет на формирование двигательного навыка при письме.

Аналитико-синтетическая стадия формирования почерка характеризуется улучшением координации движений, освоением более сложных двигательных структур, освоением связного письма. В этот период формируются навыки соединения букв в слоги и слова, соблюдения правил расстановки письменных знаков относительно линовки и друг друга. Также вырабатывается способность правильно определять звуки, входящие в состав слов, употреблять буквы при образовании слов на письме, выполнять их движениями одинаковыми по размеру, нажиму, наклону. В ходе связного письма закрепляются и доводятся до автоматизма навыки, которые были усвоены на предыдущих стадиях обучения.

Ни на одной из названных стадий формирования почерка нельзя еще говорить о его сформированности как о системе выработанных движений. Индивидуальность навыка письма пока еще слабо выражена, так как ученик механически повторяет буквы и виды соединения письменных знаков, установленные нормами прописей.

Синтетическая стадия завершает процесс формирования почерка и характеризуется освоением скорописного письма. В данной стадии процесс письма превращается в процесс выражения мыслей. Внимание пишущего переключается с графического результата письма на его содержание, достигается высокий уровень автоматизма движений, большая устойчивость признаков почерка. Свойственной чертой всех автоматизированных рефлексов, в том числе автоматизированных ПДН, является отсутствие полной осознанности их отдельных компонентов.

Особенностью данной стадии формирования почерка является единство процесса письма. Человек при написании слов не разбивает их на составляющие знаки. Чем быстрее он пишет, тем более связным стано-

вится его почерк. Связное скорописное письмо требует продолжительного времени для выработки письменно-двигательного навыка. Если на первых этапах обучения письму все группы мышц, участвующих в работе предплечья и руки, скованы и не позволяют ученику писать быстро, то на последней стадии овладения письменно-двигательным навыком эти мышцы, несмотря на сложность координации всех движений, дают возможность совершать их быстро, без больших усилий.

Данная стадия формирования почерка в настоящее время претерпевает серьезные изменения, так как в процессе обучения в старшей школе все творческие задания (рефераты, доклады, эссе) выполняются подростками с помощью компьютерной техники. После обучения в школе, институте письменно-двигательный навык развивается еще в меньшей степени, а в отдельных случаях и деградирует, так как вся документация выполняется в электронном виде и, как результат, у нынешнего поколения наблюдается снижение степени выработанности почерка, происходит его упрощение и снижение связности, что говорит об ухудшении владения письменно-двигательным навыком.

Указанные причины значительно повлияли на структурные изменения почерка наших современников, что в сочетании с развитием современной науки и техники повлекло за собой изменение взглядов на отдельные положения теории судебного почерковедения и частных методик судебной почерковедческой экспертизы, в том числе на идентификационную значимость признаков почерка как носителя информации о почерковых свойствах.

Изложенные проблемы формирования почерка свидетельствуют о необходимости поиска новых решений в судебном почерковедении в части изучения детерминаций между свойствами личности и почерком, а также внутренних закономерностей в проявлении признаков почерка.

УДК 343.982.4

Н.А. Анчабадзе, С.В. Симонова

ОСОБЕННОСТИ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОДПИСЕЙ, ВЫПОЛНЕННЫХ ЛИЦАМИ ПОЖИЛОГО И СТАРЧЕСКОГО ВОЗРАСТА

Вопросы эффективности использования существующих в настоящее время методик исследования подписей лиц пожилого и старческого возраста достаточно актуальны. Такие документы, как завещания, догово-

ры купли-продажи, дарения, займа, банковские платежные документы, поручения по выплате пенсии, доверенности, медицинские документы на оказание услуг и др., достаточно часто заполняются и подписываются пожилыми лицами. Их изучение нередко вызывает затруднения у экспертов, что связано в основном с трудностями оценки выявленных в результате сравнительного исследования различающихся признаков почерка. Известно, что признаки подписи под действием сбивающих факторов претерпевают те или иные изменения. Возрастные изменения подписи связаны с деградацией письменно-двигательного навыка, а также влиянием различных заболеваний (нарушение зрительно-моторной координации, заболевания опорно-двигательного аппарата, нервной системы, нарушения кровообращения). Поэтому задача эксперта – определить природу различающихся признаков, установить, вызваны они старением организма и влиянием патологических факторов, или связаны с подражанием, или являются признаками подписи либо почерка другого лица. Названные трудности приводят к тому, что в 25–27 % случаев эксперт не может решить поставленную перед ним задачу. Поэтому встает вопрос: насколько применение модельных методов эффективно при исследовании подписей лиц пожилого и старческого возраста?

Изучение подписей, выполненных лицами пожилого и старческого возраста, относится к классификационным задачам судебного почерковедения и возможно только благодаря использованию математических методов. Как писал А. Бертильон, «судебная экспертиза почерка действительно превратится в науку лишь в тот день, когда создаст таблицу вероятностей для различных линий признаков букв и эксперт будет давать свой вывод в такой форме: этот почерк, характеризуемый такими-то особенностями, можно встретить один раз на 1 000 или 10 000 лиц такой же социальной категории» [1, с. 5]. Следует отметить, что в настоящее время имеется одна модельная методика, позволяющая решать рассматриваемые задачи. Данная методика была разработана в Киевском НИИСЭ В.В. Липовским в 1983 г. и изложена в написанном им методическом пособии для экспертов «Криминалистическое исследование подписей, выполненных от имени лиц пожилого и старческого возраста» [2, с. 3]. Методика долгое время успешно применялась на практике. Однако, как показывает анализ экспертной практики, ее использование в последнее время ограничено, несмотря на потребность следствия в решении соответствующих задач.

Нами было проведено исследование с целью определения эффективности изучения подписей лиц пожилого и старческого возраста и целесообразности использования модельной методики, разработанной В.В. Липовским. Для этого мы отобрали образцы подписей у 50 лиц по-

жилого (60–75 лет) и старческого возраста (70–80 лет). Подписи выполнялись в обычных условиях, привычным пишущим прибором (шариковой ручкой), испытуемые сидели за письменным столом в помещении с хорошим освещением (естественным или искусственным). При этом учитывалось наличие или отсутствие у них заболеваний, нарушающих двигательную функцию, которые могли бы повлиять на результаты эксперимента. Кроме того, эти лица предоставили образцы подписей, выполненных ими в молодом или зрелом возрасте (см. рисунок).

Подпись А в разные возрастные периоды:
а – 18 лет; б – 29 лет; в – 45 лет; г – 65 лет

После отображения образцов проводилось изучение представленного в методике В.В. Липовского комплекса признаков. В результате применения данной методики только в 49 % случаев удалось определить возраст исполнителя подписи как пожилой. При этом в 67 % подписей лиц пожилого возраста и 24 % подписей лиц старческого возраста практически не проявились такие информативные признаки, как многократная угловатость, извилистость штрихов, неодинаковый размер и разгон, неустойчивое направление линии подписи, исправления, дорисовки, рефлекторные штрихи в заключительных частях элементов букв, повтор или пропуск букв, микрография. Кроме того, среди исследуемых подписей практически не встречались подписи с сильным недифференцированным нажимом, а также с интервальной степенью связности.

Также проводилось исследование и сравнение общих и частных признаков в подписях, выполненных одним лицом в разные возрастные периоды. К общим признакам, наиболее подверженным возрастным изменениям, относятся транскрипция, размер, наклон, связность и размещение подписи в документе [3].

Интересны закономерности изменения частных признаков «старческих» подписей по сравнению с подписями, выполненными в молодом и зрелом возрасте. С возрастом уменьшается сложность движений при

выполнении букв, в некоторых случаях изменяется их конструктивное строение. Петлевая и дуговая формы движений при соединении элементов изменяются на угловатую, прямолинейно-возвратную. Протяженность движений при выполнении надстрочных и подстрочных элементов букв, а также росчерков может изменяться как в сторону увеличения, так и в сторону уменьшения. Количество движений в большинстве случаев уменьшается. Точки начала движений в «старческих» подписях имеют более низкое размещение.

Анализ возможных причин ошибочных выводов при применении методики В.В. Липовского показывает, что большая их часть сделана в отношении подписей, имеющих высокую степень выработанности. Помимо этого достаточно часто наблюдается несоответствие степени выработанности подписи и почерка одного лица (при маловыработанном почерке имеется высоковыработанная подпись). Наиболее вероятной причиной этого является, на наш взгляд, резкое уменьшение у населения потребности в составлении рукописных документов при сохранении необходимости в их подписывании.

Подводя итог проделанной работы, можно отметить, что применение модельных методов часто затруднено. Ограниченность совокупности признаков, неопределенность и неточность их описания являются основными проблемами. Кроме того, применяемая в настоящее время модельная методика исследования подписей лиц пожилого и старческого возраста разработана довольно давно и для сегодняшних реалий является недостаточно эффективной. Не умаляя заслуги В.В. Липовского и не оспаривая качество его методики, следует отметить необходимость внесения существенных коррективов в нее. Результаты нашего исследования могут стать предметом дискуссии как ученых, так и практических работников, а также предпосылками научного изыскания молодых ученых.

1. Кошманов П.М. Компьютерные технологии в судебно-почерковедческой экспертизе : учеб. пособие / М-во внутр. дел Рос. Федерации, Волгогр. акад. МВД России. Волгоград, 2008.

2. Липовский В.В. Криминалистическое исследование подписей, выполненных от имени лиц пожилого и старческого возраста : метод. пособие. М., 1983.

3. Подписной почерк лиц пожилого и старческого возраста [Электронный ресурс]. URL: <https://poisk-ru.ru/s18533t3.html> (дата обращения: 18.10.2020).

4. Почерковедение и почерковедческая экспертиза : учебник / под ред. В.В. Серегина. Волгоград, 2014.

5. Сысоева Л.А. Современное состояние почерковедческого исследования подписи // Фотография. Изображение. Документ : сб. науч. тр. Вып. 4. СПб., 2013. С. 73–79.

6. Устинов В.В. Модельные методы судебно-почерковедческого исследования: проблемы и тенденции развития : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Моск. ун-т МВД Рос. Федерации им. В.Я. Кикотя. М., 2011.

УДК 343.985.7

А.В. Васильченко

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ СЛУЧАЕВ НЕБЛАГОПРИЯТНЫХ ИСХОДОВ ЗАБОЛЕВАНИЙ (ТРАВМ) ПРИ ОКАЗАНИИ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ

Расследование случаев неблагоприятных исходов заболеваний и травм пациентов имеет свои методические особенности [1, с. 86]. Они обусловлены как требованиями действующих уголовно-процессуальных норм, так и свойствами объекта производимой в рамках расследования экспертизы. Оказание медицинской помощи реализуется в условиях так называемого обоснованного риска, поскольку для успешной диагностики или лечения нередко требуется выполнить действия, связанные с риском для жизни и здоровья пациента. В связи с этим в результате профессиональной деятельности медицинских работников неизбежно возникает определенный процент осложнений у пациентов, влекущих за собой причинение вреда их здоровью или смерть. Для оценки правильности и обоснованности подобных действий необходимы специальные знания в ряде областей медицины, которые применяются в том числе в рамках комиссионной судебно-медицинской экспертизы. Результаты экспертной оценки качества оказания медицинской помощи целесообразно использовать только как основание для возбуждения уголовного дела на стадии доследственной проверки. Назначению судебно-медицинской экспертизы предшествуют выбор экспертного учреждения и подбор экспертов. Подбор специалистов в состав комиссии судебно-медицинской экспертизы должен выполняться в соответствии требованиями ст. 61, 69, 70 УПК РФ. Помимо уровня квалификации привлекаемого специалиста обращается внимание на отсутствие деловых и личных отношений с медицинскими работниками учреждения здравоохранения, в котором был допущен дефект оказания медицинской помощи. Экспертиза носит комиссионный характер. Помимо экспертов Бюро судебно-медицинской экспертизы в состав комиссии привлекаются врачи, имеющие большой опыт работы по специальностям, в области которых проводились лечебно-диагностические мероприятия для

потерпевшего. С целью преодоления корпоративных интересов в медицинской среде и исключения возможного конфликта мнений к производству экспертного исследования привлекаются судебно-медицинские эксперты и врачи других специальностей из иных субъектов Российской Федерации или эксперты иных ведомств (например, Министерства обороны Российской Федерации) [2, с. 38].

При назначении комиссионной судебно-медицинской экспертизы для исследования необходимо предоставить следующие объекты: заверенные копии материалов доследственной проверки и уголовного дела, заключения экспертов (специалистов) по всем произведенным экспертизам (исследованиям), оригиналы медицинской документации (амбулаторная карта или карта пациента, проходившего лечение в стационаре, результаты обследования пациента (анализы крови, мочи, рентгеновские снимки, результаты ультразвукового исследования, электрокардиографии и пр., консультации специалистов), результаты ведомственной проверки, больничной конференции по рассмотрению данного случая), живое лицо (труп), иные материалы (ампулы, облатки с таблетками от лекарственных средств, оставшихся после лечения, пакеты-контейнеры после трансфузии пациенту крови и ее компонентов).

При производстве экспертизы по поводу ненадлежащего оказания медицинской помощи эксперты должны дать ответы на вопросы об адекватности оказания медицинской помощи в расследуемом случае (своевременность помощи, соответствие действий медицинских работников должностным инструкциям, использование имеющейся аппаратуры и всех возможных лекарственных средств); соответствии оказанной помощи требованиям, утвержденным Министерством здравоохранения Российской Федерации (стандарты, клинические протоколы); наличии в действиях медицинских работников нарушений требований должностных обязанностей, стандартов, клинических протоколов; о том, имеется ли прямая причинно-следственная связь между неблагоприятным исходом заболевания (травмы) и недостатками в оказании медицинской помощи.

У судебно-медицинских экспертов, проводящих экспертизы по делам, связанным с ненадлежащим исполнением профессиональных обязанностей медицинскими работниками, до 2017 г. отсутствовала единая методика производства экспертиз. В июне 2017 г. в ФГБУ «Российский центр судебно-медицинской экспертизы» была разработана единая методика проведения судебно-медицинской экспертизы и установления причинно-следственных связей по делам данной категории, направленная в ведомственные экспертные учреждения [3]. Данный документ яв-

ляется образцом проведения экспертизы, на который эксперты ориентируются в своей работе. При наличии нескольких заключений экспертов следователю целесообразно отдавать предпочтение заключениям, в которых данные рекомендации соблюдены.

С учетом изложенного следователям важно учитывать специфику расследования случаев неблагоприятных исходов заболеваний и травм при оказании медицинской помощи, знать особенности сбора необходимых для производства экспертизы материалов, подбора экспертов, формулировки вопросов экспертам, содержания методики экспертного исследования и оценки его результатов.

1. Хмелева А.В. Отдельные аспекты использования специальных знаний при расследовании ятрогенных преступлений // Альманах соврем. науки и образования. 2016. № 5. С. 86–90.

2. Расследование преступлений, совершенных медицинскими работниками по неосторожности (ятрогенных преступлений) : учеб.-метод. пособие / Д.В. Алёхин [и др.] ; под ред. А.М. Багмета. М., 2016.

4. Ковалев А.В. Порядок проведения судебно-медицинской экспертизы и установления причинно-следственных связей по факту неоказания или ненадлежащего оказания медицинской помощи : метод. рекомендации. М., 2017.

УДК 343.98

Ю.Г. Володина, С.А. Дубенцев, Г.А. Шумак

ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СТОИМОСТИ ДОЛИ УЧАСТНИКА ХОЗЯЙСТВЕННОГО ОБЩЕСТВА В ЭКСПЕРТНОЙ ПРАКТИКЕ

В работе правоохранительных органов и экономических судов все чаще появляется потребность в применении специальных экономических знаний по фактам препятствования возмещению убытков кредиторам (ст. 241 УК Республики Беларусь), а также по делам о выходе участников из хозяйственных товариществ или обществ при определении действительной стоимости их доли.

Порядок определения действительной стоимости доли участника при выходе его из хозяйственного товарищества или общества (далее – общества) регламентирован законодательством Республики Беларусь [1]. Так, согласно ст. 93 ГК Республики Беларусь участник общества с ограниченной ответственностью вправе в любое время выйти из него независимо от согласия других участников. В соответствии с абзацем пятым части второй ст. 92 Закона Республики Беларусь «О хозяйствен-

ных обществах» (далее – Закон) порядок выхода участника указывается в уставе организации. Дата подачи письменного заявления либо более поздняя дата, указанная в нем, является датой выхода участника общества из состава участников (часть вторая ст. 103 Закона).

Вышедшему участнику выплачивается стоимость его доли в уставном фонде общества, которая определяется по бухгалтерскому балансу (книге учета доходов и расходов организаций и индивидуальных предпринимателей, применяющих упрощенную систему налогообложения (далее – книга)), составляемому на момент его выбытия (часть вторая п. 2 ст. 64 ГК; часть пятая ст. 103, часть шестая ст. 112 Закона).

Стоимость доли участника соответствует части стоимости чистых активов общества, пропорциональной размеру его доли (часть вторая ст. 94 Закона). В соответствии с Инструкцией о порядке расчета стоимости чистых активов, утвержденной постановлением Министерства финансов Республики Беларусь от 11 июня 2012 г. № 35 (далее – Инструкция), стоимость чистых активов рассчитывается на основании данных бухгалтерского баланса как разница между стоимостью активов и обязательств, принимаемых к расчету, по форме согласно прил. 1. При этом какой-либо порядок расчета стоимости чистых активов на основании данных книги законодательно не определен.

Как отмечает А.П. Смольский, форма и содержание книги, установленные на законодательном уровне, не предусматривают наличие информации обо всех видах имущества и обязательств, поэтому на основе ее данных невозможно воспользоваться Инструкцией и рассчитать стоимость чистых активов [2, с. 52–53]. Другими исследователями проведено сопоставление экономического содержания информации, находящей отражение в графах книги и строках бухгалтерского баланса, в результате чего выявлен факт отсутствия ряда данных, необходимых для заполнения отдельных строк расчета стоимости чистых активов.

Чистые активы субъекта хозяйствования – основной объект исследования на предмет соответствия расчета стоимости доли участника установленным требованиям при проведении судебной экономической экспертизы. Неполнота доступной для эксперта информации о величине чистых активов означает невозможность формулирования выводов по результатам ее проведения, ввиду чего встает вопрос о поиске дополнительных (помимо книги) документальных источников сведений о размере всех активов и обязательств, принимаемых к расчету стоимости чистых активов в его базовом понимании. В связи с этим следует подчеркнуть, что работающие по упрощенной системе налогообложения общества имеют возможность, а в необходимых случаях и обязанность, составлять бухгалтерские балансы в целях определения сумм, подле-

жащих выплате выходящим участникам, что следует из отдельных положений ст. 333 НК Республики Беларусь.

Согласно Закону стоимость доли выходящего участника определяется по бухгалтерскому балансу, составляемому на конкретную дату, которая может и не совпадать с датой составления отчетности. Данное обстоятельство само по себе способно усложнить взаимоотношения участников по поводу выделения доли одного из них и расчета ее стоимости, поскольку при составлении бухгалтерского баланса на дату, отличную от последнего календарного дня месяца, значения стоимостных показателей по активам и обязательствам отражаются в нем неадекватно, что обусловлено правилами ведения бухгалтерского учета [2, с. 51–52]. Следовательно и стоимость чистых активов, рассчитанная по этим данным, не показывает реальное соотношение активов и обязательств.

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что бухгалтерский баланс за последний отчетный период, предшествующий дате выхода участника из общества, – единственный документ, служащий достоверным источником исходных данных для определения стоимости его доли, а значит, его наличие является обязательным условием для проведения соответствующих экспертных исследований.

1. Ковязина Т. Как определить действительную стоимость доли при выходе участника из общества [Электронный ресурс] // Глав. бухгалтер. 2017. № 19. URL: <https://www.gb.by/izdaniya/glavnyi-bukhgalter/kak-opredelit-deistvitelnuyu-stoimost-do/> (дата обращения: 11.02.2020).

2. Смольский А.П. Экономические аспекты выхода и исключения участника из хозяйственного общества (товарищества): проблемы правового регулирования и возможности их решения // Судеб. вестн. Плюс: экон. правосудие. 2020. № 2. С. 49–56.

УДК 343.98

А.Г. Вуйма

ОСНОВАНИЯ ДЛЯ НАЗНАЧЕНИЯ СУДЕБНО-ПСИХИАТРИЧЕСКИХ ЭКСПЕРТИЗ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ УБИЙСТВ

Умышленное убийство является наиболее тяжким среди уголовных правонарушений, посягающих на жизнь и здоровье человека. Убийца, как правило, не имеет установки касательно ценности жизни другого лица, поэтому посягает на его природное право – право на жизнь. Анализ следственной и судебной практики правоохранительных органов

подтверждает тот факт, что совершение умышленного убийства часто свидетельствует о наличии у виновного лица особенного психологического, а иногда и психического состояния. Установление психического состояния лица в определенные юридически значимые промежутки времени является предметом отдельного экспертного исследования – судебно-психиатрической экспертизы.

Так, согласно уголовному процессуальному законодательству Украины общим основанием для назначения экспертизы какого-либо вида является необходимость использования специальных знаний для выяснения обстоятельств, имеющих значение для уголовного производства. Кроме того, наличие сомнений во вменяемости подозреваемого служит обязательным основанием для назначения экспертизы следователем или прокурором.

Вместе с тем Законом Украины от 22 февраля 2000 г. № 1489-III «О психиатрической помощи» установлена презумпция психического здоровья: каждый человек считается не имеющим психического расстройства, пока наличие такового не будет установлено на основаниях и в порядке, предусмотренных Законом «О психиатрической помощи» и другими законами Украины.

Таким образом, возникает потребность в исследовании обстоятельств, являющихся основаниями для назначения судебно-психиатрической экспертизы в отношении подозреваемого в убийстве, для того чтобы процессуальное решение следователя или прокурора о ее назначении не ограничивало законных прав и интересов подозреваемого и не рассматривалось как нарушение принципа презумпции психического здоровья человека.

Уголовным процессуальным законодательством Украины предусмотрено, что следователь, дознаватель или прокурор обязаны привлечь эксперта (экспертов) для проведения психиатрической экспертизы в случае, если в ходе уголовного производства будут установлены обстоятельства, свидетельствующие о том, что убийца во время совершения общественно опасного деяния находился в невменяемом или ограниченно вменяемом состоянии либо совершил преступление во вменяемом состоянии, но после его совершения заболел психическим заболеванием, которое лишает его возможности осознавать свои действия или руководить ими. В частности, такими обстоятельствами могут быть наличие согласно медицинским документам у лица расстройства психической деятельности или психического заболевания либо неадекватное поведение лица во время совершения им общественно опасного деяния или после него (синдром помрачения сознания, нарушение восприятия, мышления, воли, эмоций, интеллекта или памяти и т. д.). Именно указан-

ные основания определены в уголовном процессуальном законодательстве Украины как основания для назначения судебно-психиатрической экспертизы. Однако, на наш взгляд, в данном перечне обобщены лишь некоторые основания, которые требуют дополнения.

Так, к медицинским документам, свидетельствующим о наличии у подозреваемого в совершении убийства расстройства психической деятельности или психического заболевания, принято относить документы о нахождении лица на учете у врачей психиатра и нарколога, заключение врача психиатра о непригодности к военной службе, выписки из психоневрологических больниц, результаты обследований. При этом в данный перечень не включаются документы, свидетельствующие о том, что подозреваемый перенес травмы либо заболевания головного мозга, а также травмы позвоночника и спинного мозга. Хотя практике известны случаи, когда именно вследствие их у людей развивались психические заболевания, после чего они совершали преступления против жизни и здоровья.

О неадекватности лица, совершившего убийство, могут свидетельствовать особый (садистский) способ совершения преступления (например, нанесение многочисленных ножевых ударов в жизненно важные органы), последующее расчленение трупа, размещение фотоснимков (видеозаписей) с изображением трупа в социальных сетях, отсутствие попыток сокрытия и уничтожения доказательств (например, убийца может длительное время носить одежду, на которой сохранились явные следы крови потерпевшего), сообщение вымышленных данных о себе сотрудникам правоохранительных органов и т. п.

Неадекватное поведение подозреваемого может находить свое дальнейшее отражение в протоколах следственных (розыскных) действий, проводимых с его участием. Соответствующие факты обязательно должны быть надлежащим образом оценены следователем, принимающим решение о необходимости назначения судебно-психиатрической экспертизы.

Ученые высказывают разные позиции касательно непосредственных оснований для назначения судебно-психиатрической экспертизы и относят к ним:

- установление несоответствия мотивов совершенного деяния тяжести поступка;

- наличие особенностей поведения подозреваемого, свидетельствующих о крайней неуравновешенности, эмоциональности, агрессивности; отставание уровня психологического развития от возрастной нормы; перенесенные или имеющиеся психические заболевания и т. д. [1, с. 18].

Психические заболевания проявляются прежде всего в нарушении процессов восприятия, памяти, мышления, свойств интеллекта, эмоций,

воли [2, с. 136]. На основании этого мы считаем, что о наличии у подозреваемого в убийстве психического расстройства или заболевания могут также свидетельствовать низкий уровень образования и общего развития, злоупотребление алкоголем и наркотиками, различные нарушения устной и письменной речи, отклонения от нормального поведения (резкое изменение мимики, внезапная смена настроения, вызывающее поведение, нарушение координации движений и т. п.), сведения о тяжелых психологических травмах и сильных душевных потрясениях, особенности характера человека (чрезмерная агрессия, волнение, суицидальные наклонности и т. д.) и др. Кроме того, основаниями для усомнения во вменяемости подозреваемого в убийстве могут являться отрицательные характеристики с места учебы и работы, показания самого подозреваемого, членов его семьи и соседей, факты неоднократного привлечения к административной ответственности за совершение домашнего насилия, мелкого хулиганства, наличие судимостей за совершение насильственных преступлений.

Таким образом, мы считаем, что сам факт совершения человеком убийства не может быть основанием для назначения судебно-психиатрической экспертизы, поскольку это противоречит принципу презумпции психического здоровья человека, однако перечень оснований для ее назначения не охватывает безусловных и ряда других причин, являющихся основаниями для усомнения в психическом здоровье подозреваемого, поэтому требует дополнения.

1. Нор В.Т., Костицкий М.В. Судебно-психологическая экспертиза в уголовном процессе. Киев, 1985.

2. Судова медицина та психіатрія : навч. посіб. / В.В. Кікінчук [та ін.]. Х., 2019.

УДК 343.98

Е.И. Галяшина

О ДОСТОВЕРНОСТИ ФОНОГРАММ, ИЗЫМАЕМЫХ ИЗ СЕТИ ИНТЕРНЕТ: КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ¹

В сети Интернет могут размещаться разнообразные информационные материалы, в том числе фонограммы с аудиозаписями различных переговоров, выступлений с политическими заявлениями, антикон-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00190 «Концептуализация противодействия информационным угрозам в интернет-среде с использованием специальных юридико-лингвистических знаний».

ституционными призывами, музыкально-песенными произведениями, пропагандирующими криминальную субкультуру, культивирующими асоциальное поведение и насилие, проповедями и публичными обращениями, оправдывающими и обосновывающими нацистскую и экстремистскую идеологию, и т. д. В настоящее время фонограммы, содержащие словесный экстремизм, представляют собой новые формы реализации наиболее актуальных и динамично развивающихся угроз информационно-мировоззренческой безопасности пользователей интернета. Такие преступления, как насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации, терроризм, вооруженный мятеж, массовые беспорядки и т. п., всегда имеют идеологических вдохновителей. Именно они прямо или косвенно провоцируют, в первую очередь среди молодежи, радикальные проявления экстремизма, используя изощренные средства манипуляции и пропаганды, языковые методы и способы воздействия на умы и настроения масс, целенаправленно культивируя образ врага, вербуя в террористические организации своих идеологических сторонников и последователей, в том числе с использованием произведений популярных рэп-исполнителей.

На видеохостингах и в социальных сетях нередко появляются фейковые, «скандальные» аудиозаписи экстремистского или компрометирующего содержания, источник происхождения которых оперативными мерами установить не удастся, а проверка достоверности запечатленной на них информации без использования специальных знаний затруднена. В этой связи особую значимость приобретает криминалистический подход к собиранию и экспертному исследованию устной речи, содержащейся в фонограммах.

Фонограмма как отображение звуковых следов на материальном носителе фиксирует многогранную доказательственную и иную криминалистически значимую информацию о событии аудиозаписи, голосе и речевых особенностях говорящего, об акустической обстановке, о смысловом и эмоциональном содержании речевого сигнала, его воздействующем эффекте, фальсификации фонограммы как доказательства. Фоноскопическое исследование звуковой информации в ее отображении на материальном носителе необходимо для установления существенных обстоятельств расследуемого деяния. В этой связи криминалистическая сущность данного рода экспертизы рассматривается в аспекте использования интегрированных специальных знаний разных «материнских» наук (лингвистики, акустики и др.) для получения по звуковым следам уголовно-релевантной информации в форме судебного доказательства,

установления подлинности и достоверности записанной на фонограмме информации.

Экспертные исследования фонограмм голоса и речи развиваются в отечественной криминалистике более полувека. За эти годы были теоретически проработаны многие аспекты экспертного исследования звуковых следов, зафиксированных на материальных носителях, в целях выявления признаков монтажа, установления по голосу и речи личности человека, обстоятельств, среды и акустических условий производства аудиозаписи, свойств ее материального носителя. Фонограммы как источники доказательств прочно вошли в уголовное судопроизводство, позволяя устанавливать разнообразные фактические данные по записанной звуковой информации. Фоноскопическая экспертиза, проводимая в целях установления факта аутентичности фонограммы, учитывает данные об обстоятельствах и условиях записи речевых сигналов, об использованных для аудиозаписи технических средствах. Отсутствие таких сведений и непредоставление на экспертизу записывающего устройства затрудняет и во многом ограничивает возможности оценки выявленных артефактов как следов привнесенных в фонограмму ситуационных изменений, монтажа и иных манипуляций с речевым и неречевым сигналом, позволяя сомневаться в достоверности фонограммы как доказательства.

Тем не менее в типовых методических рекомендациях для экспертов, проводящих фоноскопические экспертизы, упор делается на технические и лингвистические знания. Бесспорно, их применение позволяет автоматизировать экспертные методики, получать точные результаты измерений акустических параметров голоса и речи, повышать объективность экспертных решений за счет включения в экспертизу математических процедур и алгоритмов, а также вероятностно-статистических методов оценки меры сходства и различия идентификационно значимых признаков. Однако указанные научные положения должны быть адаптированы под цели процессуального познания и базироваться на криминалистическом мышлении эксперта, тогда как наука криминалистика в перечне необходимых эксперту знаний часто вообще не упоминается.

На практике это оборачивается существенными недочетами экспертных выводов, когда эксперты, даже применив все рекомендованные методы и средства, оказываются неспособными дать адекватную криминалистическую оценку полученным результатам и сформулировать корректный вывод о наличии на фонограммах следов неситуационных изменений, инсценировки и иных способов подделки и подлога звуко-

вой информации. Другим следствием недооценки значения криминалистического учения о звуковых следах при проведении идентификационных фоноскопических экспертиз является ошибочная идентификация говорящего по фонограммам, содержащим синтезированную или искусственно модифицированную речь, без криминалистической оценки источника происхождения и записи речевого сигнала.

Ситуация усугубилась с развитием информационных и компьютерных технологий, когда общение людей стало опосредоваться мобильными и компьютеризованными средствами связи, специальными приборами, позволяющими индивиду изменять голос, маскируя личность, искусственно подражать голосу и речи конкретного человека, производить компьютерный монтаж, обработку и редактирование речевых сигналов, компьютерный синтез голоса и речи и т. д. Это потребовало усовершенствовать применяемые в фоноскопической экспертизе методики с внедрением в частную теорию фоноскопической экспертизы раздела криминалистического учения о звуковых следах с учетом современных реалий всеобщей цифровизации.

Следует указать, что размещаемые в сети Интернет фонограммы являются цифровыми, т. е. информацией, хранящейся или передающейся в бинарной форме, что предопределяет необходимость выполнения ряда требований обращения с цифровыми доказательствами при скачивании информации из сети Интернет.

10 декабря 1997 г. на встрече министров юстиции и внутренних дел стран «Большой восьмерки» (G8) в Вашингтоне были утверждены Принципы и план действий по борьбе с высокотехнологическими преступлениями. Головным ведомством, осуществляющим контроль за реализацией согласованного в рамках «Восьмерки» плана действий по борьбе с преступлениями в сфере высоких технологий и подготовку в рамках «Восьмерки» доклада о ходе его реализации, была определена Генеральная прокуратура РФ.

В настоящее время выработаны международные принципы, которыми правоприменителю надлежит руководствоваться при изъятии аудиозаписей, находящихся в интернет-среде, с целью обеспечения возможности в дальнейшем их судебной экспертизы [1].

На основании указанных требований можно сформулировать следующие криминалистически значимые положения для криминалистического учения о звуковых следах. Вся деятельность по изъятию, хранению и передаче цифровых фонограмм должна быть пошагово документирована, а производимые действия не должны изменять свойства и содержание файла с фонограммой. Кроме того, для контроля неиз-

менности аудиозаписи следует верифицировать скопированный файл путем расчета контрольных сумм (хэша) в момент скачивания файла с фонограммой с интернет-сайта, поскольку полученное значение является ориентиром при последующих операциях с сигналограммой. Во избежание невосполнимой утраты информации о событии не допускается производить удаление каких-либо фрагментов полученных сигналограмм. Подобные манипуляции относятся к неситуационным изменениям фонограммы [2].

В документах, фиксирующих скачивание информации в цифровом виде с интернет-сайта, следует указывать название файла, дату его создания и последнего изменения, атрибуты файла. Помимо этого в обязательном порядке стоит приводить результаты расчета хэша, характеристики носителя информации (компакт-диска), на который было произведено копирование, в том числе его серийный номер, а также сведения о программе, использованной для записи диска, и режиме записи. Протокол изъятия информации с интернет-сайта должен содержать данные о лице, которое произвело фиксацию, его подпись; данные об используемых технических средствах (программном обеспечении и компьютерной технике); удостоверяющую запись о том, что символический адрес сайта соответствует его настоящему IP-адресу [3].

От того, насколько полными и адекватными будут предпринятые правоприменителем действия по изъятию и документированию файлов с фонограммами, размещенных на интернет-сайтах, будут зависеть возможность проверки достоверности звуковых следов и использования их в дальнейшем как доказательств по делу.

1. Guidelines for best practice in the forensic examination of digital technology [Electronic resource]. URL: <https://cryptome.org/2014/03/forensic-digital-best-practice.pdf> (date of access: 30.09.2020).

2. Галяшина Е.И., Шамаев Г.П. Обеспечение достоверности материалов оперативно-розыскных мероприятий как доказательств в уголовном судопроизводстве // Криминалистика и судебная экспертиза: наука, обучение, практика : материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 18–19 июня 2012 г.) / С.-Петерб. гос. ун-т ; под общ. ред. С.П. Кушниренко. СПб., 2012. С. 492–500.

3. Семикаленова А.И., Рядовский И.А. Использование специальных знаний при обнаружении и фиксации цифровых следов: анализ современной практики // Актуал. проблемы рос. права. 2019. № 6. С. 178–185.

УДК 340.6

А.О. Гусенцов

ВОЗМОЖНОСТИ ИССЛЕДОВАНИЯ И СУДЕБНО-МЕДИЦИНСКАЯ ОЦЕНКА ОТЛОЖЕНИЯ МЕТАЛЛОВ ВОКРУГ ВХОДНЫХ ОГНЕСТРЕЛЬНЫХ ПОВРЕЖДЕНИЙ, ВОЗНИКАЮЩИХ В РЕЗУЛЬТАТЕ РИКОШЕТА

Результатом взаимодействия огнестрельного снаряда с преградой может быть изменение параметров его внешней баллистики (направление и скорость движения, деформация, фрагментация и др.), которое, в свою очередь, может приводить к рикошетированию и тем самым обуславливать формирование весьма своеобразных морфологических признаков огнестрельных повреждений, главным образом входного отверстия [1, с. 235–237]. Следует отметить, что, несмотря на значительные успехи, достигнутые в области судебно-медицинской баллистики, закономерности формирования, возможности комплексного исследования и дифференциальной диагностики огнестрельных пулевых и дробовых повреждений, образовавшихся в результате выстрела из нарезного и гладкоствольного оружия и последующего рикошета огнестрельного снаряда, изучены недостаточно [2].

С целью устранения указанных пробелов в судебно-медицинском изучении запреградной огнестрельной травмы проведены баллистические эксперименты с использованием различных видов оружия и боеприпасов: нарезного (9-мм пистолета Макарова) с патронами калибра 9,0 мм и гладкоствольного (охотничьего ружья модели «ИЖ-27 М» 12-го калибра) с патронами охотничьими 12/70 с картечью 8,5 мм 32 г Profi Hunter и патронами охотничьими пулевыми «Золото» 12/70 с пулей 32 г Gualandi). В качестве преград выступали материалы, наиболее часто встречающиеся в зданиях, сооружениях, транспортных средствах и т. п.: кирпич керамический обыкновенный марки 100, пенобетон марки D600 класса B2,5, бетон марки M350 класса B25, сталь марки СТ45. В экспериментальных мишенях использовались фрагменты бязи, а также кожно-мышечные лоскуты, изъятые с ампутированных нижних конечностей человека. Значения до- и запреградного расстояний составляли 100 см и 50 см соответственно, угла встречи с преградой – 10°, 20°, 30°, 40°, 50°.

В настоящее время завершается основной этап баллистического эксперимента с использованием гладкоствольного оружия. Произведено 779 выстрелов, из них зачетными признаны 599 поражений экспериментальных мишеней. (В незачетных случаях происходило краевое повреж-

дение мишени, разрушение преграды либо образование слепого или сквозного повреждения преграды.) Экспериментальные огнестрельные повреждения подвергнуты комплексному судебно-медицинскому исследованию, в ходе которого применялись методы: визуальный, измерительный, микроскопический, фотографический, исследование в ультрафиолетовых и инфракрасных лучах, контактно-диффузионный, рентгенографический, гистологический, математико-статистический.

В ходе проведения комплексного исследования огнестрельных повреждений, сформированных в результате рикошета пули при выстреле из 9-мм пистолета Макарова, нами отмечено, что нередко вместо классического признака входной раны в виде пояaska обтирания образуется участок, располагающийся с одной из сторон пулевого отверстия и имеющий различные формы и размеры (данное явление получило название «участок обтирания»). Образование обтирания в виде участка может быть объяснено тем, что в результате контакта с преградой возможна потеря устойчивости пули в полете, которая может привести к ее повороту вокруг продольной оси, приобретению «кувыркательного» характера движения и причинению повреждения боковой поверхностью [1, с. 237].

Контактно-диффузионным методом установлено наличие в участке обтирания свинца. Кроме того, взаимодействие пули с преградой приводило к образованию отдельных частиц свинца (в различных количествах), которые отлагались на поверхности мишени. При анализе их параметров установлена прямая взаимосвязь между увеличением значений длины участка отложения свинца по краям повреждений, количества частиц свинца на поверхности вида мишени (на 1 дм²) и значениями угла встречи пули с преградой. С использованием метода логистической регрессии построена регрессионная модель, позволяющая устанавливать интервал угла встречи пули с преградой (10–20° или 30–50°) с точностью 84,2 % для биологической мишени и 88,0 % для небиологической мишени.

Каких-либо статистически значимых закономерностей отложения частиц меди, входящей в состав оболочки пули патрона калибра 9,0 мм к пистолету Макарова, в ходе проведения исследования не обнаружено.

К.Н. Калмыковым в 1961 г. установлено, что в результате взаимодействия с преградой и фрагментации пули часть кинетической энергии превращается в тепловую, отчего образующиеся фрагменты снаряда нагреваются, свинцовые детали частично расплавляются, а некоторая часть расплавленного свинца превращается в дисперсное облако и может отлагаться в области входных ран [6]. Выявленные К.Н. Калмыковым закономерности подтверждаются результатами эксперимен-

тальных исследований, проведенных В.И. Молчановым [3] и V.J.M. Di Maio [4, p. 125].

При проведении нами баллистического эксперимента с использованием гладкоствольного оружия эти закономерности внешней баллистики, фрагментированной в результате рикошета пули, были гипотетически экстраполированы на картечь. Данная научная гипотеза нашла свое эмпирическое подтверждение. При проведении комплексного исследования экспериментальных повреждений установлено, что в результате выстрела из гладкоствольного оружия и последующего рикошета как пули, так и картечи образующееся дисперсное облако свинца отлагается на поверхности как биологических, так и небиологических мишеней сплошным слоем либо в виде множественных, часто сливающихся частиц и многочисленных участков различных форм и размеров, имеющих сливной характер и нечеткость контуров. Данная закономерность может быть обусловлена тем, что используемые нами боеприпасы к гладкоствольному оружию имеют ряд принципиальных отличий от патронов калибра 9,0 мм к пистолету Макарова. К таким отличиям относятся: значительно бо́льшая масса (32 г в сравнении с 6,1 г) и отсутствие оболочки, которая способствует уменьшению степени деформации и фрагментации снаряда после взаимодействия с преградой. Кроме того, следует учитывать столь важный параметр внешней баллистики огнестрельных снарядов у используемых нами боеприпасов, как начальная скорость. Для пули патрона калибра 9,0 мм к пистолету Макарова значение данного параметра – 315 м/с, для картечи 8,5 мм 32 г Profi Hunter к патрону охотничьему 12/70 – 410–420 м/с, для пули Gualandi патрона охотничьего пулевого «Золото» 12/70 – 475 м/с [5–7].

Отмеченные конструктивные особенности огнестрельных снарядов к гладкоствольному оружию в совокупности со значениями их начальной скорости являются объективными предпосылками для формирования значительной степени деформации и (или) фрагментации снарядов при взаимодействии с преградой и для образования не отдельных частиц свинца, а дисперсного облака данного металла, которое, отлагаясь на поверхности мишени сплошным образом, предопределяет отсутствие отдельных частиц свинца как диагностического признака при проведении комплексного исследования огнестрельных повреждений.

1. Попов В.Л., Шигеев В.Б., Кузнецов Л.Е. Судебно-медицинская баллистика. СПб., 2002.

2. Возможности экспертной оценки влияния рикошета пуль на характер повреждений от выстрелов из охотничьего оружия / И.Ю. Макаров [и др.] // Судеб.-мед. экспертиза. 2017. № 6. С. 30–36.

3. Молчанов В.И. О поражениях дробовым снарядом, прошедшим через преграду или рикошетировавшим от нее // Тр. ГИДУВа : сб. работ по теории и практике судеб. мед. Л., 1962. Вып. 29. С. 214–219.

4. Di Maio V.J.M. Gunshot Wounds: practical Aspects of Firearms, Ballistics, and Forensic Techniques. Second Edition // CRC Press LLC. N. Y., 1999.

5. Пистолет Макарова (ПМ) [Электронный ресурс] // Министерство обороны Республики Беларусь. Военный информационный портал. URL: <https://www.mil.by/ru/forces/special/rhbz/467/16729> (дата обращения: 06.08.2020).

6. Патрон 12/70 с пулей Gualandi [Электронный ресурс] // Оружейный магазин AIR-GUN. URL: https://www.air-gun.ru/patroni/gladkostvolnie-patroni/patron_12_70_s_puley_gualandi_gualbosteel_314_g_ekspansivnaya_teh_krim#:~:text=%D0%9E%D0%BF%D0%B8%D1%81%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B5-,%D0%9F%D0%B0%D1%82%D1%80%D0%BE%D0%BD%2012%2F70%20%D1%81%20%D0%BF%D1%83%D0%B%D0%B5%D0%B9%20Gualandi%20GualboSteel%2031%2C4%20%D0%B3,%D0%BF%D1%83%D0%BB%D0%B8%20%D1%81%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%B2%D0%BB%D1%8F%D0%B5%D1%82%20475%20%D0%BC%2F%D1%81 (дата обращения: 06.08.2020).

7. Патрон 12×70 Азот Profi-Hunter картечь 8,5 мм импорт порох [Электронный ресурс] // Сеть магазинов Мир охоты. URL: https://www.huntworld.ru/catalog/okhota_i_sportivnaya_strelba/patrony/gladkostvolnye/patron_12kh70_azot_prof_i_hunter_kartech_8_5mm (дата обращения: 06.08.2020).

УДК 343.98

О.Г. Дьяконова

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЭКСПЕРТНОЙ ПРОФИЛАКТИКИ

В судебной экспертологии особое место отводится частным теориям, одной из которых является теория экспертной профилактики, появившаяся во второй половине прошлого века и разрабатывавшаяся изначально в рамках криминалистики. Работы И.А. Алиева, Н.П. Майлис и других ученых внесли несомненный вклад в развитие этой теории. Но, несмотря на теоретические изыскания, реализация экспертной профилактики на практике осуществляется нечасто. И.А. Алиев считал экспертную профилактику системным образованием, которое «составляет деятельность экспертов, выявляющих на базе своих специальных познаний обстоятельства, фигурирующие в качестве условий, а иногда и причин, способствовавших или могущих способствовать совершению преступлений. Выявление подобных обстоятельств может осуществляться как при производстве экспертиз, так и в ходе обобщения экспертной практики по мере ее накопления» [1, с. 3]. Ученые по-разному подходят

к определению выражения экспертной профилактики: от реализации в рамках экспертной инициативы [2, л. 251; 3, с. 91] до использования ее возможностей при проведении отдельных экспертиз [4, л. 134].

Переоценить рекомендации экспертов, направленные на предотвращение будущих правонарушений, сложно. Однако, начиная от нормативной регламентации и заканчивая ее повсеместной практической реализацией, можно констатировать отсутствие механизма реализации экспертной профилактики.

Так, ни в процессуальных кодексах, ни в Федеральном законе о государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации, ни в Законе Республики Беларусь о судебно-экспертной деятельности не содержится положений, посвященных экспертной профилактике, в том числе регламентирующих особенности реализации права на экспертную инициативу. Ученые также отмечают отсутствие зафиксированного механизма экспертной профилактики. Например, отсутствуют четкие указания, контроль над реализацией рекомендаций эксперта определенным органом, а также гарантии их претворения в жизнь [3, с. 91]. Названные проблемы требуют решения, первоочередным этапом в котором является нормативная регламентация механизма реализации экспертной инициативы [5, с. 201; 6, л. 166]. Действующие Наставление по организации экспертно-криминалистической деятельности в системе МВД России и приказ МВД России от 29 июня 2005 г. № 511 скупко регламентируют экспертную профилактику и сужают перечень ее направлений [7, с. 106].

Нормативная регламентация возможна в разных формах. Так, И.А. Алиев предлагал принять единую инструкцию, детально регламентирующую экспертную профилактическую работу независимо от ведомственной принадлежности экспертного учреждения [1, с. 13]. Е.Р. Россинская и Е.И. Галяшина предлагают вменить в обязанность руководителя экспертного учреждения «в экстренных случаях непосредственное срочное обращение к тем органам или должностным лицам, во власти которых находится принятие немедленных предупредительных мер» [8, с. 81]. О.Ю. Антонов и Е.В. Устелемова предлагают создать механизм «взаимодействия эксперта и специалиста со следователем, дознавателем и судом по реализации внесенных профилактических рекомендаций» [9, с. 69] с привлечением к ответственности лиц, виновных в невыполнении требований.

Причинами того, что до сих пор не создана работающая система экспертной профилактики, на наш взгляд, являются следующие: отсутствие нормативной регламентации определения термина «экспертная профилактика» и форм ее выражения; отсутствие нормативной регла-

ментации механизма экспертной профилактики, включающего в себя установление органов или лиц, которым направляются рекомендации, определение необходимых мер, сроки их принятия, контроль за выполнением и др.; отсутствие установленной ответственности за невыполнение профилактических рекомендаций или необоснование причин нецелесообразности их выполнения; отсутствие мотивированности у эксперта для дачи профилактических рекомендаций; отсутствие указаний процессуального закона о необходимости постановки следователем или судом вопросов, касающихся выявления экспертом обстоятельств, препятствующих совершению правонарушений, и др.

Практически все названные причины условно можно объединить в одну – отсутствие нормативной регламентации механизма реализации экспертной профилактики.

Проводя сравнительный анализ профилактической деятельности в других, смежных с судебно-экспертной деятельностью областях, можно найти жизнеспособный пример реализации экспертных рекомендаций.

Так, разработка мер по предотвращению в будущем авиационных происшествий на основе проведенных экспертиз прописана в Правилах расследования авиационных происшествий и авиационных инцидентов с государственными воздушными судами в Российской Федерации (далее – ПРАПИ). В указанном документе обозначены основные элементы механизма экспертной профилактики. Комиссия по расследованию авиационного происшествия вправе назначить экспертизу, результат которой оформляется в виде заключения, подписываемого экспертом (членами экспертной группы) и приобщаемого к делу. Эксперты всегда формулируют профилактические рекомендации, например по совершенствованию технических элементов воздушного судна с целью недопущения повторения авиационных происшествий. После завершения расследования в авиационной части с участием пилотов и технических работников осуществляется разбор заключения с целью доведения до заинтересованных организаций и лиц информации об обстоятельствах, причинах, опасных факторах и недостатках, выявленных в результате расследования, а также выдачи рекомендаций по предотвращению авиационных происшествий. К важнейшим вопросам для обсуждения относятся «состояние профилактической работы, эффективность выполнения программ предотвращения авиационных происшествий, принимаемые меры по предупреждению повторения авиационных инцидентов, в первую очередь связанных с неправильными (ошибочными) действиями личного состава, нарушением требований нормативных документов» (подп. «д» п. 112 ПРАПИ). Итогом являются разработанные

ные комиссией предложения и рекомендации по повышению безопасности полетов. При разработке рекомендаций учитываются все опасные факторы, в том числе не оказавшие непосредственного влияния на возникновение и развитие особой ситуации в полете, но представляющие угрозу безопасности полетов. Рекомендации фиксируются в акте расследования авиационного происшествия. Профилактические мероприятия оформляются в виде планов межведомственных и ведомственных мероприятий соответственно в срок до 45 дней и 30 дней с даты окончания расследования авиационного происшествия. ПРАПИ определяют ответственные за организацию разработки профилактических мероприятий органы (в России, например, федеральный орган исполнительной власти или организация (по принадлежности воздушного судна), а в Министерстве обороны РФ – главнокомандующий видом Вооруженных Сил РФ и федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий реализацию государственной политики в области авиационной промышленности). В плане профилактических мероприятий устанавливаются сроки их исполнения, о соблюдении которых исполнители докладывают руководителю федерального органа исполнительной власти или организации, утвердившему план. В случае невыполнения плана исполнитель обязан направить письменное уведомление о причинах его невыполнения не позднее, чем за 5 дней до истечения установленного срока.

Подобные положения о профилактических мероприятиях или рекомендациях по безопасности имеются в странах – участниках ЕАЭС. Так, анализ ПРАПИ Республики Беларусь позволил сделать вывод о наличии почти тождественных положений о профилактике авиационных происшествий и инцидентов, которые именуются рекомендациями по обеспечению безопасности. Контроль над реализацией данных рекомендаций в странах ЕАЭС возлагается на уполномоченный орган в сфере гражданской авиации. Если рекомендации по обеспечению безопасности касаются положений действующих документов ИКАО, то они направляются в эту организацию.

Подобное регулирование механизма экспертных рекомендаций в области расследования авиационных происшествий является действенным и вполне может быть взято за основу для формулирования положений по судебно-экспертной профилактике. Представляется важным зафиксировать механизм экспертной профилактики различных правонарушений в виде межведомственной инструкции, отсылочные положения к которой вполне можно установить в законодательстве о судебно-экспертной деятельности.

1. Алиев И.А. Проблемы судебно-экспертной профилактики : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Киев, 1990.
2. Зайцева Е.А. Концепция развития института судебной экспертизы в условиях состязательного уголовного судопроизводства : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2008.
3. Белкин А.Р. Теория доказывания в уголовном судопроизводстве : учеб. пособие : в 2 ч. 2-е изд., испр. и доп. М., 2017. Ч. 2.
4. Бодров Н.Ф. Использование специальных знаний при расследовании взяточничества и других проявлений коррупции в сфере образования : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013.
5. Белкин А.Р. УПК РФ: отменить нельзя поправить? : в 2 т. 2-е изд. М., 2017. Т. 2. Досудебное производство.
6. Лазарева Л.В. Концептуальные основы использования специальных знаний в российском уголовном судопроизводстве : дис. ... д-ра юрид. наук. Владимир, 2011.
7. Хмыз А.И. Вопросы об экспертной профилактике при производстве судебной экспертизы // Вестн. Моск. ун-та МВД России. 2019. № 1. С. 105–108.
8. Россинская Е.Р., Галяшина Е.И. Настольная книга судьи: судебная экспертиза. Теория и практика, типичные вопросы и нестандартные ситуации. М., 2018.
9. Антонов О.Ю., Устелемова Е.В. Теория экспертной профилактики: возникновение, современное состояние и перспективы развития // Вестн. Удмурт. ун-та. Сер. Экономика и право. 2016. Т. 26, вып. 3. С. 66–69.

УДК 343.982.4

Н.В. Ефременко

РЕШЕНИЕ ИДЕНТИФИКАЦИОННЫХ ЗАДАЧ ПОЧЕРКОВЕДЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ИЗОБРАЖЕНИЙ ПОДПИСЕЙ НА КОПИЯХ ДОКУМЕНТОВ, ИЗГОТОВЛЕННЫХ С ПОМОЩЬЮ КОПИРОВАЛЬНО-МНОЖИТЕЛЬНОЙ ТЕХНИКИ

Использование в документообороте страны копий документов, изготовленных электрофотографическим способом, обусловило увеличение числа почерковедческих исследований относительно исполнителя подписей, изображения которых имеются в копиях документов. При этом вопрос о возможности решения такой задачи остается дискуссионным. Одни специалисты пишут о невозможности проведения почерковедческих исследований по копиям, поскольку те могут быть изготовлены путем компьютерного монтажа изображений почерковых объектов. Другие допускают проведение почерковедческого исследования при определенных условиях, а третьи считают возможным исследование копий лишь

в исключительных случаях при наличии высокого профессионализма эксперта и проведении комплексного исследования с привлечением специалистов в области судебной технической экспертизы документов и судебного почерковедения [1; 2, с. 218–223; 3, с. 27–32; 4, с. 52–60].

Исследование изображений подписей в копиях документов, проводимое с целью решения идентификационных задач, включает в себя следующие этапы:

- получение сведений о наличии оригинала;
- установление способа изготовления документа в целом и изображения подписи в частности;
- оценка качества копии документа, определение информативности изображения почеркового объекта;
- исследование рукописи или ее частей на предмет выявления наличия (отсутствия) признаков технической подделки подписи и монтажа изображения;
- выявление идентификационных признаков подписи в ее изображении на копии документа;
- оценка результатов исследования (выявленных признаков) и формирование вывода.

В результате проведения эксперимента и анализа полученных данных были разработаны некоторые общие методические рекомендации для эксперта.

На первом этапе эксперт, производя осмотр предоставленного документа, обязан определить, является ли он оригиналом или это копия, и в случае установления копии заявить ходатайство о предоставлении оригинала.

На втором этапе выявляются признаки, характеризующие конкретный способ получения изображений, и делается вывод о способе изготовления документа. Решение данной задачи необходимо для более полной оценки признаков, выявленных в ходе отдельного исследования, и отнесения их к группе изменяемых либо неизменяемых в процессе копирования [5, с. 33].

Идентификационное исследование на третьем этапе можно проводить только при наличии копии высокого качества.

Четвертый этап очень важен, поскольку многие признаки технической подделки подписи не отображаются в их изображениях. Вместе с тем в копиях могут отображаться признаки факсимиле, снижения координаты движений и замедленности темпа письма, сдвоенность штрихов, следы копирования через копировальную бумагу, передавливания по штрихам, обводки на просвет. Также возможно установить отдель-

ные признаки монтажа: наличие фона, перекрытие соседних букв и знаков, появление посторонних точек и штрихов, выполнение изображения подписи с иным разрешением.

Проявление признаков необычности, таких как мелкая извилистость, тупые начала и окончания штрихов, может быть большим или меньшим в зависимости от способа нанесения изображений. Отличить признаки необычности выполнения подписи от признаков плохого качества копии возможно путем сравнения штрихов подписи с изображением других частей документа [5, с. 34].

Изучение общих признаков, за исключением связности и нажима, в изображении подписи на пятом этапе особенностей не имеет [6, с. 519–535].

Среди частных признаков изучаются такие, как направление движений при выполнении отдельных элементов букв, вид соединения движений, протяженность, последовательность, размещение движений, точек начала, окончания и соединения движений и т. п.

Форма движений при выполнении и соединении букв и иных элементов подписи в копии как сохраняется, так и искажается. Прямолинейные элементы могут приобрести некоторую извилистость, изломы; извилистые подвержены выпрямлению. Особенно ненадежны проявления формы движений на небольших участках элементов подписи: нижних, верхних, правых и левых экстремальных участках.

Направление и протяженность движений как по вертикали, так и по горизонтали также сохраняется. Размещение движений по вертикали и особенно по горизонтали может изменяться за счет слияния рядом расположенных штрихов. Размещение точек начала, окончания, соединения и пересечения изменяется только в случае их близкого расположения к штрихам и другим точкам. При этом перерывы на изображении могут пропадать, и тогда точки будут выглядеть соединенными с рядом расположенными штрихами и другими точками. Вид соединения движений также способен изменяться, т. е. отрывистое соединение может приобрести вид слитного или присоединения, а слитное или присоединение – отрывистого.

Количество движений может уменьшаться за счет неотображения слабоокрашенных небольших элементов. В крупных элементах этот признак, как правило, сохраняется.

На шестом этапе проведение идентификационного почерковедческого исследования возможно только в следующих условиях:

- относительные четкость и непрерывность штрихов рукописи;
- распределение красящего вещества в штрихах изображения, соответствующее стандартному дифференцированному нажиму;

отсутствие значительных утолщений и наложений штрихов других реквизитов;

невывявление признаков монтажа частей изображения рукописи и технической подделки ее оригинала;

высокая информативность подписи.

Следует отметить, что даже при наличии всех указанных условий решение идентификационного вопроса возможно далеко не всегда.

При достаточно высоком качестве изображения подписи, в котором без искажений отобразилось большое количество идентификационных признаков, при отсутствии в копии признаков необычности, применения технических средств в ходе выполнения подписи, при наличии устойчивых, существенных совпадений и отсутствии существенных различий экспертом формируется вывод о выполнении спорной подписи, изображение которой исследуется, самим лицом, от имени которого подпись значится.

Если изображение подписи пригодно для проведения исследования, если в нем имеются устойчивые, существенные различия, не связанные с искажениями, возникающими при копировании, при внешнем сходстве, наличии ряда совпадающих общих и частных признаков экспертом с учетом правильной оценки трансформировавшихся признаков формулируется вывод об отсутствии тождества, а также о выполнении подписи с подражанием какой-либо подлинной подписи проверяемого лица.

Таким образом, разработанные рекомендации по исследованию изображений подписей в копиях документов с целью решения судебно-почерковедческих идентификационных задач повысят эффективность их проведения и снизят возможный процент ошибок в экспертных заключениях.

1. Ефименко А.В. Судебно-техническая экспертиза документов, изготовленных с использованием электрофотографических печатающих устройств. Саратов, 2010.

2. Исмадова Т.И., Кочеров М.А., Шведова Н.Н. Некоторые особенности методики исследования копий почерковых объектов // Судебная экспертиза: российский и международный опыт : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Волгоград, 23–24 июня 2012 г.) / Волгогр. акад. МВД России. Волгоград, 2012. С. 218–223.

3. Рубцова И.И., Волкова С.В. Проблемные вопросы исследований копий почерковых объектов // Современные возможности криминалистического исследования документов : материалы межведомств. науч.-практ. конф. (Москва, 28 мая 2013 г.) / Моск. ун-т МВД России. М., 2013. С. 27–32.

4. Толстухина Т.В., Рыбалкина Н.А. Проблемы производства судебно-почерковедческой экспертизы малообъемных почерковых объектов по электрофотографическим копиям // Изв. Тул. гос. ун-та. Сер. Экон. и юрид. науки. Вып. 2, ч. 2. Тула, 2016. С. 52–60.

5. Шведова Н.Н. Некоторые особенности методики исследований копий почерковых объектов // Цен. бумаги : информ. бюл. 2012. № 11. С. 33–35.

6. Ефремова М.В., Орлова В.Ф., Старосельская А.Д. Методические рекомендации по исследованию почерковых объектов по электрофотографическим копиям // Судебно-почерковедческая экспертиза. Особенная часть. Исследование малообъемных почерковых объектов / под науч. ред. В.Ф. Орловой. М., 2011. С. 519–535.

УДК 343.983.2

А.Г. Задоров

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОТОЖДЕСТВЛЕНИЯ УДОСТОВЕРИТЕЛЬНЫХ ПЕЧАТНЫХ ФОРМ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Сегодня большинство правоотношений между гражданами и организациями сопровождается ведением необходимой сопутствующей документации (расходные кассовые ордера, накладные, договоры и т. п.). Для того чтобы обладать юридической силой, документы должны содержать определенные реквизиты, к обязательным из которых относятся оттиски печатей. Для совершения противоправных действий, как правило, с целью получения личной выгоды, преступники изготавливают нелегитимные документы либо вносят изменения в действительные.

При подделке печати, добиваясь максимального визуального сходства с оригиналом, преступники изготавливают новую удостоверительную печатную форму, причем в основном тем же способом, которым изготавливается оригинальная печать. Сегодня для ее изготовления не требуется больших временных и финансовых затрат, так как расходные материалы и соответствующее оборудование находятся в свободной продаже и любой человек может легально их приобрести. С помощью них преступник сканирует оттиск легитимной удостоверительной печатной формы и изготавливает по нему новое клише. Это означает, что некоторые, наиболее бросающиеся, индивидуальные признаки отобразятся и в незаконно изготовленной печати.

В этой связи эксперт может оказаться в непростой ситуации и с затруднением ответить на поставленный вопрос о тождестве исследуемых оттисков, а также, в силу, например, небольшого опыта проведения данного вида экспертиз, просто не учесть факт наличия нелегитимной

печати в принципе. В некоторых случаях это способно привести к непреднамеренной экспертной ошибке.

В целях решения существующей проблемы нами проведено небольшое экспериментальное исследование, в качестве объектов которого выбраны фотополимерные удостоверительные формы, так как печати, изготовленные по этой технологии, наиболее часто подвергаются незаконному воспроизведению ввиду быстроты и легкости их изготовления, а также невысокой стоимости. Итак, в специальной компьютерной программе изготовили оригинал-макет (рис. 1).

Рис. 1. Оригина-макет, изготовленный в целях эксперимента

В мастерской по изготовлению печатей были заказаны три удостоверительные печатные формы из полимерной композиции марки СОЛОП. Далее каждой печатью в одинаковых условиях штемпельной краской фиолетового цвета проставлялись оттиски. Нажим варьировал от слабого до сильного.

Изучение оттисков, оставленных этими печатями, ввиду отсутствия их эксплуатации не позволило выявить какие-либо индивидуальные признаки. При этом все общие признаки ввиду того, что использовался один оригинал-макет, совпали.

Если 2–3 оттиска с одинаковыми общими признаками (как в нашем случае) поступят на экспертизу и способ изготовления печати также совпадет, эксперт при решении идентификационной задачи окажется в затруднительной ситуации. По факту в данном эксперименте оттиски оставлены тремя разными печатями. Соответственно в такой ситуации может быть допущена непреднамеренная экспертная ошибка.

Во избежание неверного вывода и фактически в целях страховки эксперт может дать условно-категорический вывод о том, что «исследуемые оттиски могли быть оставлены как одной печатью, так и любой другой, имеющей единый источник происхождения – оригинал-макет, негатив». По существу, для следователя такой вывод с точки зрения доказательственной базы не несет никакой значимости.

Также в ходе исследования было уделено внимание диагностическим признакам, характеризующим способ изготовления печати.

В методических рекомендациях Экспертно-криминалистического центра МВД России перечислены признаки фотополимерных удостоверительных печатных форм. Однако наибольший интерес, как имеющие максимальную значимость, полагаем, представляют всего два [3, с. 61]: «наличие в штрихах отдельных окрашенных точек с неокрашенными вокруг них кольцами» и «посторонние небольшого размера штрихи, примыкающие к штрихам букв, цифр, линиям рамок» (Сафроненко Т.И., Сосенушкина М.Н., Белоусов Г.Г. Криминалистическое исследование удостоверительных печатных форм (печатей и штампов), изготовленных по новым технологиям : метод. рекомендации. М., 1999. С. 29).

Первый из названных признаков появляется следующим образом: в процессе полимеризации исходной композиции происходит переход рабочего материала из жидкого агрегатного состояния в относительно твердое. Это явление сопровождается вытеснением воздуха, что приводит к образованию в клише сферических пустот, которые отображаются в оттисках в виде неокрашенных окружностей. Второй признак обусловлен прилипанием к печатающим элементам частиц полимера в процессе промывки клише. Дело в том, что большинство изготовителей моют будущую печать в проточной воде, щеткой, с применением бытовых моющих средств. Таким образом, невымытые частицы полимера закрепляются на основных элементах.

Данные признаки изучены нами в оттисках всех трех удостоверительных форм. При этом они представляли интерес не как диагностические, а как идентификационные (т. е. изучалось их взаиморасположение в оттисках). Исследование показало, что указанные признаки появляются неупорядоченно, хаотично. Соответственно их месторасположение проконтролировать в процессе изготовления клише невозможно, а в оригинал-макете и негативе они отсутствуют. Установлено, что в оттисках всех трех удостоверительных форм эти признаки присутствуют, однако локализация их различна.

Таким образом, при тщательном изучении и выявлении подобных микропризнаков (если качество оттиска позволяет их установить) вполне допустимо обоснование как положительного, так и отрицательного категорического вывода. «Классические» же частные признаки в случае положительного вывода сделают его более объективным. Если же микропризнаки будут различаться, а наиболее крупные совпадать, то вероятнее всего исследуемые оттиски оставлены разными печатями.

Также стоит, по нашему мнению, обратить внимание на признаки, возникающие в результате эксплуатации печати. Установлено, что, например, так называемые штрихи-марашки (появляющиеся в результате загрязнения печатной формы в основном волокнами бумаги) суще-

ственны, однако имеют малый идентификационный период. Дело в том, что они непрочны закреплены на рабочей поверхности клише и при ее постоянном контакте со штемпельной подушкой эти включения перемещаются в горизонтальной плоскости печати, постепенно отслаиваясь. Так, они деформируются либо исчезают уже после нанесения 5–20 оттисков после их первоначального появления. Поэтому в обосновании экспертного вывода учитывать указанные признаки рекомендуется с большой долей осторожности (рис. 2).

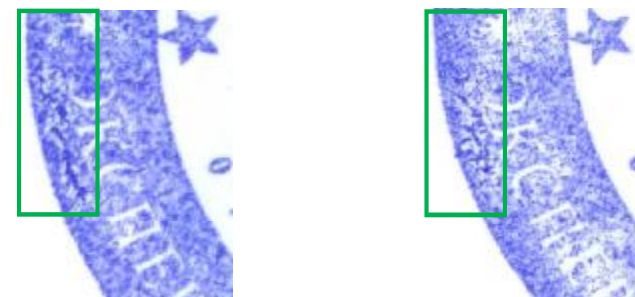

Рис. 2. Фрагменты оттисков одной и той же печати (в прямоугольниках выделен признак, обладающий малым идентификационным периодом)

Таким образом, результаты проведенного экспериментального исследования в ряде случаев могут быть использованы при успешном, объективно обоснованном решении экспертной идентификационной задачи в отношении удостоверительных печатных форм, изготовленных фотополимерным способом.

УДК 343.98

Р.Г. Зорин, Н.С. Талецкий

ЭКСПЕРТНАЯ ПРОФИЛАКТИКА: ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Существенную роль в экспертной инициативе играет инициатива экспертов в деле профилактики преступлений. Нередко при проведении экспертизы эксперт выявляет факты, которые указывают на причины и условия, способствующие совершению того или иного преступления [1, с. 195]. Профилактическая деятельность различных субъектов в зависимости от объема и характера предупредительных функций может быть направлена не только на предупреждение преступлений, устранение причин и условий, способствующих их совершению, но и на созда-

ние или усиление антикриминогенной обстановки, которая препятствует возникновению конфликтных ситуаций и способствует выработке положительного стереотипа поведения [2, с. 72]. Так, И.А. Алиев отмечает, что «экспертная профилактика – это сложное системное образование. Его основу составляет деятельность экспертов, которые на базе своих специальных знаний выявляют обстоятельства, фигурирующие в качестве условий, а иногда и причин совершения преступлений. Выявление подобных обстоятельств может осуществляться как в процессе производства экспертизы и участия в следственных действиях, так и в ходе обобщения экспертной практики по мере ее накопления» [2, с. 35]. Предмет экспертной профилактической деятельности предопределяется объектами экспертного исследования. Можно различать понятия общего предмета профилактической деятельности для конкретного рода, класса, вида экспертизы, т. е. типичные обстоятельства, которые могут быть установлены на основе специальных познаний [2, с. 74, 79].

Экспертная инициатива как деятельность носит научно-поисково-исследовательский, а вместе с тем ситуационный и творческий (интерпретационный) характер. Действительно, в ряде случаев эксперт, проявляя инициативу, может установить (выявить) новые обстоятельства или доказательства, имеющие значение для проведения экспертизы, разрешения уголовного дела. Вместе с тем целесообразно вести речь о профилактической деятельности эксперта с точки зрения установления наличия или отсутствия причин и условий, способствовавших совершению правонарушения. Так, уместно вспомнить и о такой задаче в стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования, как установление наличия или отсутствия негативных обстоятельств. Чаще приходится с этим встречаться в процессе проведения осмотра места происшествия. Полагаем необходимым признать, что реализация экспертной инициативы, равно как и экспертно-профилактической деятельности, уместна, целесообразна и эффективна в ходе проведения следственного осмотра и ряда иных процессуальных действий, что является предметом будущих научных исследований. Под негативными обстоятельствами в науке криминалистике понимаются такие обстоятельства, которые в силу логического объяснения их происхождения, развития событий должны иметь место, но по неустановленным причинам отсутствуют, либо, наоборот, установлены, но их присутствие опровергает, искажает логику построения умозаключений в познавательной деятельности субъекта доказывания. Можно утверждать, что всякое уголовно-процессуальное действие следственного и неследственного характера содержит порой целый ряд негативных обстоятельств. Это те обстоятельства, происхождению и следствиям которых нет объяснений в дан-

ный момент времени, равно как и нет объяснений их согласованности, взаимозависимостям. Так, например, по субъективным причинам негативные обстоятельства возникают в результате деятельности субъектов познания, связанной с допущением ошибок, нарушений. Это и казус, и ошибки (экспертные, криминалистические, уголовно-процессуальные, психологические), а также явные или латентные нарушения процессуального законодательства.

Важным направлением инициативной (экспертно-профилактической) деятельности эксперта служит выявление (установление) экспертных ошибок, что иной раз становится возможным в случаях проведения повторных экспертиз. Предвидеть допущение ошибок в первоначальной экспертизе порой невозможно, следовательно экспертная инициатива в этих случаях имеет место быть. Подчеркнем, что экспертная инициатива реализуется по усмотрению эксперта. Иначе говоря, решения принимаются при наличии условий свободы выбора занимаемой им позиции.

В процессе проявления инициативы кроме возможности установления новых обстоятельств не исключаются возникновение и постановка новых задач, требующих своего разрешения, в частности касающихся экспертной профилактики. Данный факт действительно может повлечь за собой возникновение обязанности решения этих задач, но такая обязанность должна быть урегулирована нормами процессуального права. Эти и другие вопросы, относящиеся к изучению понятия, природы, предназначения, механизма экспертной профилактики, представляют собой предмет перспективных научных исследований. Трудности предупредительной работы экспертов обусловлены в значительной мере тем, что ее предмет и методика не определены так же четко, как для обычных экспертных исследований. В научной литературе по-прежнему ведется дискуссия относительно правового режима экспертной профилактики. Одни ученые утверждают, что экспертно-профилактическая деятельность есть право экспертов и реализуется по их усмотрению. Другие считают, что данная деятельность является собой их обязанность. Надо отметить, что в ходе проведения профилактической деятельности эксперт имеет возможность установить не только причину совершения правонарушения, но в ряде случаев и условия, в которых оно совершалось.

Значимую роль в экспертной профилактике играет прогнозирование, которое, в свою очередь, должно осуществляться по результатам анализа и обобщения судебно-следственной и экспертной практики.

Среди перспективных направлений научной деятельности по разработке учения об экспертной профилактике следует выделить:

исследование общего предмета профилактической деятельности;

выявление и устранение обстоятельств (условий), способствующих совершению правонарушений, в комплексе с другими науками и определение прогностических задач в сфере социального планирования профилактики преступлений;

разработку системы органов научной экспертизы, призванных осмысливать любые проблемы современного мира на основе междисциплинарных исследований, сочетающих естественные, технические и общественные науки;

разработку методов и методики экспертной профилактики;

разработку профилактических (процессуальных и непроцессуальных мероприятий) и межнаучное взаимодействие общей теории судебной экспертизы, криминалистики, криминологии, уголовного процесса и т. д.

разработку профилактических рекомендаций, могущих выступать экономическими, правовыми, техническими, организационными, методическими, тактическими (тактико-криминалистическими) и т. д. [2, с. 80–81, 86, 163].

1. Зайцева Е.А. Концепция развития института судебной экспертизы в условиях состязательного уголовного судопроизводства. М., 2010.

2. Алиев И.А. Проблемы экспертной профилактики. Баку, 1991.

УДК 343.98

Н.Н. Ильин

СИСТЕМА МЕТОДОВ ТРАНСПОРТНО-ТЕХНИЧЕСКИХ СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТИЗ

Увеличение числа объектов экспертного исследования способствует модернизации существующих и разработке новых методов и технических средств проведения судебных экспертиз, имеющих по отдельности свои преимущества и ограничения в применении, но взаимосвязанных между собой и дополняющих друг друга.

Важность разработки общих методических основ не только для проведения транспортно-технических судебных экспертиз, т. е. для самих экспертов, но и для субъектов проверки (ст. 87 УПК Российской Федерации) и оценки доказательств (ст. 88 УПК Российской Федерации) подтверждает следственная и судебная практика. Так, К., находясь в должности капитана-механика речного теплохода, нарушил правила безопасности движения речного транспорта, что повлекло гибель трех лиц,

т. е. совершил преступление по неосторожности, предусмотренное ч. 3 ст. 263 УК Российской Федерации. Согласно должностной инструкции он был обязан соблюдать правила безопасности движения речного транспорта, руководить экипажем речного теплохода и выполнять функции в качестве его судоводителя. Стороной обвинения было представлено заключение комиссионной водно-технической судебной экспертизы, согласно которому К. имел техническую возможность избежать происшествия. Вместе с тем сторона защиты обратила внимание на отсутствие в экспертном заключении сведений о содержании, методах и результатах проведенных экспертами исследований, что противоречит положениям ст. 25 Федерального закона от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» и п. 9 ч. 1 ст. 204 УПК Российской Федерации. Указанное нарушение породило у суда сомнение в достоверности экспертных выводов, и заключение было признано недопустимым доказательством в соответствии со ст. 75 УПК России [1]. Аналогичные ситуации имели место и при проведении авиационно-технических [2] и железнодорожно-технических судебных экспертиз [3].

Кроме того, в п. 15 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» разъясняется, что если экспертом не применены или неверно применены необходимые методы и методики экспертного исследования, то составленное им заключение будет признано необоснованным, что является основанием для назначения повторной судебной экспертизы в соответствии с ч. 2 ст. 207 УПК России.

При изучении экспертных заключений транспортно-технических судебных экспертиз было установлено, что в ходе экспертного исследования при проведении:

авиационно-технических экспертиз для ответов на поставленные перед экспертами вопросы применялись методы естественных наук, в том числе сравнение, анализ, синтез и абстрагирование, а также формально-логические методы, такие как сходство, различие и соединительные методы. Специальные методы и методики при проведении экспертиз не применялись;

водно-технических экспертиз сведения о методах и методике вообще отсутствуют;

железнодорожно-технических экспертиз для ответов на поставленные перед экспертами вопросы применялись в основном математические методы (моделирование, графические и расчетные методы). Специальные методы и методики при производстве экспертиз не применялись.

Во всех заключениях вышеуказанных транспортно-технических судебных экспертиз имела место подмена методики: эксперты указывали, что они пользовались либо нормативными правовыми актами, имеющими отношение к конкретному роду транспортно-технической судебной экспертизы, либо специальной литературой по аналогичному принципу. Например, при проведении водно-технических судебных экспертиз в процессе исследования использовались справочники по теории судовождения, теории и устройству судов, Кодекс внутреннего водного транспорта, Правила плавания судов по внутренним водным путям Российской Федерации, утвержденные приказом Министерства транспорта России от 14 октября 2002 г. № 129. Кроме того, иногда экспертами используются нормативные акты конкретного субъекта Российской Федерации (например, Правила пользования водными объектами Республики Алтай для плавания на маломерных судах).

Таким образом, в настоящее время существует проблема методического обеспечения при проведении транспортно-технических судебных экспертиз (кроме автотехнической экспертизы [4, с. 4–40]), поскольку при отсутствии сведений о применяемых методах или методиках полученные заключения экспертов могут быть признаны судом недопустимыми доказательствами. Для того чтобы избежать этого, необходимо разработать систему методов для рассматриваемого класса судебных экспертиз, включив их в соответствующие методики для проведения конкретного вида транспортно-технической судебной экспертизы.

Обобщив мнения ученых, а также исходя из потребностей экспертной практики, считаем целесообразной классифицировать экспертные методы применительно к системе методов транспортно-технических судебных экспертиз с точки зрения их общности и субординации. В соответствии с предлагаемой классификацией следует выделять:

всеобщий метод материалистической диалектики;

общенаучные методы: логические (индукция, дедукция, традукция, анализ, синтез, аналогия, абстрагирование), чувственно-рациональные (наблюдение, описание, сравнение, эксперимент, моделирование), математические (измерение, вычисление, геометрические построения, графический метод, математическое моделирование), кибернетические, методы информационно-компьютерных технологий, эвристические;

специальные: по установлению технического состояния транспортных средств, по определению траектории и характеристик движения транспортных средств, по установлению состояния транспортных путей сообщения, по установлению причины, механизма и обстоятельств транспортного происшествия, по установлению обстоятельств, предшествовавших транспортному происшествию, а также связанных с оцен-

кой действий работников, ответственных за обслуживание и ремонт транспортного средства, по исследованию транспортных средств в целях определения стоимости восстановительного ремонта и остаточной стоимости.

1. Приговор Суда Ямало-Ненецкого автономного округа № ***** от 4 октября 2010 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://rospravimnxyxlu3.darknet.to/court-sud-yamalo-neneckogo-avtonomnogo-okruga-yamalo-neneckij-avtonomnyj-okrug-s/act-100632345/> (дата обращения: 16.07.2020).

2. Апелляционное постановление Забайкальского краевого суда № 22-2392/2017 от 3 июля 2017 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/Q33TJ67Yc0o8/> (дата обращения: 16.07.2020).

3. Кассационное определение Верховного суда Российской Федерации № 46-О10-47 от 25 мая 2010 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ARB002;n=185140#09923118629970171> (дата обращения: 16.07.2020).

4. Типовые экспертные методики исследования вещественных доказательств: в 2 ч. М., 2010–2012. Ч. 1 / под ред. Ю.М. Дильдина; общ. ред. В.В. Мартынова. М., 2010.

УДК 343.98

А.Ф. Купин, О.А. Барина

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ФОТОГРАММЕТРИЧЕСКИХ ПРОГРАММ В СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В судебно-экспертной деятельности часто возникают ситуации, когда необходимо определить размеры различных объектов или расстояния между ними. Такие ситуации не вызывают больших затруднений, когда измерение производится в криминалистической лаборатории, где есть необходимые условия и специальное оборудование, которое работает как с изображениями, полученными в режиме реального времени, так и с фотоснимками. Рассчитать расстояние от объекта до объекта, а также участка изображенной на фотоснимке местности возможно с помощью специальных формул. Так, для определения расстояния можно воспользоваться формулой расчета тонкой выпуклой линзы. При осмотре мест происшествий произвести такие измерения с большей точностью не всегда возможно. Иногда потребность в информации о расстоянии между объектами, их действительных размерах возникает после проведения осмотра места происшествия, когда первоначальная обстановка уже утрачена либо изменена. В таких ситуациях наряду с достаточно сложными техническими методами и приемами [1] могут быть применены и относительно простые компьютерные программы, позволяющие

определять размеры объектов и расстояние между ними как непосредственно на месте происшествия, так и по полученным фотоснимкам (фотограмметрические программы). Рассмотрим эти программы.

1. Приложение MarkerMeter позволяет произвести точные измерения объекта по фотографии. Принцип измерения в данном случае основан на использовании маркеров (предметов с известными размерами). Благодаря сравнению с ними высчитываются нужные данные, такие как расстояние между объектами, их площадь, размеры, величина углов [2]. Для проведения измерений необходимо:

выбрать маркер, на основании размеров которого на фотографии будут определяться габариты нужных объектов (по умолчанию им является денежная купюра, но можно выбрать и любой другой объект);

получить фотографию или выбрать уже готовое изображение из галереи (важно расположить предметы так, чтобы они все лежали в одной плоскости);

установить границы маркера на фотографии.

2. Приложение «Рулетка» для iPhone позволяет автоматически определять размеры объектов прямоугольной формы. Также с помощью него можно вручную задать начальную и конечную точки для измерения [3]. Для корректного использования данной программы необходимо располагать телефон на расстоянии 0,5–3 м от объекта и медленно перемещать его вдоль объекта.

3. Приложение S-Tools позволяет измерить длину, пропорции, угол предметов и объектов, а также прямые линии, кривые, треугольники, овалы объектов различной формы [4].

4. Приложение GoogleMeasure определяет размеры объектов и расстояния между ними с помощью технологии дополненной реальности ARCore. Данная программа позволяет измерять длину, ширину и высоту объектов, которые находятся на плоской поверхности, например определять размер ковра, ширину дивана или высоту стола [5]. На данный момент приложение продолжает обновляться и в него добавляются новые функции.

5. Приложение SmartMeasurePro является приложением-дальномером, позволяющим рассчитать различные размеры объектов [6]. В частности, с его помощью можно определить размеры объектов, расстояния между ними, разность высот отдельных деталей объекта, толщину, угол между поверхностями, горизонтальный и вертикальный уровни (как с перемещением, так и без него), градиент (как с перемещением, так и без него), высоту и протяженность объекта, рассчитать периметр 2D-рисунка, радиус круга, дуги, размеры 3D-объекта и составить 3D-рисунок. Для этого телефон с включенным приложением перемещается вдоль по-

верхности объекта, и программа автоматически рассчитывает размеры. Для расчета некоторых размеров и параметров объектов, составляющих технически сложные решения, например 3D-изображений, требуется установка платных версий программы.

6. Программа IphotoMeasure позволяет определять размеры объектов по их фотографиям. Для измерения с помощью данной программы необходимо указать размер эталонного объекта, выделив его на фотографии. После того как будет определен эталон длины, программа автоматически рассчитывает размеры всех указанных областей с учетом угла наклона, измеряемой поверхности и угла, под которым производилась съемка объекта.

7. Программа «Квадрат» представляет собой улучшенный вариант программы IphotoMeasure. В качестве мерного объекта она применяет прямоугольник или квадрат. Также в качестве мерного объекта можно использовать маркер Agiso, который программа автоматически распознает [7]. «Квадрат» содержит подробную инструкцию по настройке и калибровке камеры, что позволяет делать расчет фокусного расстояния, положения оптической оси и дисторсии.

8. Программное обеспечение AmpedFive разработано в целях решения задач по восстановлению, уточнению и анализу изображений [8]. С его помощью возможно измерять объект, изображение которого запечатлено на фотоснимке. Для этого необходимо задать несколько прямых линий по границам объекта и длину каждой линии. Это и будет эталонное значение для вычисления.

С целью проверки возможностей указанных фотограмметрических программ и вычисления погрешности в измерении был проведен эксперимент, в ходе которого определялись размеры предмета, известные заранее. В качестве такого предмета было взято МФУ LaserJetProM1132 MFP, с размерами 415×250×265 мм. Измерения производились в плоскости. Полученные данные представлены в таблице.

Фотограмметрические программы и результаты их применения

Программа	Результат измерения	Погрешность, %
Приложение MarkerMeter	41,1×26,2 см	1
Приложение «Рулетка»	41×26 см	1,5
Приложение S-Tools	41×26 см	1,5
Приложение Google Measure	407×260 мм	2
Приложение SmartMeasurePro	41×26,2 см	0,05
Программа IphotoMeasure	415×265 мм	0,1
Программа «Квадрат»	415×265 мм	0,1
Программное обеспечение AmpedFive	415×265 мм	0,1

Исходя из представленных данных, отметим, что точность измерения зависит от корректности проставления контрольных точек, по которым будет производиться измерение. Применяя фотограмметрические программы в судебно-экспертной деятельности при проведении экспертных исследований необходимо брать в расчет, что метрологическое обеспечение согласно Федеральному закону от 26 июня 2008 г. № 102-ФЗ «Об обеспечении единства измерений» построено на комплексе государственных метрологических систем и опирается только на те приборы и оборудование, которые входят в разрешенный список [9].

1. Гольчевский В.Ф., Гольчевская Н.А. Фотосъемка сложных криминалистических объектов // Эксперт-криминалист. 2019. № 4. С. 9–12.

2. MarkerMeter – измерение размеров по фотографии в лучших традициях криминалистики [Электронный ресурс]. URL: <http://4pda.ru/2015/06/04/224700/> (дата обращения: 30.04.2020).

3. Вместо рулетки и сантиметра: смартфон – помощник в оформлении интерьера [Электронный ресурс]. URL: <https://samsung-galaxy.mobi/vmesto-ruletki-i-santimetra-smartfon-kak-pomosnik-v-oformlenii-interera/> (дата обращения: 30.04.2020).

4. S-Tools 1.5. Приложение может измерить объекты с фото [Электронный ресурс]. URL: <https://24gadget.ru/1161058144-s-tools-15-prilozhenie-mozhet-izmerit-obekty-s-foto.html> (дата обращения: 30.04.2020).

5. GoogleMeasure – приложение для измерения предметов через камеру смартфона [Электронный ресурс]. URL: <https://lifehacker.ru/google-measure/> (дата обращения: 30.04.2020).

6. SmartMeasurePro [Electronic resource]. URL: https://www.moasure.com/pages/measuring-modes-with-a-moasuredevice#pipe_run (data of access: 30.04.2020).

7. Программа «Квадрат» [Электронный ресурс]. URL: <http://фотомер.рф/index.php/novosti/iphotomeasure> (дата обращения: 30.04.2020).

8. Криминалистическое улучшение изображения и видео [Электронный ресурс]. URL: <https://ampedsoftware.com/five> (дата обращения: 30.04.2020).

9. Правовое регулирование метрологической деятельности [Электронный ресурс]. URL: <https://metrob.ru/html/zak/regulir.html> (дата обращения: 30.04.2020).

УДК 378.634

И.А. Лапина, К.Д. Тагунова

ОРГАНИЗАЦИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

К судебно-экспертной деятельности, обеспечивающей стороны и суд объективными доказательствами, предъявляются существенные требования. Поэтому недостатки, пробелы в правовой регламентации,

научно-методическом и организационном обеспечении теоретических и практических вопросов судебно-экспертной деятельности вызывают беспокойство. Хотя теория судебной экспертизы в настоящее время динамично развивается, многие ее положения требуют не только подтверждения, но и некоторого переосмысления, а накопленный практический материал еще не нашел должной реализации. Эти процессы обусловлены специфичностью судебно-экспертной деятельности как таковой: она, с одной стороны, является сложившимся и относительно автономным видом социально-полезной деятельности, с другой – невозможна без правоохранительной деятельности, поскольку тесно с нею связана [1, с. 19–20]

История развития судебной экспертизы в Беларуси прошла несколько этапов становления – от издания Статута Великого княжества Литовского 1529 г. до реорганизации системы государственных судебно-экспертных учреждений в целях создания единого централизованного учреждения в сфере судебно-экспертной деятельности [2, с. 6–9]. В результате соответствующих преобразований Указом Президента Республики Беларусь от 22 апреля 2013 г. № 202 «Об образовании Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь» на базе Государственной службы медицинских судебных экспертиз и отдельных экспертных учреждений появилось новое для страны экспертное формирование – Государственный комитет судебных экспертиз Республики Беларусь. Целями создания такой единой экспертной структуры были обеспечение независимости экспертной деятельности и повышение ее эффективности.

Судебно-экспертная деятельность имеет правовую регламентацию в национальном законодательстве: она регулируется недавно разработанным Законом «О судебно-экспертной деятельности» и рядом других законодательных актов. В ст. 2 Закона «О судебно-экспертной деятельности» содержится понятие судебно-экспертной деятельности, которая определяется как деятельность по организации проведения, контролю за проведением, проведению судебных экспертиз и как деятельность по ведению криминалистических учетов и коллекций, осуществляемые судебно-экспертными организациями и судебными экспертами.

В Государственном комитете судебных экспертиз для решения задач повышения качества судебно-экспертной деятельности, ее научно-методического обеспечения при оценке допустимости применения экспертных методик оценивается не только возможность решения непосредственно экспертных задач с помощью этой методики, но и наличие в ней необходимых критериев оценки качества экспертного исследова-

ния, а также требования процессуального законодательства о порядке получения доказательств [3, с. 146–147].

В Российской Федерации законодательное закрепление регулирования судебно-экспертной деятельности содержится в Федеральном законе «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», в котором определены правовые основы, принципы организации, задача и основные направления государственной судебно-экспертной деятельности в гражданском, административном и уголовном судопроизводстве. Данный закон является основным источником правового регулирования всей судебно-экспертной деятельности в России. В соответствии со ст. 1 Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» государственная судебно-экспертная деятельность, осуществляемая в процессе судопроизводства государственными судебно-экспертными учреждениями и государственными судебными экспертами, состоит в организации и производстве судебной экспертизы.

Однако, как отмечает Ф.Г. Аминев, в процессе реализации указанного закона возникает ряд проблем, связанных с тем, что законодательно не регламентирована деятельность негосударственных судебно-экспертных учреждений. Существует необходимость принятия Федерального закона «О судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», регулирующего деятельность как государственных, так и негосударственных экспертных учреждений, в целях выработки единых стандартных требований к компетентности сотрудников государственных и негосударственных судебно-экспертных организаций, к процессу судебно-экспертной деятельности в целом [7, с. 390–392].

Таким образом, можно констатировать, что в целом производство судебной экспертизы в Республике Беларусь и Российской Федерации законодательно урегулировано. В Республике Беларусь судебно-экспертная деятельность регламентируется рядом законов, а в ближайшее время вступит в силу единый нормативный акт, регулирующий производство судебных экспертиз, – Закон «О судебно-экспертной деятельности», который станет основным из них. В то же время в детальной правовой регламентации нуждается научно-методическое обеспечение проведения некоторых экспертных исследований. Централизованная государственная политика в сфере судебно-экспертной деятельности в Республике Беларусь показывает возможности и перспективы перехода судебной экспертизы в качестве институционального образования на качественно иной уровень организации и регламентации конкретных этапов экспертного исследования, гарантирующий результативность, быстроту, точность и научную обоснованность результатов, а значит, эффективность всей правоохранительной деятельности в целом.

1. Смирнова С.А. Судебная экспертиза на рубеже XXI века: состояние, развитие, проблемы. 2-е изд., доп. и перераб. СПб., 2004.
2. Орехова Е.П. Судебная экспертиза : практикум. Минск, 2020.
3. Швед А.И. Централизованная государственная политика Республики Беларусь в сфере судебно-экспертной деятельности: предпосылки формирования и перспективы развития. Минск, 2020.
4. Аминев Ф.Г. О проблемах судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации и путях их решения // Пробелы в рос. законодательстве. 2017. № 3. С. 390–393.

УДК 343.982.342

А.Г. Литовский, С.Н. Шевченко

ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СРЕДСТВ, ПРИЕМОМ, МЕТОДОВ РАБОТЫ С ДАКТИЛОСКОПИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИЕЙ

В процессе раскрытия и расследования преступлений широко используются положения дактилоскопии, которая как отрасль криминалистики находит применение в экспертной, оперативно-розыскной, судебной, прокурорской, адвокатской деятельности и т. п.

Одной из важных задач криминалистики является внедрение инноваций и разработка новейших технологий и криминалистических средств, их адаптация к практике применения, а также внедрение современных методик выявления и исследования следов рук для эффективного раскрытия и расследования преступлений.

Оперативной проверке следов рук по дактилоскопическому учету в Украине способствует автоматическая идентификационная дактилоскопическая система (АДИС), которая анализирует признаки в закодированных следах, сравнивает их с сотнями тысяч отпечатков, внесенных в массив, и выдает список наиболее похожих отпечатков, которые затем изучаются экспертом самостоятельно.

Особое внимание в досудебном расследовании следует уделять качеству сбора и обработки дактилоскопической информации лиц, причастных к совершению преступления, при осмотре места происшествия и в лабораторных условиях.

Важность общего дактилоскопирования и применения дактилоскопических учетов в Украине определяется многими факторами. Одним из них является потребность в дактилоскопической информации для активизации международного сотрудничества в целях противодействия

терроризму, организованной транснациональной преступности, нелегальной миграции, торговле людьми, отмыванию средств, полученных преступным путем, а также в целях предотвращения пересечения государственной границы иностранцами, которые пытаются дестабилизировать обстановку на территории страны.

Кроме того, дактилоскопирование необходимо для опознания погибших в результате природных и техногенных катастроф, внезапно умерших, эффективного розыска без вести пропавших, особенно несовершеннолетних, установления личности внезапно заболевших (например, амнезией) и т. д.

В Украине сегодня используют средства компьютерной обработки дактилоскопических данных во время розыска без вести пропавших, установления личности неопознанных трупов, идентификации лиц по следам, изъятым при осмотре места происшествия, и установления личных данных лиц, дактилоскопированных в подразделениях правоохранительных органов.

Сложность и многоаспектность проблемы собирания, исследования и использования дактилоскопической информации в процессе раскрытия и расследования преступлений обуславливают необходимость дальнейшей разработки правовых основ деятельности органов следствия и прокуратуры, экспертов, потребность в совершенствовании средств, приемов, методов работы с дактилоскопической информацией.

Существует значительное количество различных средств, приемов и методов выявления латентных (невидимых) следов рук. Например, дактилоскопических порошков насчитывается более сотни, их правильное использование в каждом конкретном случае при обнаружении следов зависит от поверхности, на которой оставлены следы рук, и условий слеодообразования [1].

Сотрудники правоохранительных органов, служб безопасности и других ведомств ежедневно испытывают потребность в том, чтобы проводить дактилоскопическую регистрацию, идентификацию и верификацию личности в любых условиях и иметь постоянный, оперативный доступ к базам данных АДИС для передачи дактилоскопической информации и проведения всех видов дактилоскопических проверок, в том числе в режиме реального времени.

В сложившейся ситуации органы внутренних дел не могут обойтись без развитой информационной базы, с помощью которой можно оперативно бороться с преступностью. Требуются дальнейшее развитие научных знаний и разработка эффективных методов борьбы с преступностью. Это обуславливает необходимость дальнейшего развития АДИС.

Автоматизация процесса идентификации следов пальцев рук, ведения криминалистических учетов и, соответственно, внедрение новейших АДИС в подразделения органов внутренних дел будут способствовать повышению эффективности раскрытия и расследования преступлений, что имеет важное значение для правоохранительной деятельности и осуществления правосудия [2].

1. Рогатюк И.В. Направления совершенствования использования дактилоскопической информации в деятельности органов предварительного расследования и прокуратуры [Электронный ресурс] // Журн. Киев. ун-та права. 2014. № 1. URL: http://nbuv.gov.ua/UJRN/Chkup_2014_1_69 (дата обращения: 18.10.2020).

2. Литовський О.Г., Шевченко С.М. Розвиток дактилоскопічних систем // Молодий вчен. 2019. № 9. С. 419–422.

УДК 343.98

В.Г. Лосева

СОВРЕМЕННЫЕ СПОСОБЫ ПЕРСОНАЛИЗАЦИИ ДОКУМЕНТОВ

Одной из основных задач подразделений пограничного контроля органов пограничной службы Республики Беларусь является установление действительности документов, дающих право пересечения государственной границы, у лиц, ее пересекающих, которое предполагает обязательную проверку соответствия составных частей и реквизитов документов установленному образцу. В большинстве выявляемых подделок заменяются именно установочные данные владельца документа, поэтому знание способов их персонализации необходимо для установления подлинности всего документа.

В имеющейся учебной литературе по технической экспертизе документов недостаточно раскрыты способы персонализации тех современных паспортов, в которых страница с установочными данными изготовлена из поликарбоната. В настоящее время данные документы в основном персонализируются следующими способами:

1. Лазерное гравирование (интегрирование, заполнение при помощи лазерного луча). В данном случае персональная информация, в том числе фотоизображение владельца, не печатается на поверхности поликарбоната, а внедряется внутрь материала под воздействием лазерного луча на его слои [1, с. 44]. В результате локального нагрева поверхности поликарбоната в одном из его прозрачных слоев, который содержит мелкодисперсную сажу, происходит выделение углерода, который

визуально проявляется в виде точек разной тональности (от светло- до темно-серого), формируя полутоновое изображение.

В зависимости от используемых настроек лазерного оборудования различают следующие виды лазерного гравирования:

внутреннее, которое осуществляется без воздействия на поверхность поликарбоната;

тактильное, при котором воздействие на поверхность поликарбоната осуществляется с увеличением объема и поднятием верхних слоев пластика;

глубокое, при котором воздействие на поверхность поликарбоната осуществляется с уменьшением объема и углублением верхних слоев пластика.

Важным признаком применения данного способа персонализации является серый тон получаемых изображений и, соответственно, отсутствие в них цветных точек (рис. 1).

Рис. 1. Страница с установочными данными паспорта Туркменистана с фрагментом увеличенного фотоизображения, персонализированного при помощи лазерного гравирования

2. Технология Lasink, при помощи которой фотоизображение лица выгравировывается лазерным лучом в предварительно напечатанную матрицу (СМУ). Данная технология применяется только для нанесения фотоизображения владельца документа, которое визуальное воспринимается как цветное. Тем не менее само по себе оно цветным не является, а визуальный эффект цвета достигается за счет того, что персонализация лазерным гравированием осуществляется в той области поликарбонатного листа, в которой предварительно имеются нанесенные полиграфическим способом параллельные линии желтого, пурпурного и голубого цветов поочередно (при этом формирование фотоизображения происходит разнотолщинными линиями) (рис. 2).

Рис. 2. ID-карта Эстонии с фрагментом увеличенного фотоизображения, персонализированная при помощи технологии Lasink

3. Технология Innosec Fusion, впервые примененная в 2009 г. полиграфической фабрикой Bundesdruckerei (Федеративная Республика Германия), представляет собой принципиально новый подход к персонализации документов, выполненных из поликарбоната, поскольку позволяет вводить цветные изображения в слои поликарбонатных листов. Технология основана на использовании специальных чернил, внедряемых в слои поликарбоната. При этом нанесение чернил осуществляется таким образом, что красители С (голубой), М (пурпурный), Y (желтый) и В (черный) располагаются на двух разных уровнях (слоях) – первые три на одном слое, а последний – на другом (рис. 3) [2, с. 53].

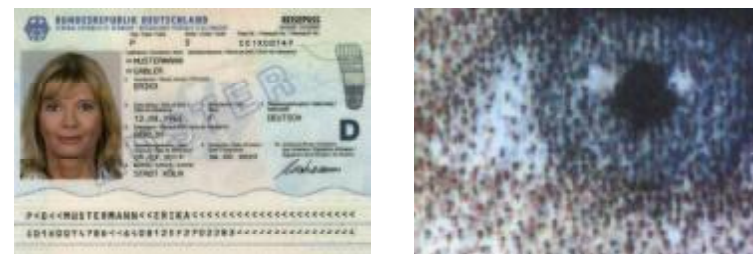

Рис. 3. Страница с установочными данными паспорта Федеративной Республики Германия с фрагментом увеличенного фотоизображения, персонализированная при помощи технологии Innosec Fusion

3. Технология PCP (Polycarbonate Colour Personalization), предложенная польской фабрикой по производству ценных бумаг PWPW, также основана на использовании специальных чернил, внедряемых в слои поликарбоната. От технологии Innosec Fusion она отличается только расположением красящего пигмента в слоях поликарбонатной карты – красители С (голубой), М (пурпурный), Y (желтый) и В (черный) располагаются на одном уровне (рис. 4).

Рис. 4. Водительское удостоверение Республики Польша с фрагментом увеличенного фотоизображения, персонализированное при помощи технологии РСР

Знание указанных способов персонализации документов в связи с всеместным их использованием в современных паспортах и ID-картах необходимо не только для успешной проверки документов у лиц, пересекающих Государственную границу Республики Беларусь, но и для выполнения технических экспертиз документов с целью выявления их подделки.

1. Пограничный контроль : учебник : в 3 ч. / В.П. Ананич [и др.]. Минск, 2016. Ч. 3.
2. Современные методы защиты документов, способы и методики выявления подделок : пособие : в 2 ч. / сост. В.Г. Лосева. Минск, 2019. Ч. 1.

УДК 340.66

Г.В. Мережко

СУДЕБНАЯ МЕДИЦИНА В ПРАКТИКЕ СЛЕДОВАТЕЛЕЙ

Как судебно-медицинский эксперт должен обладать определенной суммой знаний в области права, так и сотрудник правоохранительных органов обязан иметь познания в судебной медицине и судебной психиатрии в объеме, достаточном для надлежащего исполнения своих служебных обязанностей.

В Уголовно-процессуальном кодексе Республики Беларусь декларируется состязательность сторон в качестве одного из основополагающих принципов уголовного судопроизводства (ст. 24). В соответствии с этим положением УПК впервые стало возможным критическое восприятие заключения эксперта в суде, имеющего порой ключевое значение в системе доказательств стороны обвинения, которое подразумевает его всесторонний анализ стороной защиты с привлечением квалифицированных спе-

циалистов. В ходе такого анализа должны рассматриваться: методическая правильность и полнота проведенных исследований; соответствие формулировок выводов результатам проведенных исследований.

Однако независимые структуры, т. е. не входящие в состав Государственного комитета судебных экспертиз, задачей которых является профессиональный анализ заключений экспертов, на сегодняшний день отсутствуют. Количество государственных судебно-медицинских экспертов относительно невелико, и все они входят в единую структуру с центральным подчинением. Поэтому говорить об альтернативности мнений возможно лишь через призму повторных экспертиз. Объективность причин назначения таких экспертиз определяется результатом анализа первичной экспертизы, т. е. пока всецело зависит от лица, ведущего следствие.

Основная масса выпускников Академии МВД Республики Беларусь становятся оперативными работниками и следователями. Хочу подчеркнуть что на практике постановления на первичные судебно-медицинские экспертизы живых лиц, кроме следователей, выносят оперативные работники (более 50 % постановлений). Следовательно, с первых дней своей практической работы большинство наших выпускников сталкиваются с судебно-медицинской экспертизой. И насколько они сведущи в вопросах судебной медицины, настолько эффективны их первичные следственные действия при раскрытии самых тяжких преступлений, а именно преступлений против жизни и здоровья граждан.

Задачи и принципы уголовного процесса, раскрываемые в соответствующих статьях УПК, претерпели значительные изменения, которые, соответственно, отразились и на действии государственных органов и других участников уголовного процесса, предоставляя больше прав и свобод для стороны защиты. Все это предъявляет к процессу доказывания вины подозреваемых лиц более жесткие требования, особенно к наполнению доказательной базы. Показания потерпевших, подозреваемых, свидетелей и других участников уголовного процесса могут дополняться, уточняться либо в корне меняться, так как являются чисто субъективными по своей сути. А заключение эксперта есть фиксация и выявление с помощью научно обоснованных и апробированных методов исследования следов действий, приведших к конкретным изменениям на объектах, предоставляемых для исследования.

Согласно ч. 2 ст. 95 УПК заключение эксперта не является обязательным для органов уголовного преследования и суда, однако несогласие их с заключением должно быть ими мотивировано. Но, чтобы мотивировать несогласие, необходимо либо привлечь в качестве консультанта иного эксперта или специалиста в области судебной медицины, что при суще-

ствующей организации судебно-медицинской экспертизы в принципе невозможно, либо самому иметь достаточные представления о методике производства экспертизы и методах, применяемых при этом. Получить такие представления путем чтения специальной судебно-медицинской литературы, пестрящей медицинскими терминами, насыщенной данными о биологических, биохимических, химических, физических и других факторах воздействия на организм, практически невозможно.

В судебно-медицинской литературе утверждается, что при отсутствии сложности в оценке относимости и допустимости экспертного заключения оценка его достоверности затрудняется вследствие того, что субъект, назначивший экспертизу, как правило, некомпетентен в соответствующей научной области и может оценить лишь логическую обоснованность, непротиворечивость экспертизы, соответствие выводов эксперта поставленным вопросам и их определенность. В результате экспертное заключение становится неким абсолютизированным доказательством, принципиально не проверяемым и имеющим, вопреки ч. 2 ст. 95 УПК, заранее установленную силу. Еще более эта проблема обостряется при производстве экспертиз по делам, по которым назначение экспертизы обязательно, т. е. по делам об убийствах, по которым непосредственная причина смерти потерпевшего устанавливается только экспертным путем, по делам о применении мер медицинского принудительного характера, по большинству дел, в которых без определения степени тяжести телесных повреждений правовая оценка деяния вообще невозможна, и по многим другим.

В своей книге «Искусство речи на суде», впервые изданной в 1910 г., известный российский юрист начала XX в. П.С. Пороховщиков так характеризовал экспертов: «Эксперты бывают: а) сведущие и добросовестные; б) добросовестные и несведущие; в) сведущие и недобросовестные; г) недобросовестные и несведущие. К недобросовестным экспертам я отношу не только бесчестных, которых почти не видал в суде, но бескорыстно пристрастных, а также легкомысленных, которых видал множество, к несведущим – не только невежд, но и людей умеренных познаний, которых также встречаю на каждом шагу». Далее в своей работе он сформулировал первое и главное правило работы юриста с экспертным заключением в условиях состязательного уголовного судопроизводства: «Если в процессе есть эксперт со стороны противника и экспертиза имеет значение, оратор должен выставить эксперта не менее сведущего и решительного со своей стороны. Не сделать этого – легкомыслие непростительное. Пока эксперт один, он неуязвим, хотя бы говорил вздор. Дайте ему противника – речи оракула превращаются в самолюбивый спор».

К сожалению, характеристики судебных экспертов, данные П.С. Пороховщиковым более ста лет тому назад, не выглядят неуместными и в наши дни. К счастью для современных судебных экспертов, многие юристы забыли эти характеристики.

В Российской Федерации вопросы принципа состязательности все чаще поднимаются как юристами, так и самими судебно-медицинскими экспертами, о чем свидетельствуют множественные публикации (В.В. Альшевский (2004); М.Ш. Ишмуратов, П.В. Пинчук (2005); Ю.А. Карнаевич (2005) и др.). Предложения по решению этого вопроса сводятся в основном к созданию альтернативной экспертной системы в виде предоставления платных консультаций, организации платных негосударственных экспертных учреждений и др.

Однако, на наш взгляд, есть иной путь – более полное использование процессуальных резервов для оптимизации судебно-медицинских экспертиз. И одним из главных критериев такой оптимизации является достаточный объем исходной информации для решения поставленных перед экспертом задач, предоставляемой лицом, выносящим постановление на производство экспертизы. И чем большими познаниями в области судебной медицины и судебно-медицинской экспертной деятельности обладает это лицо, тем продуктивнее и эффективнее будут плоды работы следователя и эксперта.

Таким образом, сотрудники правоохранительных органов, а именно те, которые являются участниками уголовного процесса, обязаны обладать этими познаниями в такой степени, чтобы быть активными участниками экспертно-следственных действий, направленных прежде всего на скорейшее раскрытие преступлений против здоровья и жизни граждан.

УДК 343.98

В.Д. Никишин

СУДЕБНАЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА РЕЧЕВЫХ СЛЕДОВ КРИМИНОГЕННОЙ ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ¹

Для обозначения криминогенных речевых действий, которые образуют объективную сторону правонарушений (преступлений), в литературе используется термин «речевое правонарушение» – юридический

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00190 «Концептуализация противодействия информационным угрозам в интернет-среде с использованием специальных лингвистических знаний».

факт, виновное противоправное речевое деяние (действие или бездействие) людей, достигших установленного законом возраста и обладающих относительной свободой воли (т. е. действие, возникшее в результате целенаправленной речемыслеительной деятельности и выраженное вовне), причинившее вред другим субъектам права [1, с. 197].

Правовая квалификация речевых действий, совершенных в сети Интернет, требует привлечения комплекса специальных юридико-лингвистических знаний для исследования речевых следов криминальной интернет-коммуникации в трех аспектах:

с точки зрения правовых категорий, в которые они вовлечены как *corpus delicti* (состав преступления);

с точки зрения знаковой природы (как результат языковой и коммуникативной деятельности);

как источник криминалистически значимой информации (обладающей диагностическими или идентификационно значимыми свойствами, сопряженными с противоправным деянием) [2, с. 134].

Третий аспект, предполагающий установление лингвистических фактов, имеющих юридическое значение, в рамках судебного экспертного исследования, обуславливает возникновение специфических задач, которые решаются путем комплексирования специальных межотраслевых правовых знаний со специальными лингвистическими в рамках формирования речеведческих компетенций.

Стоит отметить, что в современном судебном речеведении теория конфликтогенных и криминальных речевых действий (актов) наиболее глубоко разработана именно применительно к диффамационным и экстремистским речевым действиям [1; 3, с. 99–123; 4–6].

Под диффамационными речевыми действиями в судебном речеведении понимаются не только речевые действия, образующие объективную сторону гражданско-правового деликта, предусмотренного ст. 152 ГК РФ (распространение не соответствующих действительности сведений, порочащих честь, достоинство, деловую репутацию граждан и деловую репутацию юридических лиц), но и речевые действия, составляющие объективную сторону оскорбления как административного правонарушения (ст. 5.61 КоАП РФ), а также объективную сторону ряда преступлений: клевета (ст. 128.1 УК РФ); клевета в отношении судьи, присяжного заседателя, прокурора, следователя, лица, производящего дознание, сотрудника органов принудительного исполнения РФ (ст. 298.1 УК РФ); неуважение к суду (ст. 297 УК РФ); распространение выражающих явное неуважение к обществу сведений о днях воинской славы и памятных датах РФ, связанных с защитой Отечества, а равно оскорбление

символов воинской славы РФ, совершенные публично (ч. 3 ст. 354.1 УК РФ); оскорбление представителя власти (ст. 319 УК РФ); оскорбление военнослужащего (ст. 336 УК РФ).

Экстремистские речевые действия, совершаемые в цифровой среде, могут образовывать составы как административных правонарушений, так и преступлений: публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма (ст. 205.2 УК РФ); публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ); публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности РФ (ст. 280.1 УК РФ); публичные действия, выражающие явное неуважение к обществу и совершенные в целях оскорбления религиозных чувств верующих (ч. 1 ст. 148 УК РФ); возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства (ст. 20.3.1 КоАП РФ, ст. 282 УК РФ); содействие террористической деятельности (ст. 205.1 УК РФ); организация экстремистского сообщества и его деятельности (ст. 282.1, 282.2 УК РФ) и др.

Классификация речевых действий в рамках судебного речеведения необходима для разработки методического обеспечения конкретных видов судебной лингвистической экспертизы (экспертизы экстремистско-террористического, диффамационного, порнографического, рекламного, наркотического дискурса и пр.). Подчеркнем, что данная классификация основывается на криминалистической сущности соответствующих речевых действий, зависящей от их коммуникативной природы, в связи с чем возможны различные юридико-лингвистические подходы к трактовке правонарушений, совершаемых посредством речевых актов.

Например, оскорбление чувств верующих, т. е. публичные действия, выражающие явное неуважение к обществу и совершенные в целях оскорбления религиозных чувств верующих (ст. 148 УК РФ), напротив, в судебном речеведении рассматриваются не как частный случай оскорбления в качестве акта диффамации, а как экстремистское речевое действие.

Привлечение специальных лингвистических знаний часто требуется также при расследовании дел, связанных с реализацией речевого акта угрозы: угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью (ст. 119 УК РФ), угроза или насильственные действия в связи с осуществлением правосудия или производством предварительного расследования (ст. 296 УК РФ).

Сохраняется востребованность судебной лингвистической экспертизы в обеспечении противодействия популяризации суицидального

поведения (в том числе деятельности так называемых групп смерти) (склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства (ст. 110.1 УК РФ)), организация деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства (ст. 110.2 УК РФ); а также противодействия пропаганде наркотических, психотропных веществ или их прекурсоров (ст. 6.13 КоАП РФ).

1. Макашова В.В. Речевое действие как правонарушение. М., 2014.
2. Галяшина Е.И., Никишин В.Д. Судебная лингвистическая экспертиза материалов экстремистско-террористической направленности: квалификация и компетенции судебного эксперта-речевода // Актуал. проблемы рос. права. 2018. № 4. С. 134.
3. Галяшина Е.И. Судебное речеведение : учебник. М., 2020.
4. Кукушкина О.В., Сафонова Ю.А., Секераж Т.Н. Теоретические и методические основы судебной психолого-лингвистической экспертизы текстов по делам, связанным с противодействием экстремизму. М., 2011.
5. Изотова Т.М., Кузнецов В.О., Плотникова А.М. Методика проведения судебной лингвистической экспертизы по делам об оскорблении // Теория и практика судеб. экспертизы. 2016. № 1. С. 92–98.
6. Никишин В.Д. Словесный религиозный экстремизм. Правовая квалификация. Экспертиза. Судебная практика / под ред. Е.И. Галяшиной. М., 2019.

УДК 343.98

Г.А. Павловец, Е.Л. Лужинская

ОШИБКИ ПРИ НАЗНАЧЕНИИ ПОРТРЕТНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ КАК ФАКТОР, СНИЖАЮЩИЙ ЭФФЕКТИВНОСТЬ ДОКАЗЫВАНИЯ

Анализ практики назначения экспертиз за период с 2013 по 2020 г. свидетельствует о том, что следователи, лица, производящие дознание, и судьи часто испытывают трудности в формулировании подлежащих разрешению вопросов при назначении экспертного исследования того или иного вида, в частности при назначении портретной экспертизы, тогда как эффективность, успешность и оперативность проведения экспертиз напрямую зависят от качества предоставляемых эксперту материалов, в том числе от правильного формулирования вопросов, поставленных на разрешение. Именно ошибки, допускаемые органом, ведущим уголовный процесс, на этапе назначения экспертизы влекут невозможность формулирования выводов в категорической форме, приводят к заявлению экспертами ходатайств, являются причиной увеличения сроков проведения экспертиз и не позволяют реализовать все возмож-

ности экспертных исследований. Это усложняет процесс доказывания при расследовании преступлений, качество которого во многом зависит от качества проводимых следственных действий, в данном случае осуществляемых при назначении экспертизы.

В связи с этим считаем целесообразным назвать основные вопросы, решаемые при проведении портретной экспертизы, а также обратить внимание на ошибки, допускаемые инициаторами при ее назначении.

Так, основными вопросами, решаемыми при проведении портретной экспертизы, являются следующие:

«Пригодно ли для идентификации личности изображение человека, зафиксированного на фотоснимке (видеозаписи)?»;

«Одно или разные лица запечатлены на предоставленных изображениях (видеозаписях, видеозаписи и фотоснимке)?».

Данные вопросы имеют множество вариаций, таких как:

«Не изображено ли на предоставленных изображениях (указываются индивидуализирующие признаки изображений) одно и то же лицо?» либо, как альтернатива, «Одно или разные лица запечатлены на предоставленных изображениях?»;

«Нет ли среди лиц, изображенных на групповом фотоснимке, лица, изображение которого предоставлено?»;

«Не изображено ли на видеозаписи лицо, изображение которого предоставляется для сравнения?»;

«Не запечатлено ли на изображении неопознанного трупа то же самое лицо, что и на изображении, предоставленном для сравнения?».

К дополнительным диагностическим вопросам, решаемым при проведении портретной экспертизы (ставятся для выяснения каких-либо дополнительных обстоятельств), относятся следующие:

«Каковы пол, антропологический тип, примерный возраст человека на предоставленном изображении?»;

«В одном или разных возрастах зафиксирован человек на предоставленных изображениях, и если в разных, то на каком изображении запечатлен человек в более раннем возрасте, какова возрастная группа запечатленного на изображении лица?»;

«Имеются ли какие-либо особенности функциональных признаков человека, запечатленного на видеозаписи?».

Типичной ошибкой при назначении портретной экспертизы является постановка вопросов правового, юридического характера, решение которых не входит в компетенцию эксперта и решать которые должен инициатор назначения экспертизы. Например, перед экспертом нередко ставится вопрос: «Не изображен ли на фотоснимке Сергеев А.А.?», или

«Принадлежит ли удостоверение серии САА № 21546 Сергееву А.А.?», или «Не является ли Сергеев А.А. Петровым П.С.?». По существу ставится вопрос о наличии или отсутствии тождества изображенных лиц по их признакам внешности. Вопрос же о паспортных данных и других установочных сведениях должен решаться в ходе предварительного следствия на основании имеющихся в материалах дела фактических данных. Вопрос об установлении тождества самих изображений (фотоснимков, кадров видеозаписей), на одних из которых запечатлен Сергеев А.А., а на других Петров П.С., также не относится к компетенции эксперта в области портретной экспертизы. Портретной экспертизой решается вопрос о тождестве изображенных лиц, а не объектов, на которых отображены признаки их внешности. Вопросы такого типа решаются в рамках проведения фототехнической экспертизы, исследующей собственно фотоснимки, кадры видеозаписи, и могут формулироваться следующим образом: «Идентичны ли кадр видеозаписи, на котором запечатлен Сергеев А.А., и изображение 1.jpg, на котором запечатлен Петров П.С.?» [1, с. 111–115].

Кроме того, возникают сложности при определении вида экспертизы в случае, если на фотоснимках (видеозаписях) запечатлены отдельные анатомические элементы внешности (руки, ноги, туловище и др.). Так, в частности, при предоставлении в качестве объектов исследования фотоснимков кистей рук человека в одно из экспертных подразделений Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь следователем неверно был определен вид экспертизы и вынесено постановление о назначении фототехнической экспертизы, хотя изображение внешнего облика человека, в том числе анатомических элементов, является объектом портретной экспертизы. К анатомическим элементам внешнего облика человека относятся выделяемые при его наблюдении части лица и тела: фигуры в целом и отдельных элементов – головы (волосяного покрова, теменной и затылочной части), шеи, плеч, рук (в том числе кистей, пальцев, ногтей), ног (стоп) и др. [2, с. 50]. Объектами же фототехнических экспертиз являются изображения предметов, не относящиеся к другим видам исследований, поэтому в данном примере имеет место неосведомленность следователя о научных основах экспертно-отождествления человека по признакам внешности.

Также следует заострить внимание на разграничении объектов дактилоскопической и портретной экспертизы. В случае если в качестве объектов исследования предоставляются папиллярные узоры ладонных поверхностей рук, изображения которых содержатся в графических файлах (на кадрах видеозаписей), то такие объекты должны исследо-

ваться в рамках дактилоскопической экспертизы. Если же папиллярные узоры на изображениях ладонных поверхностей не просматриваются, такие объекты должны исследоваться в рамках портретной экспертизы, так как являются анатомическими элементами внешности человека.

В некоторых случаях при формулировании вопросов не учитываются возможности портретной экспертизы. Так, нельзя ставить вопрос перед экспертом об идентификации лиц, изображенных на субъективных портретах.

Часто инициаторы назначения экспертизы требуют улучшить качество представленных на исследование изображений, увеличить их размер. Операции по улучшению качества и увеличению изображений являются обязательными на стадии отдельного исследования методики проведения портретных экспертиз. Увеличение размеров фотоснимков (стоп-кадров видеозаписей) проводится при помощи программного обеспечения, например графического редактора Adobe Photoshop. Фраза «улучшение качества» является некорректной, вместо нее предлагается употреблять фразу «увеличение степени детализации». Увеличение степени детализации производится путем изменения параметров яркости и контрастности, устранения чересстрочной развертки, фильтрации шумов, а также путем применения алгоритмов цветового деления, что способствует проведению дальнейших исследований.

Также инициаторы назначения экспертизы нередко ставят вопросы о том, сколько человек находилось в машине, какие действия совершали те или иные лица, зафиксированные на видеозаписи. Решение указанных вопросов не требует специальных познаний в области портретной экспертизы. Они могут быть рассмотрены в рамках следственного действия (осмотр видеозаписей) с участием специалиста, а также при проведении так называемой ситуационной экспертизы (экспертизы фото- и видеоматериалов), которая проводится экспертами Комитета государственной безопасности Республики Беларусь.

В качестве рекомендации также хочется отметить, что при предоставлении на исследование видеозаписи необходимо указывать, в каком конкретном промежутке времени запечатлен человек, внешность которого подлежит исследованию, либо видны предметы одежды, позволяющие конкретизировать объект исследования. Например, формулировки вопросов могут выглядеть следующим образом: «Одно или разные лица изображены на видеозаписи, изъятой в ходе осмотра места происшествия по адресу: г. Минск, ул. Кнорина, 5, в промежутке времени с 19:19:43 до 19:22:10, и на изображениях, содержащихся на оптическом диске?».

Подводя итог сказанному, необходимо отметить, что в случае если вопросы, содержащиеся в постановлении, не относятся к компетенции эксперта в области портретной экспертизы, данное постановление будет оставлено без исполнения. В свою очередь, соблюдение инициаторами назначения судебной портретной экспертизы вышеописанных рекомендаций по порядку назначения экспертизы и подготовке материалов исследования позволит максимально оптимизировать работу экспертов Государственного комитета судебных экспертиз, в частности сократить сроки проведения экспертиз, снизить процент заявляемых экспертами ходатайств, в полной мере ответить на поставленные перед экспертом вопросы при помощи специализированных методов исследования, что, безусловно, влияет на качество и эффективность процесса доказывания по уголовному делу.

1. Бочарова О.С., Лужинская Е.Л. О подготовке материалов и оформлении постановления (определения) о назначении экспертизы портретной идентификации личности. Особенности объектов исследования и постановки вопросов на экспертизу // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы : сб. науч. тр. / Науч.-практ. центр Гос. ком. судеб. экспертиз Респ. Беларусь. Минск, 2015. Вып. 2/38. С. 111–115.

2. Зинин А.М., Подволоцкий И.Н. Габитоскопия и портретная экспертиза : учебник / под ред. Е.Р. Россинской. М., 2018.

УДК 343.148

К.М. Парфенюк

**ВЕСКИЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА В СУДЕ
ПРИ НАРУШЕНИИ ТРЕБОВАНИЙ
ЗЕМЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ПРИ ОТВОДЕ (ПЕРЕДАЧЕ)
ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ
В ПРЕДЕЛАХ ПРИБРЕЖНЫХ ЗАЩИТНЫХ ПОЛОС**

В Украине наиболее привлекательными для ведения бизнеса в сфере туризма, для строительства элитного жилья являются земельные участки, расположенные недалеко от водных объектов. Однако такой территориальный ресурс ограничен, хотя существует спрос на него. Поэтому растут случаи нарушения требований земельного законодательства при отводе земельных участков в собственность или при предоставлении их в пользование, поскольку большая часть этих земель находится в пределах охранной зоны – прибрежной защитной полосы.

Согласно ст. 58 Земельного кодекса прибрежные защитные полосы относятся к землям водного фонда и устанавливаются вдоль рек, морей, вокруг водоемов в соответствии с разработанной документацией – проектом землеустройства, состав которого определяется ст. 47 Закона «О землеустройстве». Прибрежная защитная полоса водных объектов является барьером для вредного воздействия антропогенного характера. Согласно ст. 88 Водного кодекса и ст. 60 Земельного кодекса ширина установленной прибрежной защитной полосы зависит от величины самого водного объекта и крутизны склона берегов.

В случае расположения водного объекта в пределах населенного пункта при установлении прибрежной защитной полосы обязательно учитывается градостроительная документация. В соответствии с требованиями ст. 59 Земельного кодекса указывается кому, на каких условиях может быть отведен земельный участок в пределах прибрежной защитной зоны и существует четкий перечень возможных вариантов его использования.

Условные границы прибрежной защитной полосы водных объектов на территории Украины указаны на официальном сайте «Публичная кадастровая карта» [1], на котором обнародованы сведения Государственного земельного кадастра о зарегистрированных земельных участках. Раздел «Слой» кадастровой карты содержит дополнительные информационные слои, которые можно накладывать на выбранную картографическую основу (базовый слой) и комбинировать между собой. С октября 2019 г. стал доступен новый информационный слой – «Условная прибрежная защитная полоса». Он в автоматическом режиме показывает условную ширину прибрежной защитной полосы водного объекта с учетом норм ст. 60 Земельного кодекса (без учета крутизны склонов).

Одним из способов выявления нарушений земельного законодательства по размещению земельных участков в пределах прибрежной защитной полосы, которые применяются правоохранительными органами, является использование «Публичной кадастровой карты». При выявлении фактов нарушений законодательства на каком-либо этапе процедуры отвода земельного участка водного фонда в судебном порядке выдвигаются требования о признании недействительными документов на этот участок, о возвращении его к землям государственной или коммунальной собственности.

Правоохранительные органы для получения доказательств в рамках уголовного производства обращаются за помощью к экспертам, назначая земельно-техническую экспертизу и экспертизу по вопросам землеустройства. Так, в 2019 г. судами Украины было вынесено 33 постановле-

ния о назначении этих экспертиз (данные получены в результате анализа постановлений, вынесенных судами Украины в уголовных производствах, касающихся нарушений требований земельного законодательства при отводе земельных участков в пределах прибрежных защитных полос, из Единого реестра судебных решений [2]). При этом в 60 % случаев экспертизы назначены комплексно. Постановления судов о назначении вышеупомянутых экспертиз за 2019 г. в 50 % случаев касаются уголовных производств, внесенных в Единый реестр досудебных расследований по признакам совершения преступлений, предусмотренных ст. 364 Уголовного кодекса и в 30 % случаев – ст. 366 Уголовного кодекса.

Заключение эксперта по результатам проведенной земельно-технической экспертизы дает возможность участникам судебного процесса аргументированно подтверждать или опровергать размещение земельного участка в пределах прибрежной защитной полосы согласно разработанному проекту землеустройства по установлению прибрежной защитной полосы. Кроме того, определяется площадь земельного участка, входящая в прибрежную защитную полосу. Если проект землеустройства по установлению прибрежной защитной полосы не разрабатывался, нормативные ее размеры должны быть учтены при принятии решений по отводу земельных участков, поскольку они установлены законом. (Такая правовая позиция отслеживается в постановлениях Верховного суда Украины [3–5].) В этом случае судебным экспертом проводится исследование для предоставления ответа на вопрос, размещен ли земельный участок в пределах полосы, ширина которой соответствует размерам прибрежной защитной полосы.

Заключение эксперта по результатам проведенной экспертизы по вопросам землеустройства в уголовных производствах обеспечивает определение соответствия требованиям земельного законодательства и других нормативных документов по вопросам землеустройства и землепользования разработанной документации по землеустройству и ее утверждения на те земельные участки, которые оказались в пределах прибрежной защитной полосы (при необходимости определение соответствия изменения целевого назначения этих земельных участков и утверждения такой документации).

Выводы эксперта по результатам проведенных вышеуказанных исследований являются надежным и веским источником доказательств для правоохранительных органов, чтобы отстаивать права и интересы государства в суде в уголовных производствах по преступлениям, совершенным в результате нарушений земельного законодательства при отводе (передаче) земельных участков в пределах прибрежной защитной полосы.

1. Публичная кадастровая карта. URL: http://wikimap.dzk.gov.ua/wiki/Головна_сторінка (дата обращения: 27.10.2020).

2. Единый государственный реестр судебных решений. URL: <http://www.reyestr.court.gov.ua> (дата обращения: 27.10.2020).

3. Дело № 904/5974/16 : постановление Верхов. суда Украины, 25 апр. 2018 г. URL: <http://reyestr.court.gov.ua/Review/73700024> (дата обращения: 27.10.2020).

4. Дело № 469/580/16-ц : постановление Верхов. суда Украины, 25 марта 2019 г. URL: <http://www.reyestr.court.gov.ua/Review/80716101> (дата обращения: 27.10.2020).

5. Дело № 469/1393/16-ц : постановление Верхов. суда Украины, 30 мая 2018 г. URL: <http://reyestr.court.gov.ua/Review/74475898> (дата обращения: 27.10.2020).

УДК 343.148.4

М.М. Подолуха

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПОДГОТОВКИ МАТЕРИАЛОВ ДЛЯ НАЗНАЧЕНИЯ ПОЧЕРКОВЕДЧЕСКИХ ЭКСПЕРТИЗ ПО КОПИЯМ ДОКУМЕНТОВ

При расследовании уголовных дел большое значение имеют результаты проведенных экспертных исследований, позволяющие с использованием научных методов и технических средств установить конкретные обстоятельства совершенного преступления и, соответственно, принять правильное решение по делу. В свою очередь, оперативность и качество экспертиз во многом зависят от качества подготовки материалов при их назначении.

Особенно тщательно в данном вопросе следует подходить к назначению почерковедческой экспертизы, поскольку несоблюдение требований и рекомендаций по подготовке и оформлению необходимых для ее проведения материалов часто влечет за собой невозможность решения поставленных вопросов.

В настоящее время в Государственном комитете судебных экспертиз Республики Беларусь разработаны и используются на практике рекомендации по назначению почерковедческих экспертиз в отношении традиционных объектов (рукописных текстов, кратких записей, подписей), расположенных в оригиналах документов [1, с. 25–32]. Однако нередко при производстве по материалам и уголовным делам возникает необходимость в назначении экспертиз по копиям, т. е. документам, которые воспроизводят информацию и реквизиты оригиналов документов и созданы с использованием копировально-множительной техники,

цифрового фотоаппарата, аппарата факсимильной связи и других технических устройств. В этом случае подготовка материалов для назначения экспертиз имеет свои особенности, что обуславливает необходимость разработки соответствующих рекомендаций.

Следует отметить, что направление на почерковедческую экспертизу документов в копиях существенно ограничивает возможности специалиста по решению экспертных задач. В этой связи в обязательном порядке перед назначением экспертизы должны быть приняты меры по получению оригинала документа (направлены запросы, проведены соответствующие следственные и другие процессуальные действия и пр.).

Только в случаях физической невозможности предоставления на почерковедческую экспертизу оригинала документа допускается предоставление его копии. К данным случаям относятся уничтожение или утеря оригинала документа, нахождение его за пределами Республики Беларусь, изготовление и существование документа только в электронном виде. В практике имелись также случаи направления документов в копиях в рамках осуществления оперативно-розыскной деятельности.

Анализ практики проведения экспертиз по копиям документов, участия в следственных действиях и судебных заседаниях, рассмотрения по данным вопросам поступающих обращений граждан и юридических лиц [2] позволил выявить особенности проведения экспертиз по копиям документов, а также сформулировать некоторые рекомендации с целью повышения качества подготовки материалов для назначения экспертиз и правильной оценки их результатов:

вопросы подлинности и юридической силы копии и оригинала документа, установления факта существования оригинала, установления условий изготовления копии решаются только следственным (судебным, оперативным) путем;

вопрос изготовления копии с конкретного оригинала может быть решен в рамках экспертизы только при предоставлении как копии, так и оригинала; в случае положительного решения данного вопроса почерковедческая экспертиза должна проводиться по оригиналу;

вопрос установления исполнителя изображений (копий) рукописей может быть решен только следственным (судебным, оперативным) путем, поскольку состояние науки и экспертной практики не позволяет определить лицо, технически изготовившее копию или изображение почеркового объекта;

почерковедческая экспертиза проводится исключительно по изображению рукописи, при этом способ и условия изготовления копии документа не устанавливаются, равно как и то, каким образом изображение

рукописи попало в предоставленную копию, имел ли место монтаж при изготовлении копии и пр. (данные вопросы в отдельных случаях могут быть решены в рамках технической экспертизы документов);

решение вопроса о конкретном исполнителе исследуемой рукописи и о факте необычности процесса письма (установление непривычных условий письма или необычного состояния исполнителя) по изображению рукописи в копии возможно только при высоком качестве изображения и большом объеме почерковой информации, которые в совокупности позволяют в ходе исследования выявить комплекс признаков, индивидуализирующих письменно-двигательный навык проверяемого лица;

вывод эксперта о выполнении (невыполнении) проверяемым лицом рукописи, изображение которой содержится в документе, не равнозначен выводу о выполнении (невыполнении) рукописи в оригинале документа.

В постановлении о назначении почерковедческой экспертизы по копии документа в обязательном порядке следует отражать:

факт невозможности предоставления оригинала документа;

факт предоставления на экспертизу именно копии документа;

способ и условия получения копии (при наличии такой информации в материалах дела, проверки).

Отсутствие в постановлении данных сведений и формулирование вопроса в отношении оригинала документа при фактическом предоставлении копии вынуждает эксперта заявить соответствующее ходатайство о предоставлении оригинала или уточнении поставленных вопросов, что влечет за собой увеличение сроков нахождения материалов экспертизы на исполнении.

Вопросы, выносимые на разрешение судебной почерковедческой экспертизы, предлагается формулировать следующим образом:

«Кем выполнена подпись от имени А., изображение которой содержится в копии документа (указываются реквизиты): самим А., Б. или другим лицом?»;

«Кем выполнен текст, начинающийся и заканчивающийся соответственно словами „...“ и „...“, изображение которого содержится в копии документа (указываются реквизиты): А., Б. или другим лицом?».

Предлагаемые формулировки обусловлены тем, что почерковедческое исследование в данном случае проводится в отношении оригинала рукописи по ее изображению в копии. Под оригиналом понимается первоначальная рукопись, с которой (либо с ее промежуточной копии) изготовлено изображение в предоставленной эксперту копии.

Отдельно следует остановиться на использовании сравнительных образцов, предоставленных в копиях. Если помимо копий предостав-

лены образцы в оригиналах, которых достаточно для проведения сравнительного исследования, образцы в копиях могут быть использованы. Чаще всего данная ситуация возникает, когда образцы в копиях более сопоставимы с исследуемой рукописью. Использование сравнительных образцов только в копиях допускается в исключительных случаях: при отсутствии оригиналов, а также при достаточном объеме почерковой информации (например, копии листов с рукописными текстами).

Знание указанных особенностей проведения почерковедческих экспертиз по копиям документов, соблюдение рекомендаций по их назначению, на наш взгляд, позволит правильно оценивать не только результаты проведенной почерковедческой экспертизы, но и саму копию документа как вещественное доказательство.

1. Сборник методических рекомендаций по вопросам назначения экспертиз, проводимых в Государственном комитете судебных экспертиз Республики Беларусь / В.И. Авсянников [и др.]. Гос. ком. судеб. экспертиз Респ. Беларусь. Минск, 2019.

2. Архив центрального аппарата Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь за 2014–2019 гг.

УДК 343.9

Р.М. Ронюк

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОЙ ОЦЕНКИ ЭКСПЕРТНЫХ ОШИБОК

Заключение эксперта является неотъемлемым атрибутом практически каждого уголовного дела, а специальные знания выступают важнейшим элементом системы доказывания в целом. Это неслучайно, поскольку, несмотря на процессуально равнозначный характер всех видов и источников доказательств, гносеологическая сущность заключения эксперта, использование в процессе исследования специальных научных знаний и криминалистической техники детерминируют особую его весомость в процессе установления истины. Доказательственное значение экспертного заключения зависит от его истинности, внутренней непротиворечивости, точности и достоверности всех действий, оценок и выводов эксперта в ходе и по результатам процесса экспертного исследования. Экспертное заключение должно быть безошибочным, что требует своевременного распознавания, предупреждения экспертных ошибок и, в конечном счете, искоренения причин, их порождающих [1, с. 317]. При этом независимо от природы экспертных ошибок (процессуальных, гносеологических, деятельностных, организационно-управленческих) они

часто становятся причиной следственных и судебных ошибок, связанных с назначением судебной экспертизы и оценкой ее результатов [2, с. 9]. Указанные обстоятельства обуславливают не только потребность в выявлении экспертных ошибок, но и необходимость однозначной их правовой оценки, особенно в контексте соотношения с понятием «заведомо ложное заключение эксперта», поскольку в обоих случаях понимание сущности данных категорий через призму уголовно-правовых, криминалистических и уголовно-процессуальных подходов носит несогласованный, а местами и противоречивый характер.

Уголовное право предлагает решать данную проблему прежде всего в рамках ст. 401 УК Республики Беларусь («Заведомо ложное показание»). При этом ложность экспертного заключения трактуется как заведомо неправильный вывод по проведенной экспертизе, который может относиться к отдельным вопросам, разрешаемым экспертом, или же касаться всего заключения в целом. Ключевое слово здесь – «заведомо», значение которого характеризует субъективную сторону данного преступления исключительно с позиции прямого умысла, когда лицо осознает, что является экспертом, предоставляет инициатору экспертизы ложное заключение, и желает поступать именно таким образом. При этом добросовестное заблуждение эксперта относительно обстоятельств, имеющих существенное значение для установления истины, вызванное невнимательностью при восприятии определенных событий или некомпетентностью, исключает уголовную ответственность по ст. 401 [3, с. 917–918].

Помимо указанной еще одна норма УК Республики Беларусь непосредственно касается судебно-экспертной деятельности. Это ст. 402, диспозиция которой предусматривает наступление ответственности за отказ эксперта от дачи заключения. В данном случае объективная сторона состава преступления представляет собой выраженное в открытой категорической форме (устно или письменно) заявление эксперта о нежелании выполнять свои обязанности. При этом признаки отказа будут проявляться не только в случае, когда лицо выражает свое нежелание полностью выполнить соответствующую обязанность, но и когда лицо не желает отвечать на отдельные вопросы либо отказывается освещать какие-то обстоятельства расследуемого события. Как и в предыдущем случае, субъективная сторона состава преступления, предусмотренного ст. 402, характеризуется только прямым умыслом [3, с. 919–920].

В качестве антипода заведомо ложному заключению эксперта и его отказу от дачи заключения рассматриваются экспертные ошибки в теории судебной экспертизы и криминалистике, когда «осознание ложности своих выводов или неправильности действий исключает добросо-

вестное заблуждение как такое психологическое состояние, при котором субъект не осознает неправильность своих суждений или действий, а искренне полагает, что он мыслит и действует правильно» [2, с. 8].

Несмотря на категоричность приведенных суждений в отношении преступной недобросовестности эксперта, уголовно-процессуальная концепция закономерно и однозначно определяет прямую зависимость доказательственного значения экспертного заключения от его истинности, внутренней непротиворечивости, точности и достоверности всех действий, оценок и выводов эксперта в ходе и по результатам процесса экспертного исследования.

Анализ приведенных подходов и практики использования специальных экспертных знаний в ходе осуществления доказывания, детерминирует ряд вопросов.

Во-первых, устоявшаяся парадигма не отвечает современному состоянию экспертной практики как в материально-техническом, так и в ценностно-психологическом аспектах. Материально-техническая сторона, обусловленная перманентным развитием экспертно-криминалистического инструментария и внедрением все более сложных технологий в судебную экспертную деятельность, сводит к минимуму саму возможность объективной оценки научной обоснованности заключения и позволяет самому эксперту *defacto* осознавать «неподступность» к себе со стороны заинтересованных в оценке его заключения субъектов доказывания. В таких условиях немаловажное значение имеют наличие (отсутствие) целевых моральных установок эксперта, правильное (неправильное) понимание им своего долга, умение (неумение) подавлять в себе отрицательные эмоции, вызванные издержками профессии, руководствуясь (или нет) в первую очередь целями и задачами экспертного исследования. На наш взгляд, тут слишком много переменных, отданных на откуп эксперту.

Во-вторых, противопоставление экспертной ошибки заведомо ложному заключению эксперта, разделение экспертных упущений на «черное» и «белое», также представляется сомнительным. Такой подход слишком идеализирован и теоретизирован. По нашему мнению, говоря обобщенно, экспертная ошибка – это не только добросовестное заблуждение, а заведомо ложное заключение – это не только прямой умысел.

Опыт практической экспертной деятельности автора, подкрепленный анализом современной экспертной и следственной практики, свидетельствует, что эксперты при допущении ими тех или иных ошибок нередко фактически осознавали неправильность своих действий, не желали, но сознательно допускали наступление возможных неблагоприятных последствий или относились к ним безразлично либо легкомысленно рас-

считывали на предотвращение (ненаступление) данных последствий. При этом такие ситуации (с формой «вины» в виде косвенного умысла или легкомыслия) имеют место не только в отношении всего заключения в целом, но и применительно к отдельным вопросам, на которые, например, эксперт отказывается отвечать по существу, формулируя вывод о НПВ. Такие негативные ситуации, подтвержденные, к слову, путем проведения повторных экспертиз и (или) допросов экспертов, как правило, не влекут применения к ним соответствующих норм УК Республики Беларусь, а именно ответственности по ст. 401 и 402, которые, напомним, предусматривают наличие вины только в виде прямого умысла.

Не применяется в таких случаях и не фигурирует в подписке экспертного заключения (в отличие от ст. 401, 402) и другая норма УК Республики Беларусь – ст. 428 («Служебная халатность»), которая не только предусматривает в качестве объективной стороны преступления несовершенное требуемых по службе действий или их совершение не в соответствии с требуемым уровнем и качеством исполнения по причине недобросовестного или небрежного отношения к службе, но и предполагает уже неосторожную форму вины [2, с. 978]. Почему не применяется? Вопрос пока риторический.

Возможно, ответ на него мы можем получить у приверженцев теорий об исключительной добросовестности экспертных ошибок. Однако эти же ученые в качестве причин ошибок эксперта называют следующие: профессиональная некомпетентность эксперта (при которой вряд ли эксперт не осознает, что он не в состоянии полноценно решать те или иные задачи и к чему это может привести, однако все равно проводит исследование), небрежность, поверхностность проведения исследования, пренебрежение методическими рекомендациями (методиками), игнорирование тех или иных признаков объектов или их взаимосвязей и пр. [4, с. 398]. Что это, если не преступная халатность эксперта, особенно если она привела к тяжким последствиям: незаконному осуждению невиновного или, наоборот, освобождению от уголовной ответственности виновного лица, принятию иных незаконных процессуальных решений? Напомним, экспертные ошибки, как правило, становятся причиной следственных и судебных ошибок.

Тезисное изложение сути обозначенных проблем позволяет заключить, что вопросы оценки достоверности судебных экспертиз актуальны и требуют разработки новых алгоритмов выявления экспертных ошибок и предотвращения обусловленных ими неблагоприятных последствий. Достижение этой цели возможно только посредством использования комплексного подхода, как минимум предусматривающего:

совершенствование действующих уголовно-правовых норм, отражающих отдельные составы преступлений против правосудия (ст. 401, 402 УК Республики Беларусь), путем придания им большей степени приближения к реальной действительности процесса доказывания;

активное распространение на судебно-экспертную деятельность положений, касающихся некоторых составов преступлений против интересов службы (например, ст. 428 УК Республики Беларусь), посредством как обязательного включения их в подписку экспертного заключения с целью повышения профессионального самосознания и добросовестности судебных экспертов, так и выработки согласованной позиции в отношении неосторожных ошибочных экспертных действий в смежных областях знаний;

разработку действенных криминалистических рекомендаций, направленных на выявление и пресечение как умышленных, так и неосторожных экспертных ошибок посредством создания современных тактических и методических схем действий при расследовании соответствующих преступлений.

1. Белкин Р.С. Курс криминалистики : в 3 т. М., 1997. Т. 2.
2. Судебная экспертиза: типичные ошибки / Е.Р. Россинская [и др.] ; под ред. Е.Р. Россинской. М., 2017.
3. Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / Н.Ф. Ахраменка [и др.] ; под ред. А.В. Баркова, В.М. Хомича. 2-е изд., с изм. и доп. Минск, 2010.
4. Криминалистика : учебник / Т.В. Аверьянова [и др.]. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2010.

УДК 343.983.22

Ф.П. Самуйленко

ОБ АНАЛИЗЕ УСЛОВИЙ ВЫСТРЕЛА ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ОТДЕЛЬНЫХ СУДЕБНЫХ БАЛЛИСТИЧЕСКИХ ЭКСПЕРТИЗ

В процессе проведения судебных баллистических экспертиз эксперту в зависимости от поставленных задач необходимо изучить материальную часть оружия; идентифицировать огнестрельное оружие, патроны, патронные гильзы, пули и другое снаряжение; установить явления, связанные с выстрелом, в том числе его следами на различных преградах, в разрезе вопросов, возникающих в правовой практике; определить различные условия выстрела; изучить признаки огнестрельного оружия,

боеприпасов и следов их действия; проанализировать закономерности выстрела и действия оружия и на основании этого осуществить разработку научно-технических методов и средств обнаружения, фиксации и исследования огнестрельного оружия, боеприпасов к нему, стреляных пуль, дроби, картечи и пыжей, следов выстрела и явлений, сопровождающих выстрел, в целях расследования и предупреждения преступлений; установить фактические данные о техническом состоянии и качествах огнестрельного, пневматического, ствольного газового оружия, а также о боеприпасах (патронах) к нему; сделать вывод о наличии (отсутствии) тождества между идентифицируемым объектом (оружием) и идентифицирующими объектами (пулями, гильзами); сделать вывод о наличии общего источника происхождения компонентов снаряжения боеприпасов; установить данные об обстоятельствах выстрела (месте, расстоянии, давности и др.) на основе специальных знаний в области судебной баллистической экспертизы, судебной баллистики и военной техники (знаний о свойствах и закономерностях действия стрелкового оружия, о характере поражения их снарядами живых целей и разрушения материальных преград).

Изучение большого объема информации показало, что нельзя недооценивать значение влияний различных условий выстрела на вывод эксперта.

Так, решение большей части идентификационных и диагностических экспертных задач судебной баллистикой рассматривается в привязке к определенным видам условий, оказывающих влияние на проявление свойств и признаков оружия, патронов и следов их действия, учет их при выполнении алгоритмов и предписаний экспертных методик.

В качестве условий выстрела, влияющих на проявление свойств и признаков оружия, патронов и следов их действия, в судебной баллистике и судебной медицине рассматривают дистанцию выстрела, калибр оружия, мощность и вид патрона, длину ствола оружия, наличие дульных устройств, влияние метеоусловий (низких температур, дождя, сильного ветра и пр.), многослойность повреждаемой при выстреле преграды и др.

К категории условий выстрела при решении задач определения обстоятельств выстрела обращались в своих исследованиях И.А. Чулкова [1, с. 28–29], Т.В. Аверьянова [см., например: 2, с. 81–87]. Ими установлена зависимость проявления следов близкого выстрела от различных метеоусловий.

Практика экспертных исследований огнестрельных повреждений на многослойных преградах дает основание ставить вопрос об определе-

ний влияния данного условия (многослойности преграды) на отложение на объектах дополнительных следов выстрела, о выяснении особенностей механизма образования огнестрельных повреждений, необходимости разработки методических рекомендаций по экспертному исследованию объектов такого рода.

Методологически важными в данном аспекте являются установление влияния наружного и промежуточных слоев на отображение или экранирование дополнительных следов выстрела, выяснение механизма образования огнестрельных повреждений, в том числе посредством воздействия «вторичных» снарядов, выделение дифференциально-диагностических признаков данных повреждений, что важно при проведении экспертных исследований.

Ответы на эти вопросы были получены в работах О.В. Микляевой, Л.Н. Лапиной и О.А. Аникиной [3, с. 28–47], И.В. Латышова [4 с. 64–70], А.А. Погребного. Выводы по результатам данных исследований дают основу для правильной оценки экспертом особенностей проявления основного и дополнительных следов выстрела на многослойной преграде, разработки алгоритма действий эксперта или специалиста по их обнаружению, фиксации и изъятию на месте происшествия.

В.Р. Аветисяном и Л.Ф. Потаповой положено начало основательной научной проработке криминалистического исследования глушителей и их влияния на отображение дополнительных следов выстрела. Выявленные ими закономерности нашли свое подтверждение в последовавших за этим научных работах ученых-криминалистов и судебных медиков, расширяя возможности дифференциальной диагностики огнестрельных повреждений, причиненных при стрельбе из стрелкового огнестрельного оружия с глушителем, определения по следам выстрела обстоятельств преступления.

С развитием стрелкового оружия и патронов к нему возникает проблема разработки научно-методического обеспечения экспертных исследований огнестрельных повреждений, причиненных при стрельбе из стрелкового огнестрельного оружия патронами с пулей специального действия, а также повреждений, образуемых эластичными снарядами патронов травматического действия.

В рамках анализа развития научных знаний судебной баллистики не лишним будет отметить, что изучение условий выстрела актуально не только в связи с необходимостью решения диагностических экспертных задач. Условия выстрела, как принимаемый к учету экспертом фактор, являются предметом идентификационных исследований при отождествлении огнестрельного оружия по пулям (снарядам) и гильзам.

Таким образом, к настоящему времени наукой и практикой накоплен определенный объем знаний, основывающихся на различных проявлениях условий выстрела. Вместе с тем эти знания разрозненны, бессистемны и разнесены по разным разделам судебной баллистики. Более того, в науке и практике нет четких представлений о том, что же вообще следует понимать под условиями выстрела и каким образом их интегрировать в модель познания, используемую в ходе проведения судебных баллистических экспертных исследований. Это сдерживает развитие судебной баллистики, уменьшает ее возможности в раскрытии и расследовании преступлений. При этом реализацию эффективного использования закономерностей влияния условий выстрела на механизм образования и характеристики следов выстрела сдерживает отсутствие системных научных представлений о них, что делает актуальной задачу проведения комплексного монографического исследования в данном направлении.

1. Чулков И.А. Влияние низких температур на отложение продуктов выстрела при стрельбе из малокалиберного оружия заводского изготовления // Эксперт. практика. 1983. № 21. С. 28–29.

2. Аверьянова Т.В., Потапова Л.Ф., Сафронский Э.Г. Влияние некоторых внешних условий на отложившиеся продукты выстрела при разных условиях хранения вещественных доказательств // Эксперт. техника. 1986. № 97. С. 81–87.

3. Микляева О.В., Лапина Л.Н., Аникина О.А. Закономерности отложения продуктов выстрела на втором слое многослойных преград в зависимости от расстояния между слоями и от свойств материала первого слоя // Эксперт. техника. 2002. № 128. С. 28–47.

4. Латышов И.В. Особенности огнестрельных повреждений на многослойных объектах // Эксперт. практика. 2005. № 58. С. 64–70.

УДК 343.98

А.И. Семикаленова

ЦИФРОВЫЕ АКТИВЫ КАК ОБЪЕКТ СУДЕБНОЙ КОМПЬЮТЕРНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ¹

В настоящее время происходит стремительное развитие информационно-цифровых технологий, которые проникают во все сферы человеческой деятельности, в том числе финансово-экономическую. Все чаще в судебных делах по экономическим вопросам используется такой термин, как «цифровой актив». Что это такое, как с ним быть и как его

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-16003.

исследовать и оценивать? Это вопрос, который, на наш взгляд, требует подробного рассмотрения. Нами предпринята попытка раскрыть данный термин с точки зрения судебной компьютерно-технической экспертизы.

Для начала обратимся к понятию «актив». С точки зрения экономики, и в частности бухгалтерии, активы – это совокупность имущественных средств хозяйствующего субъекта. В международных стандартах финансовой отчетности активы трактуются как контролируемые организацией ресурсы, полученные в результате событий прошлых периодов, от которых она ожидает экономические выгоды в будущем. Таким образом, заключенная в активах экономическая выгода представляет потенциал, который войдет прямо или косвенно в поток денежных средств или денежных эквивалентов организации. Как видно из определения, активы – это то, что может в дальнейшем принести выгоду лицу, ими обладающему, на наш взгляд, независимо от того, физическим или юридическим это лицо является.

Понятие «цифровой» на данный момент практически всегда означает принадлежность к компьютерным технологиям. Это связано с тем, что на заре информационно-компьютерной эры именно цифровое кодирование любой информации, позволившее представлять ее в виде набора нулей и единиц, дало толчок применению электроники и микроэлектроники для обработки и представления пользователю требуемых данных. Следовательно, понятие «цифровой актив» неразрывно связано с компьютерной информацией, имеющей сегодня значительную ценность. Вслед за М.А. Рожковой [1], с учетом собственного понимания активов, мы считаем, что понятием «цифровой актив» могут называться разнообразными объектами, имеющими электронную форму и экономическую ценность, которые не обязательно легально включены в число объектов гражданских прав. К ним, на наш взгляд, относятся:

1. Игровое имущество – имущество, получаемое игроками в процессе участия в виртуальных играх. Часто такое имущество может стоить больших денег и перепродаваться другим игрокам, участвующим в онлайн-соревнованиях. Учитывая возрастающий уровень киберпреступности, мы не исключаем рост числа преступных посягательств с целью незаконного изъятия и приобретения игрового имущества.

2. Криптовалюта. Ее уже сегодня с полным правом можно отнести к виртуальному имуществу, поскольку в ряде стран (Япония, Швейцария, США, Сингапур, Канада, Дания, Швеция, Германия, Чехия, Норвегия) криптовалюта либо признается одной из внутренних валют, либо используется в качестве платежного средства. В зарубежных публикациях можно встретить следующую градацию существующих виртуальных валют:

мобильная – фиатная валюта, используемая при проведении банковских платежей;

валюта корпоративного значения – вознаграждения за лояльность, например скидки для клиентов, выражающиеся в баллах, кредитах;

валюта виртуального мира – ранее упомянутая валюта, используемая для приобретения игрового имущества;

децентрализованная валюта – прежде всего биткоин, являющийся альтернативой централизованной банковской валюте.

3. Доменные имена. Под категорию цифровых активов попадают и доменные имена, если рассматривать их не в качестве средства переадресации в сети Интернет, а как идентификатор в ней бизнеса или частных лиц, что также требует денег.

4. Виртуальное имущество в социальных сетях. Это, в частности, аккаунты пользователей, которые покупаются и продаются, их цены, зависящие от количества подписчиков, приобретаемые пользователями всевозможные стикеры, картинки-подарки и др.

Исследование названных объектов в рамках судебной экспертизы является актуальной задачей. Исходя из перечня цифровых активов, можно заключить, что установление их подлинности, определение характеристик и взаимосвязи с рассматриваемыми событиями происходит при проведении различных судебных экспертиз: экономической, лингвистической, фото- и видеотехнической, искусствоведческой и т. д. Мы остановимся на судебной компьютерно-технической экспертизе, которая оценивает их как цифровые объекты, решает вопросы, связанные с их возникновением, распространением, хранением и исчезновением в компьютерных системах.

Судебная компьютерно-техническая экспертиза – это экспертиза, занимающаяся исследованием компьютерных средств и систем в целях отнесения исследуемого объекта к компьютерному средству, системе, установления его функциональных особенностей, работоспособности в целом и получения доступа к компьютерным носителям информации с последующим всесторонним исследованием их содержимого [2]. Современные информационно-компьютерные системы имеют аппаратные, программные и информационные компоненты, обеспечивающие выполнение ими своих функций. Именно на основе этого компонентного деления изначально были выведены основные роды компьютерно-технической экспертизы и как класса. Ввиду своей уникальности и многокомпонентности был выведен еще один класс – судебная компьютерно-сетевая экспертиза. Получив общую информацию о судебной компьютерно-технической экспертизе, постараемся объяс-

нить, как именно она может помочь в исследовании, анализе и оценке цифровых активов.

С учетом того, что цифровыми активами является хранимая на компьютерных носителях информации логическая последовательность выполняемых команд и интерпретируемого двоичного кода, которая влечет за собой право владельца получать новые функциональные возможности (игровая амуниция), графические и акустические эффекты (стикеры), управлять компьютерными ресурсами (доменные имена, аккаунты, криптовалюта), на наш взгляд, основными родами компьютерно-технической экспертизы, проводимой для исследования и оценки цифровых активов, будут являться судебные программно-компьютерная, информационно-компьютерная и компьютерно-сетевая экспертизы.

Программно-компьютерная экспертиза – это исследование программного обеспечения информационных систем (функционального предназначения, реализуемого алгоритма, структурных особенностей и текущего состояния системного и прикладного программного обеспечения), в ходе которого решаются следующие задачи:

выявление частных признаков программы, позволяющих впоследствии идентифицировать ее авторство, взаимосвязь с информационным обеспечением исследуемой компьютерной системы;

выявление и исследование функциональных свойств, а также настроек программного обеспечения, определение времени его инсталляции;

определение фактического состояния программного объекта, установление наличия или отсутствия каких-либо отклонений от типовых параметров (например, недокументированных функций);

диагностирование алгоритма программного продукта;

установление первоначального состояния программы и выявление возможных последующих изменений;

установление способа осуществления изменений в программе;

установление причинной связи между действиями пользователя компьютерной системы в отношении программного обеспечения и наступившими последствиями.

Информационно-компьютерная экспертиза решает задачи, связанные с получением и исследованием данных, находящихся на компьютерных носителях информации (поиск, обнаружение, анализ и оценка информации, подготовленной пользователем или сформированной программами для организации информационных процессов).

Компьютерно-сетевая экспертиза основывается на функциональном предназначении компьютерных средств, реализующих информационно-сетевые технологии, и решает следующие задачи:

определение состояния журнала и управления доступом к Сети; определение причин изменения свойств Сети, выявление фактов нарушения ее эксплуатации, несанкционированного доступа.

Решение указанных задач необходимо для оценки и анализа цифровых активов, определения их состояния, что, в свою очередь, будет способствовать установлению их реальной стоимости. Это также даст возможность установить реального собственника, причины внесения изменений или порчи активов.

Говоря о такой новой категории собственности, как цифровые активы, пока еще полностью не нашедшей в законодательстве своего места, необходимо четко понимать ее сложную компьютерно-цифровую сущность, полный анализ которой возможен только при использовании специальных знаний в области информационно-компьютерных технологий, коих и требует судебная компьютерно-техническая экспертиза. Следовательно реальная финансово-экономическая оценка таких активов невозможна без участия специалиста в данном направлении судебных экспертиз.

1. Рожкова М.А. Цифровые активы и виртуальное имущество: как соотносится виртуальное с цифровым // Закон.ру. 2018. 13 июня.

2. Усов А.И. Концептуальные основы судебной компьютерно-технической экспертизы : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Моск. ин-т МВД Росии. М., 2002.

УДК 343.982.323

М.Я. Сигерич

ОБ ИДЕНТИФИКАЦИИ ВНЕШНОСТИ ЧЕЛОВЕКА ПРИ НЕПОЛНОМ ОТОБРАЖЕНИИ ЭЛЕМЕНТОВ ЛИЦА

Внешность человека является объектом криминалистических исследований в области габитоскопии и судебной портретной экспертизы, а также при составлении субъективных портретов, проведении опознания и других следственных действий, требующих соотношения отображений внешности людей в целях их идентификации. Для этого используются изображения (фотографии, видеозаписи, стоп-кадры) или результаты различных манипуляций с ними, осуществляемых с целью получения субъективных портретов (фотороботов). Однако возникают ситуации, когда внешность человека не содержит полного комплекса признаков. Причинами тому могут быть:

неблагоприятные условия наблюдения, фотосъемки и видеозаписи (например, темное время суток, плохие погодные условия);

технические проблемы (например, низкое качество получаемых фотоизображений и видеозаписей, запечатление лица при нахождении на значительном расстоянии и от него);

особенности внешности наблюдаемого лица (например, наличие головного убора, элементов одежды, скрывающих лицо, очков и маски).

Факторы, влияющие на отображение признаков внешности человека, могут быть результатом как случайного стечения обстоятельств, так и складывающейся обстановки. Яркий пример – ситуация с пандемией COVID-19, вспышка которого была признана Всемирной организацией здравоохранения чрезвычайной ситуацией в области общественного здравоохранения, обладающей международным значением [1]. В связи с этим были разработаны требования международных организаций здравоохранения и на их основе решения национальных медицинских организаций, направленные на недопущение распространения инфекции, в том числе рекомендации по использованию средств индивидуальной защиты в профилактических целях [2]. Такие меры усложнили работу органов внутренних дел. Возникла проблема идентификации граждан, использующих средства индивидуальной защиты органов дыхания – различные медицинские маски и респираторы. Особенно сложна идентификация граждан в решении повседневных задач по охране общественного порядка, выявлению лиц, причастных к совершению административных правонарушений и преступлений, идентификация в общественных местах и пассажиропотоке, последующая идентификация на видеозаписях с камер видеонаблюдения. Также представляет сложность составление описания граждан в целях формирования субъективных портретов или ориентировок. При этом одноразовая медицинская маска или респиратор позволяет с минимальными затратами времени и средств скрыть, замаскировать внешность человека, особенно правонарушителя. В настоящее время количество лиц, одновременно носящих защитные средства в общественных местах, может быть значительным, что негативно сказывается на процессе их идентификации [3].

При составлении словесного портрета не уделяется достаточное внимание описанию как средств индивидуальной защиты, так и скрывающих элементов, отдельные характеристики которых могут представлять значимость в идентификации конкретного лица и дальнейшей работе с ним. В ряде случаев описание скрывающего элемента не менее важно, чем описание внешности, например, при проведении поисковых или досмотровых мероприятий с целью обнаружения такого элемента при

человеке или на месте (как месте происшествия, так и любом другом, если элемент был сброшен или выкинут).

Необходима дальнейшая разработка методики исследования отдельных элементов внешности, которые возможно частично различить на замаскированном лице (зубы, глаза, ушные раковины) [5]. При этом положительным моментом является выделение динамических элементов, возникающих в процессе мимических изменений на лице человека (например, уникальная конфигурация складок кожи при прищуривании).

Отдельно следует рассмотреть возможности композиционных манипуляций с изображениями идентифицируемых лиц. Примером может являться попытка объединения изображения с частично закрытой внешностью искомого лица с изображениями, отражающими внешность в полном объеме. Например, имея изображение внешности человека, лицо которого частично закрыто одноразовой медицинской маской, но при этом достаточно хорошо выделяются его контуры и видны общие размерные характеристики, можно наложить на него в месте нахождения маски изображение соответствующей части лица сравниваемого человека, у которого эта часть запечатлена в полном объеме. Данный метод позволяет производить все нужные сопоставления, однако требует соблюдения ракурса и условий получения изображений, а также наличия необходимого объема изображений лиц для сравнения.

Частичная или полная графическая зарисовка помогает воспроизвести внешность человека путем рисования, т. е. нанесения на изображение необходимых элементов внешности. Данный метод имеет положительные стороны, такие как простота использования (при наличии соответствующей компетентности исполнителя) и естественная наглядность. Однако эффективность его применения зависит от субъективной оценки и навыков лица, создающего изображение. Указанные сложности не позволяют принимать полученные результаты как объективное доказательство. Возможным вариантом решения данной проблемы может явиться выполнение требуемых дорисовок разными лицами в разных условиях с последующей оценкой всех полученных результатов [4], в том числе путем проведения комплексной экспертизы.

Имеют место факты полного сокрытия внешности, что препятствует установлению необходимых признаков. В данной ситуации следует обратить внимание на внешность человека в целом, комплекс общих признаков строения тела и сопутствующих элементов (одежды). При этом целесообразно учитывать физиологические особенности конкретного лица, что требует наличия специальных познаний в соответствующих областях медицины.

Возможные варианты идентификации внешности людей, отдельные элементы лиц которых закрыты или замаскированы, требуют соответствующей правовой регламентации и должны быть основаны на соответствующей методической базе [6].

1. Заявление по итогам второго совещания Комитета по чрезвычайной ситуации в соответствии с Международными медико-санитарными правилами, в связи со вспышкой заболевания, вызванного новым коронавирусом 2019 г. (nCoV) [Электронный ресурс] // Международная организация здравоохранения. URL: <https://www.who.int/ru/news-room/detail/30-01-2020> (дата обращения: 07.06.2020).

2. Q&A on coronaviruses (COVID-19) [Электронный ресурс] // Международная организация здравоохранения. URL: <https://www.who.int/emergencies/diseases/novel-coronavirus-2019/> (дата обращения: 07.06.2020).

3. Исследование: продажи медицинских масок в России выросли почти в четыре раза [Электронный ресурс] // Информационное агентство ТАСС. URL: <https://tass.ru/obschestvo/7943277> (дата обращения: 07.06.2020).

4. Анчабадзе Н.А., Сигерич М.Я. Отдельные рекомендации, необходимые при назначении и производстве портретных экспертиз по художественным изображениям // Судебная экспертиза: российский и международный опыт : сб. науч. тр. / редкол.: П.М. Кошманов [и др.]. Вып. 5. Волгоград, 2020. С. 3–7.

5. Колотушкин С.М. К вопросу о возможности идентификации человека по изображению элементов лица, не закрытых маской [Электронный ресурс] // Пенитенциар. наука. 2016. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-vozmozhnosti-identifikatsii-cheloveka-po-izobrazheniyu-elementov-litsa-nezakrytyh-maskoy> (дата обращения: 30.09.2020).

6. Подволоцкий И.Н. Методы установления личности в габитоскопии и портретной экспертизе [Электронный ресурс] // Вестн. Моск. ун-та МВД России. 2012. № 7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metody-ustanovleniya-lichnosti-v-gabitoskopii-i-portretnoy-ekspertize> (дата обращения: 30.09.2020).

УДК 343.98 + 581.52

А.Н. Хох

СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ОБЪЕКТОВ РАСТИТЕЛЬНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ДЕНДРОХРОНОЛОГИЧЕСКОГО И СПОРОВО-ПЫЛЬЦЕВОГО АНАЛИЗА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Судебная ботаническая экспертиза (СБЭ) призвана оказывать помощь следствию при раскрытии различных преступлений, когда в качестве вещественных доказательств выступают объекты растительного происхождения. С каждым годом круг объектов такого экспертного ис-

следования расширяется. Во многом это связано с ростом возможностей СБЭ, обусловленным созданием новых, более эффективных и совершенных методик исследования.

В последние годы к приоритетным методам, которые применяются при проведении СБЭ в Республике Беларусь, можно отнести дендрохронологический и спорово-пыльцевой анализ. Каждый из них имеет свою научную основу и специфическую методологию. Остановимся более подробно на названных методах и тех задачах, которые они позволяют решить, применительно к судебно-экспертной практике.

Дендрохронологический анализ (ДА) востребован при расследовании правонарушений, связанных с незаконным лесопользованием и негативным антропогенным воздействием на деревья хвойных и лиственных пород, и применяется при проведении судебных ботанических экспертиз с 2015 г. В его основе лежат биологические факты, которые заключаются в следующем:

в пределах умеренного и холодного климата деревья ежегодно образуют четко различимый годичный слой радиального прироста;

деревья из однородных по климатическим факторам регионов одинаково реагируют на изменения внешних факторов и имеют сходные закономерности в колебаниях величины радиального прироста.

С помощью ДА устанавливаются возраст древесно-кустарниковой растительности, сроки гибели или рубки, сроки начала негативного воздействия, жизненное состояние дерева, местность и условия произрастания, целое по частям и др.

Возможности решения указанных задач в экспертной практике во многом связаны с результатами научных исследований, благодаря которым обеспечивается постоянный рост достоверности, объективности, обоснованности и полноты экспертных заключений.

В 2015 г. в Научно-практическом центре Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь (далее – Центр) были подготовлены Методические рекомендации по исследованию лесоматериалов дендрохронологическим методом в судебной ботанической экспертизе, применение которых позволило добиться единого подхода к подготовке и проведению экспертных исследований, выделению и оценке идентификационных признаков экспертных объектов.

Так как проведение любой СБЭ с использованием ДА связано с расчетами параметров радиального прироста и построением древесно-кольцевых хронологий, а это достаточно длительный и сложный процесс, в 2016 г. было разработано автоматизированное рабочее место (АРМ) DendroExp. Оно позволяет измерять ширину годичных слоев,

зон ранней и поздней древесины в автоматическом режиме по цифровым изображениям, а также проводить сравнительные исследования с целью установления принадлежности единому целому при отсутствии общей линии разделения. В 2017 г. для упрощения организации экспертного процесса были подготовлены Методические рекомендации по проведению дендрохронологических экспертных исследований с помощью АРМ, в которых излагались наиболее сложные моменты, касающиеся алгоритмов его работы.

В 2019 г. в Центре завершилось выполнение задания по государственной программе научных исследований «Информатика, космос и безопасность», одной из основных задач которого являлось проведение всесторонних исследований древесины хвойных пород. Результатом работы стала Методика определения места происхождения сосновых лесоматериалов из древесины сосны на основе дендрохронологических параметров, суть которой заключается в установлении и оценке соответствия комплекса дендрохронологических признаков идентифицируемых экспертных объектов комплексу признаков контрольных дендрохронологических шкал.

Еще одним методом, применение которого имеет большое значение для СБЭ в части исследования наркотических средств, изготовленных из растительного сырья, а также курительных смесей, содержащих в своем составе синтетические каннабиноиды, является спорово-пыльцевой анализ (СПА). Его использование в экспертной практике обуславливается следующими причинами:

высшие растения продуцируют огромное количество пыльцевых зерен и спор, оболочки которых хорошо сохраняются;

оболочки пыльцевых зерен и спор исключительно стойки, хорошо противостоят химическим воздействиям, почти не разрушаются и мало минерализуются;

пыльца и споры различных видов, родов и таксонов более высоких рангов высших растений имеют характерные морфологические особенности, позволяющие распознавать пыльцевые зерна и споры и определять их до уровня семейства, рода, а иногда и вида.

С помощью СПА при проведении СБЭ можно определить, составляли ли ранее изъятые наркотики растительного происхождения единую массу. Это чрезвычайно важно для предварительного расследования, поскольку часто наркотики попадают в руки лиц, употребляющих их небольшими дозами, изначально будучи расфасованными в достаточно больших объемах.

Исходя из существующих потребностей в 2019 г. в Центре была разработана методика «Экспертное исследование наркотических, пси-

хотропных и других объектов растительного происхождения методом спорово-пыльцевого анализа», в которой поэтапно излагался алгоритм установления принадлежности к единому или разным источникам происхождения наркотического растительного сырья или же сырья, используемого в качестве матрицы для импрегнирования психоактивных веществ, на основе анализа таксономического состава и количественного содержания растительных таксонов.

Необходимо отметить, что определение и подсчет объемов пыльцы и спор, а также построение спорово-пыльцевых диаграмм занимают много времени и характеризуются большой трудоемкостью. По этой причине в 2018 г. была разработана справочная информационно-поисковая система PalExp, представляющая собой десктопное приложение, созданное на основе технологии Windows Presentation Foundation с подключением к базе данных MS SQL Server. PalExp обеспечивает быстрый доступ и получение информации о пыльце и спорах древесно-кустарниковых и травянистых растений, произрастающих на территории Республики Беларусь. Благодаря ее использованию в экспертной практике стало возможным проводить СБЭ, требующие применения СПА, в соответствии с современными возможностями компьютерной техники, улучшилась наглядность всех этапов исследования и полученных результатов.

Таким образом, итоги работы, проведенной в научно-методическом и техническом отношении, определяют состояние судебно-экспертных исследований объектов растительного происхождения с использованием дендрохронологического и спорово-пыльцевого анализа в Республике Беларусь к настоящему моменту. Тем не менее остаются еще нерешенные проблемы, которые определяют направление дальнейших путей развития и обуславливают постановку новых задач.

УДК 343.983

В.А. Чванкин

ОСОБЕННОСТИ ЭТАПА СРАВНИТЕЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ПРИЗНАКОВ ВНЕШНОСТИ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ СУДЕБНОЙ ПОРТРЕТНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Методика проведения любого экспертного исследования основана на использовании положений (стадий) общей методики судебной экспертизы с учетом характерных особенностей, присущих конкретному виду экспертизы, или представляемых объектов. Отдельные исследователи называют такие стадии, как подготовительная, аналитическая, син-

тезирующая, формирование вывода и оформление материалов. В данном случае в качестве самостоятельной они выделяют синтезирующую стадию, хотя, по сути, синтез проводится при формировании вывода [1, л. 72]. Представляется правильным придерживаться терминологии теории судебной экспертизы, где определены следующие основные стадии: предварительное исследование, детальное исследование, оценка результатов исследования и формулирование выводов, оформление материалов экспертизы.

Каждая стадия, каждый этап имеет свои цели и задачи, присущие только им. В судебной портретной экспертизе на этапе сравнительного исследования объекты (изображения) сравнивают по определенным в ходе раздельного исследования признакам с целью установления их совпадения или различия. Выявленные совпадающие или различающиеся признаки проверяются комплексом приемов и методов сравнения, при этом объясняются сущность и причины различий, оценивается достоверность совпадений.

При сравнительном исследовании используют шесть методов сопоставления, два метода совмещения (по прямым и по ломаным линиям), два метода наложения (наложение-сложение и наложение-вычитание).

Методами сопоставления являются:

визуальное (простое) сопоставление (описательный метод) совпадающих и различающихся признаков с последующей разметкой;

сопоставление с использованием «масок» – применяется, когда возможно выделить на сравниваемых изображениях одноименные участки лица;

сопоставление с помощью наложения координатной сетки – используется для установления совпадения или различия мест нахождения одинаковых особенностей лица, а также для иллюстрации совмещения основных элементов, расчерченных на квадраты. Способствует более точному определению совпадения или различия размеров головы или лица в целом, размеров, расположения и взаиморасположения отдельных элементов и их особенностей. Применяется в случаях поступления на исследование изображений лиц с небольшой разницей в ракурсе съемки, старше 20–25-летнего возраста, у которых закончилось формирование костно-черепной основы головы;

сопоставление относительных величин – позволяет сравнивать отдельные пропорции лица. Применяется в следующих случаях: когда исследуемые изображения сравниваемых лиц высокого качества и исходные абсолютные отрезки между антропометрическими точками можно измерить с определенной точностью; если на объектах портретной ин-

формации изображены лица старше 20–25-летнего возраста, у которых закончилось формирование костно-черепной основы головы; между сравниваемыми лицами небольшая разница в возрасте;

сопоставление биологической асимметрии – применяют с целью установления совпадения или различия биологической асимметрии у запечатленных лиц. Для этого изготавливают комбинированные снимки, состоящие из правых (прямой и зеркальной) и левых (зеркальной и прямой) половин лица, полученных путем разрезания по медиальной линии. Такое сопоставление проводится только по строго анфасным изображениям лиц;

сопоставление с помощью аппликаций. Суть метода заключается в том, что фрагмент копии фотоснимка одного портрета, отображающий различающийся элемент внешности, вырезается и наклеивается на изображение того же элемента на другой фотоснимок, изготовленный в том же масштабе. В результате получаются два изображения с одинаковыми признаками одноименных элементов, например причесок.

При использовании методов совмещения фрагменты изображений располагаются таким образом, чтобы можно было определить, является или нет изображение элементов внешности одного лица естественным продолжением изображения этих же элементов внешности другого лица. Исследуемые изображения совмещаются по прямым линиям и по ломаным линиям. Совмещение по прямым линиям проводится, если изучаемые лица изображены в одинаковом ракурсе, а совмещение по ломаным линиям – как на одноракурсных снимках, так и в случаях незначительной разницы ракурса.

Методы наложения заключаются в наложении одинаковых по параметрам изображений сравниваемых лиц так, чтобы их одноименные точки «накрывали» друг друга. По виду используемых изображений и получаемым результатам различают наложение-сложение и наложение-вычитание. При применении наложения-сложения накладываются друг на друга либо негативные, либо позитивные изображения сравниваемых лиц. При использовании наложения-вычитания позитивное изображение одного лица накладывается на негативное другого. Данные методы наложения применяются в случае исследования одноракурсных изображений.

Вероятностно-статистический метод применяется по заранее вычисленным вероятностям встречаемости определенных вариантов признаков. Суть метода состоит в выделении, сравнении и оценке этих вариантов с учетом их значимости при вынесении заключения о тождестве.

Применение того или иного метода сравнения, как и их количество, определено характеристиками сравниваемых изображений, отображае-

нием самих признаков внешности и возможностями методов. Следует иметь в виду, что ни один из названных методов сравнения не является основным, за исключением метода визуального сопоставления, который применяется во всех без исключения случаях. Методы должны использоваться в совокупности в соответствии с требованиями методики судебной портретной идентификации.

Кроме того, для большей наглядности при применении методов сравнения используется целый комплекс программных продуктов, наиболее эффективными из которых являются Adobe Photoshop и VisoSoft [2, с. 59–60]. После завершения сравнения производится оценка выявленных различий, их сущности, природы, а также оценка достоверности (достоверности) совпадающих признаков, после чего формулируется вывод о наличии либо отсутствии тождества, оформляется заключение эксперта.

Знание особенностей этапа сравнительного исследования признаков внешности будет способствовать оптимизации и алгоритмизации проведения исследований в рамках судебной портретной экспертизы.

1. Ефременко Н.В. Криминалистическое исследование изготовленных по современным технологиям удостоверительных печатных форм и их оттисков : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. Минск, 2009.

2. Елётнов В.И., Чванкин В.А. Программное обеспечение, используемое при проведении судебной портретной экспертизы: общая характеристика и сравнительный анализ // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. 2020. № 1. С. 56–61.

УДК 343.982.35

В.Г. Чернов, И.В. Аносов

ОСОБЕННОСТИ ЭКСПЕРТНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ДЕТАЛЕЙ ПРЕДМЕТА ОДЕЖДЫ С ЦЕЛЮ УСТАНОВЛЕНИЯ ЦЕЛОГО ПО ЧАСТЯМ

В экспертной практике нередко объектами криминалистических экспертиз являются предметы одежды и их детали, которые были разделены между собой и требуют экспертного исследования. Трасологические экспертизы, проводимые с целью установления целого по частям, являются важным звеном в процессе получения доказательной базы, поскольку позволяют получить исчерпывающие обоснованные фактические данные для дальнейшего расследования преступления.

В ходе исследования самой одежды или ее деталей необходимо определить достаточность сравнительных объектов, установить, какие

поверхности исследуемых частей являются внешними, а какие внутренними. Следует также установить общие и индивидуальные особенности сравнительных объектов. В процессе исследования поврежденных краев одежды необходимо обратить внимание на свойства повреждения, указать способ его образования, установить наличие или отсутствие общей линии разделения. Эти особенности в будущем позволят установить принадлежность исследуемых объектов к единому целому или наоборот.

Установить экспертным путем принадлежность частей единому целому удастся благодаря тому, что у частей разделенного предмета сохраняются взаимосвязанные признаки, одни из которых были у объекта до его разделения на части, а другие (линии и плоскости разделения) возникли в момент и вследствие разделения [1, с. 234].

Однако для установления целого по частям в нашем случае большое значение имеет материал одежды, который исследуется, а именно характер переплетения, его плотность, эластичность, пространственное расположение материала в момент разделения, наличие складок на одежде и пр. Данные особенности следует учитывать в дальнейшем при проведении сравнительного исследования.

На основании оценки результатов сравнения эксперт приходит к положительному или отрицательному выводу о принадлежности частей единому целому [2, с. 150].

Таким образом, наиболее правильно проводить трасологические исследования объектов с целью идентификации целого по частям в такой последовательности: изучение внешних признаков и выбор сравниваемых объектов, которые физически могли составлять одно целое; приведение в состояние, пригодное для совмещения поверхности разделения; сопоставление по взаимно переходящим особенностям внешнего строения всех поверхностей, включая поверхность разделения; сопоставление по следам контактного статического или динамического взаимодействия; сопоставление по топографии распределения на поверхности посторонних веществ [3, с. 75].

Следовательно, для решения задач экспертного исследования деталей предмета одежды с целью установления целого по частям эксперту необходимо знать, во-первых, морфологические признаки каждого вида механического повреждения, во-вторых, методику установления целого по частям. Этот большой объем информации необходимо систематизировать, структурировать и проиллюстрировать, что в дальнейшем поможет эксперту провести объективное, обоснованное, полное исследование и избежать экспертных ошибок.

Наличие методических рекомендаций по проведению судебной трасологической экспертизы деталей одежды с целью установления целого

по частям позволит повысить уровень квалификации судебных экспертов и более качественно проводить экспертные исследования, поэтому дальнейшие исследования необходимо направить на освещение особенностей экспертного исследования различных объектов и создание новых методических рекомендаций, пособий и иллюстративных справочников по их проведению.

1. Пророков И.И. Криминалистическая экспертиза следов : учеб. пособие / отв. ред. А.Ф. Вольнский. Волгоград, 1980.
2. Майлис Н.П. Судебная трасология : учебник. М., 2003.
3. Митричев В.С. Криминалистическая идентификация целого по частям // Теория и практика идентификации целого по частям : сб. науч. тр. М., 1976. № 24. С. 3–111.

УДК 343.98

Е.А. Шаповал

ОСОБЕННОСТИ СУДЕБНО-МЕДИЦИНСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ, ОСУЩЕСТВЛЯЕМЫХ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ УБИЙСТВ, СОВЕРШЕННЫХ С ПРИМЕНЕНИЕМ ДОМАШНЕГО НАСИЛИЯ

Судебно-экспертные исследования играют важную роль в доказывании по уголовному производству при расследовании убийств, совершенных с применением домашнего насилия. При этом деятельность следователя, связанная с назначением соответствующих экспертиз, имеет определенную специфику, что обуславливает необходимость ее рассмотрения в пределах соответствующей частной криминалистической методики.

Среди ученых, занимавшихся исследованиями в области судебной экспертизы, можно отметить таких, как Т.В. Аверьянова, Р.С. Белкин, А.И. Винберг, А.П. Громов [1], А.М. Ларин, Н.Т. Малаховская, Х.А. Сабиров, Р.Л. Степанюк [2], М.Г. Щербаковский и др. Но в связи с появлением новых видов преступлений, увеличением количества убийств, в том числе совершенных с применением домашнего насилия, возникает необходимость усовершенствования методики проведения экспертных исследований.

Для уголовного производства по указанному виду преступлений характерно проведение достаточно большого количества судебных экспертиз, ведь на месте происшествия остается множество следов, как на самом потерпевшем (многочисленные следы ударов и повреждений),

так и на территории, где происходило убийство (следы крови, орудие преступления с потожировыми отпечатками рук и т. д.).

Среди всех видов судебных экспертиз чаще всего назначается судебно-медицинская экспертиза. Она является основной при расследовании убийств, совершенных с применением домашнего насилия. Учитывая этот факт, а также то, что наибольшее количество проблем, связанных с невозможностью решения экспертами поставленных перед ними вопросов, возникает в ходе следственных действий при назначении именно судебно-медицинских экспертиз, остановимся на некоторых наиболее проблемных моментах их назначения и проведения, а также на современных возможностях данных экспертиз.

В специальной литературе неоднократно отмечалось, что следы биологического происхождения, связанные с жизнедеятельностью организма человека, имеют важное значение при расследовании преступлений против жизни и здоровья личности. На месте происшествия могут быть обнаружены самые разнообразные предметы, характеризующие биологические свойства подозреваемого и потерпевшего (волосы, частицы кожи, пятна крови и т. д.).

Для исследования следов биологического происхождения назначают судебно-медицинские экспертизы. Они связаны с исследованием различных объектов. При этом наибольшее значение среди экспертных исследований имеют такие их разновидности, как судебно-иммунологическое (изучается кровь, оставленная на ткани (одежда, смывы на марле), для установления групповой и родовой принадлежности), судебно-цитологическое (на экспертизу направляется кровь, оставленная на орудии преступления, других твердых предметах, которые изымаются полностью, а также волосы, слюна, срезы ногтей с остатками эпидермиса, выделения и другие ткани человека, которые используются для определения не только групповой, но и половой принадлежности) и судебно-гистологическое исследование (изучаются кусочки органов и тканей человека, которые отбираются в процессе проведения основной судебно-медицинской экспертизы трупа) [3, л. 163–169].

Неправильное понимание следователями разницы между биологическими следами и разграничением различных видов судебно-медицинских экспертиз приводит к возвращению материалов о назначении экспертиз и затягиванию сроков уголовного производства (так, например, по пятнам бурого цвета, оставленным на одежде подозреваемого, нужно провести судебно-иммунологическое исследование, а по веществу бурого цвета, оставленному на орудии преступления (ноже), – судебно-цитологическое, однако в постановлении о назначении экспертизы фигурирует только один вид экспертного исследования) [3, с. 169].

Сказанное обуславливает необходимость постоянного исследования и анализа специфики проведения судебно-медицинских экспертиз при расследовании убийств, совершенных с применением домашнего насилия, поскольку они имеют ряд особенностей.

Основным объектом судебной экспертизы по данной категории преступлений является труп, в связи с чем следователь должен уметь максимально хорошо исследовать именно его. Общие знания о трупных явлениях для следователя обязательны. Ему приходится осматривать и описывать трупы в различные сроки наступления смерти, от нескольких минут до многих лет, поэтому нужно знать, что происходит с тканями и органами трупа, как они меняются внешне. Трупные явления позволяют определить время наступления смерти, судить о положении тела после смерти и анализировать другие данные, имеющие существенное значение для расследования преступления. Каждое трупное явление должно быть подробно описано в протоколе осмотра места происшествия. Возникновение и развитие трупных явлений зависят от многих условий: одежды, находящейся на трупе, внешней среды (воздух, земля, вода), кровопотери, причины смерти, заболеваний и т. д. [4, с. 38].

С помощью судебно-медицинской экспертизы, назначенной при расследовании убийств, совершенных с применением домашнего насилия, можно получить ответы на такие важные для следствия вопросы, как вопрос о времени наступления смерти и причинения телесных повреждений, орудии преступления, характере и тяжести телесных повреждений, локализации и механизме причинения телесных повреждений, наличии групповых признаков следов биологического происхождения и др. Для этого необходимо правильно сформулировать вопросы эксперту с целью получения полной информации о преступлении.

Исходя из анализа уголовных производств и современных возможностей судебно-медицинской экспертизы, можно сформулировать ряд обязательных вопросов по данной категории дел: «Какова причина смерти?», «Что стало основной причиной смерти – травма или заболевание?», «Менялась ли поза трупа?», «Когда наступила смерть?», «Можно ли считать, что смерть наступила в какое-то конкретное время, и если да, то на основании каких признаков?», «Какие повреждения имеются на трупе, каковы их характер, локализация, механизм и время причинения?», «Какие повреждения нанесены при жизни и какие – после смерти?», «Какое именно повреждение стало причиной смерти?», «Какова последовательность нанесения повреждений?», «Если одно из нескольких повреждений не могло само по себе причинить смерть, то какие спровоцировали смерть в своей совокупности?», «Есть ли прямая причинная связь между полученным повреждением, тем или

иным внешним воздействием и смертью?», «В какой примерно позе находился потерпевший в момент получения травмы?», «Соответствуют ли повреждения на одежде повреждениям на трупе (по характеру, количеству), и если нет, то чем это обусловлено?» и др. [5, с. 69–105; 6, с. 92–116]. Данный перечень вопросов не является исчерпывающим, но может быть на практике ориентиром для следователя при назначении судебно-медицинской экспертизы трупа.

Необходимо отметить, что перед назначением экспертизы необходимо проконсультироваться с экспертом по поводу постановки и последовательности вопросов, так как следователь может не знать или упустить отдельные детали, например тот факт, имели ли место при вскрытии трупа кроме следов ударов от тупых предметов следы удушения от петли или гематомы от ранее нанесенных ударов в ходе применения домашнего насилия. Пренебрежение этой консультацией может привести к тому, что выводы судебно-медицинской экспертизы будут неполными, ведь, как показывает практика, эксперты не станут отвечать на вопросы, которые отсутствуют в постановлении о назначении экспертизы [7, с. 77–78].

Таким образом, можно сделать вывод, что следователю при расследовании преступлений, совершенных с применением домашнего насилия, в том числе убийств, необходимо разбираться в отдельных вопросах судебно-медицинских исследований для проведения качественных осмотров трупов на месте происшествия, а также для правильной формулировки вопросов экспертам во время назначения судебно-медицинской экспертизы.

1. Судебно-медицинское исследование трупа / под ред. А.П. Громова, А.В. Капустина. М., 1991.
2. Судова медицина та психіатрія : навч. посіб. / В.В. Кікінчук [та ін.] ; М-во внутр. справ України, Харків. нац. ун-т внутр. справ. Х., 2019.
3. Бічурін Р.Х. Методика розслідування умисних вбивств з хуліганських мотивів : дис. ... канд. юрид. наук. Х., 2017.
4. Авдеев М.И. Судебно-медицинская экспертиза трупа : рук. М., 1976.
5. Каткова Т.В. Судові експертизи : зб. питань / уклад.: Т.В. Каткова, Г.К. Кожеников ; Ін-т внутр. справ. Х., 1994.
6. Черечукина Л.В. Расследование убийств : учеб.-метод. пособие / М-во внутр. дел Украины, Луг. гос. ун-т внутр. дел им. Э.А. Дидоренко. Луганск, 2009.
7. Гусева В.О. Деякі аспекти використання спеціальних медичних знань при розслідуванні посягань на життя працівників правоохоронних органів // Сучасні тенденції розвитку криміналістики та кримінального процесу : тези доп. Міжнар. наук.-практ. конф. до 100-річчя від дня народження проф. М.В. Салтєвського (Харків, 8 листоп. 2017 р.) / М-во внутр. справ України, Харків. нац. ун-т внутр. справ. Х., 2017. С. 77–78.

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СУДЕБНОЙ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Судебная культурологическая экспертиза является молодым и перспективным направлением судебно-экспертной деятельности в Республике Беларусь. Эксперты-культурологи решают две задачи:

отнесение представленных объектов к порнографическим материалам и (или) предметам порнографического характера;

выявление в объектах, отнесенных к порнографическим материалам и (или) предметам порнографического характера, изображения человека, имеющего признаки препубертатного (раннего пубертатного) периода развития (созревания), с установлением по возможности возрастного периода, которому они соответствуют.

В российской экспертной практике отнесением объектов к порнографическим материалам и (или) предметам порнографического характера культурологическая экспертиза не ограничивается. В рамках компетенции российского эксперта-культуролога возможно решение следующих задач:

исследование художественных изделий, подписей автора, манеры письма, признаков позднейшего воздействия (порчи, реставрации или переделки) [1, с. 91];

исследование архитектурных или градостроительных произведений как объектов культуры [1, с. 91];

исследование культурных ценностей, в том числе способов их создания, хранения, распространения, тиражирования и существования в культурном сегменте страны [2, с. 915];

исследование произведений современных течений художественного творчества, дизайна и культурных индустрий: боди-арта, перформанса, фотоколлажа, сувенирной продукции, рекламы, игровых фильмов и т. д. [3, с. 22]. Исследование проводится с целью установления авторского права, унижения чести и достоинства человека, наличия (отсутствия) экстремистских элементов, а также нарушения культурных норм, межнационального и религиозного согласия в обществе;

исследование вербальных текстов – законодательных и нормативных актов в области культурной политики и социокультурной сферы, а также научно-образовательной продукции (статьи, учебные программы, методические пособия и др.). При экспертной оценке нормативных документов определяются логическая связанность документа, строгость и однозначность терминологического аппарата. При оценке научно-

образовательной продукции – степень ее научной новизны, концептуальность и др. [3, с. 22];

исследование культурного наследия – оценка виртуальной среды (виртуальных музеев), туристического потенциала страны и регионов; популяризация историко-культурного наследия и анализ семиотического значения артефакта культуры [3, с. 23];

исследование культурных ценностей, включающих в себя материальные ценности религиозного и светского характера, которые имеют историческое, художественное, научное, образовательное или иное значение [4, с. 96];

аттестация работников сферы культуры, образования, науки и государственных служащих» [5, с. 53] и др.

Базовыми для эксперта-культуролога являются знания в области истории и теории культуры, методологических основ современной науки, способов трансляции и сохранения культурных норм и ценностей, языков, культур, культурной семиотики, истории искусства как культурного феномена и его художественных стилей [4, с. 96], исторической памяти народа (исторических событий, личностей и др.) и социального опыта, которые являются главными составляющими национального менталитета, и др. Поэтому, на наш взгляд, перспективными направлениями развития судебной культурологической экспертизы, проводимой в Республике Беларусь, будут следующие:

1. Комплексное историко-культурологическое исследование. В Российской Федерации государственная историко-культурная экспертиза (в соответствии с Федеральным законом от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» проводится в следующих целях:

обоснование включения объекта культурного наследия в единый государственный реестр объектов культурного наследия;

определение категории историко-культурного значения объекта культурного значения;

обоснование изменения категории историко-культурного значения объекта культурного наследия или исключения его из реестра и др.

Проведение комплексной историко-культурологической экспертизы в Республике Беларусь может быть также приложимо к исследованию объектов историко-культурного наследия. Кроме того, в рамках проведения данной экспертизы могут решаться вопросы, связанные с исследованием происхождения различных историко-культурных объектов, уточнением деталей их истории (их предметом может быть одежда, знамена, ордена, знаки отличия и т. п.), а также выявлением их символического и культурного значения.

Также историко-культурологическая экспертиза может проводиться в рамках исследования нематериальной (духовной) культуры народа на предмет установления значимости и содержания ее ритуалов, обычаев, традиций, обрядов и т. д.

2. Комплексное культурологическое и лингвистическое исследование поликодовых текстов. В научной литературе поликодовый (или креолизованный) текст трактуется как текст, обладающий сложной формой, т. е. основанный на сочетании единиц двух и более различных семиотических систем, которые вступают в отношения взаимосвязи, взаимодополнения, взаимовлияния, что обуславливает комплексное воздействие на адресата [6, с. 22]. Поликодовый текст состоит из двух взаимосвязанных частей – невербального (статического изображения) и вербального (текста) компонентов. Значение невербального компонента поликодовых текстов должно декодироваться с помощью семиотики культуры. В рамках культурологического исследования эксперта будет интересовать только символическая функция невербального компонента, которая заключается в выражении абстрактных идей и понятий посредством символов, образов, знаков или кодов культуры. Необходимо отметить, что при исследовании поликодового текста первичным будет содержательное выявление заложенных культурных смыслов невербального компонента, а вторичным – декодирование вербального компонента и сведение к общему смыслу всего предоставленного объекта.

Культурологическое исследование игровых фильмов, компьютерных игр на предмет наличия (отсутствия) в них сцен жестокости и насилия: изображений пыток, истязаний и способов нанесения увечий человеку и (или) животному; изображений лишения жизни человека и (или) животного; изображений надругательства над телом умершего человека и (или) животного и т. д. [7, с. 121].

Насилие на экране может исследоваться двумя принципами: этическим и эстетическим. Этический принцип основан на установлении соблюдения моральных норм, выявлении проблем применения насилия и отношения к нему в обществе. Эстетический принцип акцентирует внимание на подчеркивании внешних, графических свойств насилия в виде зрелищного компонента, который доставляет удовольствие создателю фильма и зрителю [8, с. 108]. В современных условиях быстрого развития киноиндустрии можно говорить о феномене эстетизации экранного насилия, которое проявляется различными способами. Это может быть романтическое насилие (сцены насилия зрительно завуалированы), карнавализованное насилие (способ эстетизации, который вызывает легкую напряженность, но вместе с тем и ощущение игры), абсурдизированное насилие (сцены насилия изображены вульгарно и абсурдно), аглитизи-

рованное насилие (натурализованный способ эстетизации насилия, показывающий насилие на экране в его наиболее шокирующих формах) [8, с. 109]. Многочисленные исследователи утверждают, что просмотр сцен насилия и жестокости приводит к психологическим последствиям, особенно у детей, в глазах которых насилие становится оправданным и социально приемлемым.

Отдельное место занимает исследование компьютерных игр, в которых причинение максимального вреда является частью игрового процесса. Кроме того, графика игры, музыкальное сопровождение, прорисовка персонажей «построены изначально деструктивно, стимулируя на дополнительное насилие и утверждая мысль, что подобное поведение является нормой» [7, с. 82]. При исследовании игровых фильмов на наличие в них сцен, содержащих насилие или жестокость, анализируются степень натуралистичности данных сцен и формы их демонстрации: эпизодические (отдельные редкие эпизоды), кратковременные (непродолжительные), длительные и т. д.

Таким образом, при разработке соответствующего понятийного аппарата, предмета, объекта, методологии возможно внедрение вышеуказанных перспективных направлений в экспертную деятельность белорусских экспертов-культурологов.

1. Виноградова О.П. Историко-культурная и культурологическая экспертиза: особенности назначения и проведения // Актуал. проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. : материалы XIII Междунар. науч.-практ. конф. (Барнаул, 23–24 апр. 2015 г.) : в 2 ч. / Барнаул. юрид. ин-т МВД России ; редкол.: А.А. Андреев (гл. ред.) [и др.]. Барнаул, 2015. Ч. I. С. 90–92.

2. Кондратьева И.В. К понятию и значению культурологической экспертизы // Современ. проблемы науки и образования. 2013. № 6. С. 915.

3. Никифорова Л.В., Кривич Н.А. Культурологическая экспертиза: предистория, современное состояние и перспективы развития // Пространство и бытие современной культуры: теоретические и прикладные аспекты исследования : I Всерос. Гутк. чтения, посвящ. 80-летию со дня рождения проф. Гуткиной И.М. (Саратов, 19–20 апр. 2016 г.) / Саратов. нац. исслед. гос. ун-т им. Н.Г. Чернышевского ; под ред. Е.В. Листвиной [и др.]. Саратов, 2016. С. 17–27.

4. Садохин А.П. Культурологическая экспертиза: теоретико-методические основы исследования // Вопр. культурологии. 2011. № 1. С. 94–99.

5. Садохин А.П. Методологические контексты культурологической экспертизы // Гос. служба. 2012. № 4. С. 51–55.

6. Ворошилова М.Б. Политический креолизованный текст: ключи к прочтению. Екатеринбург, 2013.

7. Раздел 16. Модель проведения экспертизы информационной продукции в рамках Федерального закона от 29 февраля 2010 г. № 436-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: https://rkn.gov.ru/docs/Razdel_16.pdf (дата обращения: 30.07.2020).

8. Плюснин Е.В. Модусы эстетизации экранного насилия // ГРАНИ. 2016. № 3. С. 106–111.

УДК 343.985

Н.А. Демьянов, И.А. Шаматкульский

ЛИЧНОСТЬ ПРЕСТУПНИКА КАК ЭЛЕМЕНТ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ УКЛОНЕНИЯ ОТ УПЛАТЫ СУММ НАЛОГОВ И СБОРОВ

Налоги – основной источник дохода государства, предназначенный для обеспечения стабильности всех сфер жизни общества и удовлетворения его потребностей. Общественная опасность уклонения от уплаты налогов и сборов заключается в умышленном невыполнении конституционной обязанности каждого платить законно установленные налоги и сборы, что приводит к непоступлению денежных средств в государственный бюджет, осложняет финансирование государственных расходов и своевременное выполнение социальных программ, в связи с чем требуются грамотные и взвешенные пути решения этой проблемы. Исходя из этого, особое значение приобретают элементы оперативно-розыскной характеристики (ОРХ) уклонения от уплаты сумм налогов и сборов, знание которых позволяет выбрать оптимальные пути противодействия данному преступлению.

Понятие ОРХ в теории оперативно-розыскной деятельности (ОРД) составляет предмет научных дискуссий и разногласий среди многих ученых. Так, В.Д. Гребельский под ОРХ понимает совокупность признаков уголовно-правового, криминалистического, психологического, экономического и иного характера, совокупное содержание которых содействует обоснованному выдвижению и проверке оперативно-розыскных версий при раскрытии родовых групп преступлений [1, с. 70]. В.Д. Ларичев в структуре ОРХ выделяет следующие элементы: уголовно-правовые признаки конкретного преступления; реальную распространенность правонарушений и сопутствующих им явлений; динамику и структуру преступности; фазы развития преступления; место, способ совершения преступлений и предмет преступного посягательства; мотивацию криминального поведения; черты личности преступника, в том числе нравственно-психологические и специальные ее особенности, а также потерпевших; организованные формы совершения преступления

и ряд других [2, с. 180]. Однако ОРХ представляет собой систему наиболее характерной, оперативно значимой и взаимосвязанной информации о признаках налогового преступления, полученной в результате оперативно-розыскной практики и служащей для решения задач ОРД.

Одним из основных элементов ОРХ преступлений в сфере уплаты налогов является личность преступника, без изучения которой невозможно выявить преступление. Изучение личности преступника, как элемента ОРХ, может проводиться в двух направлениях: анализа оставленных на месте преступления материальных следов и изучения полученных данных о психофизиологических особенностях личности преступника [3, с. 48].

Уклонение от уплаты сумм налогов и сборов является длящимся преступлением с повышенной латентностью, поскольку виновные лица стремятся скрыть факт своего противоправного деяния и создать высокие препятствия для его доказывания. Следовательно, противодействию уклонению от уплаты сумм налогов и сборов во многом способствуют знания относительно занимаемой должности лица и наделенных ему полномочий.

Как правило, основными субъектами уклонения от уплаты налогов и сборов являются должностные лица, на которых в соответствии с законодательством Республики Беларусь возложены обязанности по исчислению и уплате сумм налогов и сборов, а также по представлению в налоговые органы документов налогового учета и отчетности. К таким лицам относятся руководители и главные бухгалтеры предприятия, налоговые агенты, временные или антикризисные управляющие.

Однако, как показывает практика, в преступных схемах могут фигурировать иные лица, не относящиеся к штатной численности работников предприятия, но фактически выполняющие функции руководителя посредством фиктивного директора (учредители, индивидуальные предприниматели и т. п.). Имеют место случаи совершения преступления представителями организаций, оказывающих услуги по ведению бухгалтерского учета. В настоящее время весьма распространенными стали схемы, при которых гражданин Республики Беларусь, являющийся директором иностранного предприятия, создает на территории Республики Беларусь представительство с правом осуществления коммерческой деятельности для последующего уклонения от уплаты налога на прибыль.

Анализ статистических данных о лицах, осужденных за уклонение от уплаты сумм налогов и сборов, показывает, что чаще всего указанное преступление совершается лицами мужского пола в возрасте от 35 до 50 лет, занимающими руководящие должности или должности, связанные с выполнением организационно-распорядительных функций, субъ-

ектов хозяйствования реального сектора экономики. Эти лица, как правило, обладают руководящими способностями, предпринимательскими задатками и широкими финансово-экономическими познаниями, о чем свидетельствует наличие одного или несколько высших образований в области юрисдикции, экономики и менеджмента. Они отличаются умением убеждать, коммуникабельностью, а также наличием устойчивых связей в государственных организациях и госструктурах. В связи с этим на данную категорию граждан необходимо уделять пристальное внимание и проводить комплекс профилактических мероприятий, направленный на недопущение совершения ими преступлений в сфере уплаты налогов.

1. Гребельский Д.В. О соотношении криминалистических и оперативно-розыскных характеристик // Криминалистическая характеристика преступлений : сб. науч. тр. М., 1984. С. 70–73.

2. Ларичев В.Д. Содержание оперативно-розыскной характеристики преступлений в сфере экономики // Общество и право. 2013. № 3. С. 179–187.

3. Кустов А.М., Мурзагалиева О.К., Шимановская К.Е. Типичная информация о личности преступника при расследовании преступлений, совершенных в сфере оборота наркотических средств // Успехи в химии и хим. технологии. 2017. № 7. С. 48–50.

УДК 343.57

А.Н. Дрозд

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ДРОПОВ ПРИ СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ ЛИБО ИХ ПРЕКУРСОРОВ ИЛИ АНАЛОГОВ

Дроп (англ. drop – сбрасывать) – сленговое понятие, которое используется для обозначения подставного лица, выполняющего функции определенного посредника при совершении некоторых преступлений с целью минимизации риска привлечения к уголовной ответственности организаторов и исполнителей преступлений.

Понятие «дропа» (в качестве синонима также используется понятие «денежный мул») было впервые использовано в данном смысле в мае 2009 г. в США при раскрытии хищений с использованием компьютерной техники и подставных лиц [1, с. 28].

В зависимости от степени осведомленности дропов по существу деятельности, к которой они привлекаются, их можно условно разделить на

следующие группы (с учетом терминологии, имеющейся в криминальной среде [2]):

неразводные (ручные) – лица, сознающие противоправность своих действий, т. е. низшие звенья в иерархии организованных групп, умыслом которых охватывается весь преступный замысел (например, действия лиц, нанятых для оставления наркотических средств в тайниках);

полуразводные – лица, сознающие неконкретизированную противоправность той деятельности, к которой они привлекаются (например, лица, осуществляющие банковские переводы, обналичивание денежных средств, происхождение которых им точно неизвестно, но имеющие обоснованное сомнение в легальности их источников);

разводные – лица, сознательно осуществляющие те или иные действия, которые они считают легальными;

чистые – лица, не осведомленные о том, что их используют при совершении преступлений.

Однако, по нашему мнению, только так называемых разводных и чистых дропов следует относить к категории подставных лиц, которых случайным образом помимо их воли втягивают в незаконную деятельность и в большинстве случаев используют только однократно. В то же время ручные и полуразводные дропы, несмотря на то, что подобраны для использования при совершении преступления случайным образом, осознавая в той или иной степени характер и степень общественной опасности своих действий, являются в одних случаях соучастниками преступлений, членами соответствующих организованных групп, в других – исполнителями преступлений, организованных третьими лицами. Следовательно, и методика раскрытия таких преступлений аналогична работе по соответствующим преступлениям, совершенным организованными группами.

Анализируя преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров или аналогов (наркотиков), можно сделать вывод, что разводные дропы могут использоваться при перевозке, пересылке или перемещении через границу наркотиков, а также при легализации (отмывании) денежных средств, полученных в результате совершения преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков. Так, во избежание риска разоблачения незаконного приобретения наркотиков путем их пересылки посредством международных почтовых отправлений, что в последние годы регулярно выявляется правоохранительными органами, довольно часто такие отправления оформляют на подставных лиц. Дропы, выступающие получателями товара, за небольшое денежное вознаграждение оформляют на себя заказ, получают соответствующую посылку на по-

че, после чего передают их третьему лицу, перенаправляют по почте по другому адресу внутри страны или оставляют в условленном месте. В целях введения в заблуждение относительно законности подобной работы организаторы преступления маскируют свои действия под легальный бизнес [3], создавая интернет-сайты фиктивных организаций или используя наименования известных компаний. Потенциальных разводных дропов находят через объявления о поиске работы, в которых сообщается о вакансиях курьеров для получения товара фирмы через почтовые отделения с целью доставки до потребителя либо о вакансиях финансовых агентов. Нередко организаторы преступления с целью сокрытия от таможенного контроля и маскировки от дропов используют различные методы конспирации при отправке почтовых отправлений с наркотическими средствами, маскируя их под чай, биологически активные добавки, а также помещая в книги, аудиовидеотехнику, предметы интерьера и др. [4, с. 13]. Аналогично, например в целях сбыта или перевозки наркотических средств от одного члена организованной группы другому, такие средства или вещества, упакованные в коробку от обуви или в папку с документами, могут отправляться через водителей такси [5]. Что касается легализации денежных средств, полученных при совершении преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, то в качестве примера можно привести один из интернет-сервисов (Purse.io), который предлагает покупателям товары со скидками, работая по следующей схеме: лица, желающие легализовать доходы, покупают товары в интернет-магазине для других пользователей сервиса (разводных дропов), а те, в свою очередь, пересылают деньги уже на их счета [6, с. 82].

Использование чистых дропов при совершении преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, ограничено в связи со спецификой преступной деятельности, но имеет определенную тенденцию к расширению. Например, выявлялись случаи, когда при перемещении наркотиков на железнодорожном транспорте пакеты с соответствующими веществами помещались в личные вещи других пассажиров и тайно изымались из них в момент прибытия в пункт назначения. С развитием информационных технологий использование чистых дропов при совершении преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, все более часто бывает после предварительного похищения личных данных посторонних лиц. В качестве примеров можно привести оплату приобретаемых наркотических средств со взломанных счетов путем незаконного использования чужих банковских карточек или пользование взломанными с использованием специальных вредоносных программ аккаунтами в сервисе каршеринга для анонимного перемещения, а так-

же для использования арендных автомобилей для размещения тайников с наркотическими средствами [7].

Во всех приведенных примерах организаторы преступлений остаются вне поля зрения правоохранительных органов, не оставляют своих личных данных, что снижает их риск быть привлеченными к ответственности.

Оперативно-розыскная работа, направленная на раскрытие преступлений, совершенных с использованием дропов, характеризуется определенной спецификой и повышенной сложностью. В первую очередь выясняется степень осведомленности дропа и его принадлежность к той или иной группе путем проведения оперативного опроса, наведения справок, исследования предметов и документов и других ОРМ.

Далее работа с разводными дропами строится по двум направлениям. В случае, если имел место личный контакт, должны быть установлены все его обстоятельства, изъяты видеозаписи камер наблюдения, составлен фоторобот, по возможности проведено оперативное отождествление. В противном случае, т. е. если прямых личных контактов между разводными дропами и организаторами преступлений не было, к первоначальным мероприятиям следует отнести проведение ОРМ «исследование предметов и документов»: принятие с участием специалиста мер к изъятию, осмотру мобильных телефонов, электронных носителей информации, компьютерной техники в целях изучения истории браузера, установления контактов, ознакомления с переписками в интернет-мессенджерах, с содержанием электронной почты (переписка с мнимыми работодателями, файлы, содержащие номера банковских счетов, и т. д.), установления интернет-адресов ресурсов, к которым осуществлялся доступ, учетных записей пользователя, логинов и паролей [8], иной оперативно значимой информации, которая в последующем может быть использована при выявлении организаторов преступления.

Почти во всех случаях необходимым условием успешного раскрытия преступлений и получения доказательств по уголовному делу является привлечение к работе специалистов подразделений интернет-разведки ГУНиПТЛ и сотрудников управления «К» КМ МВД Республики Беларусь, имеющих соответствующую квалификацию и положительный опыт работы в данном направлении [9].

При выявлении чистых дропов их полезность для раскрытия преступлений является еще более ограниченной или даже минимальной. Принципиальное значение в данном контексте приобретает не последующая работа, а предотвращение подобных фактов путем постоянной работы специалистов по защите личной информации, хранящейся в электронных банках данных.

Таким образом, в зависимости от степени осведомленности о совершении преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, и роли в этой деятельности лиц, используемых для совершения таких преступлений, подставных лиц можно условно разделить на полностью осведомленных, частично осведомленных, введенных в заблуждение и неосведомленных. Знание особенностей совершения преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, совершенных с использованием дропов, позволяет совершенствовать методы работы правоохранительных органов в данном направлении. Верное отнесение лица к той или иной группе подставных лиц имеет значение при разработке методики раскрытия таких преступлений и в конечном итоге влияет на ее эффективность и результативность.

1. Зажигалкин В.Е. «Дропы» – инструмент организации и исполнения контрабанды, подконтрольных психоактивных веществ с использованием современных телекоммуникационных ресурсов // Наркоконтроль. 2018. № 3. С. 28–30.

2. Обратная сторона интернета. Как не стать дропом [Электронный ресурс] // Pikabu.ru. URL: https://pikabu.ru/story/obratnaya_storona_interneta_kak_ne_stat_dromom_4812879 (дата обращения: 08.09.2019).

3. Не становись дропом! – бесплатный сыр бывает только в мышеловке. [Электронный ресурс] // Ema.com. URL: <https://www.ema.com.ua/citizens/cyber-safety-school/do-not-become-a-drop-free-cheese-is-only-in-a-mousetrap/> (дата обращения: 08.09.2020).

4. Гришин Д.А. Некоторые вопросы расследования контрабанды наркотических средств, психотропных и сильнодействующих веществ посредством международных почтовых отправлений // Рос. следователь. 2017. № 16. С. 12–15.

5. Запорожский таксист отказался перевозить наркотики и вызвал полицию [Электронный ресурс] // 1 Первый запорожский. URL: <http://1news.zp.ua/ru/zaporozhskiy-taksist-otkazalsya-perevozit-narkotiki-i-vyizval-politsiyu-foto/> (дата обращения: 08.09.2020).

6. Архипов, В.В. Виртуальная собственность: системные правовые проблемы в контексте развития индустрии компьютерных игр // Закон. 2014. № 9. С. 69–90.

7. Полицейские обнаружили в каршеринговом авто на Ленинском проспекте наркотики и пистолет [Электронный ресурс] // Peterburg2.ru. URL: <https://peterburg2.ru/news/policeyskie-obnaruzhili-v-karsheringovom-avto-na-leninskomprospekte-narkotiki-i-pistolet-66777.html> (дата обращения: 08.09.2020).

8. Коломинов В.В. Проверка по факту незаконного оборота наркотиков и дальнейшее расследование уголовного дела [Электронный ресурс] // Cyberleninka.ru. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/proverka-po-faktu-nezakonnogo-oborota-narkotikov-i-dalneyshee-rassledovanie-ugolovnogo-dela> (дата обращения: 08.09.2020).

9. Слепченко О. Управление «К» против кардеров // Содружество. 2014. № 2. С. 34–35.

АНОНИМНОЕ СОДЕЙСТВИЕ ОРГАНАМ, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩИМ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, ПОСРЕДСТВОМ СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Содействие гражданам подразделениям органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность (ОРД), проявляется в различных видах, каждому из которых свойственна своя специфика. Надлежит отметить, что законодатель не дает определения содействия органам, осуществляющим ОРД, он лишь закрепляет условия и требования, предъявляемые к содействию.

В зависимости от степени сохранения в тайне сведений о самом факте оказания такого содействия оно может носить как гласный, так и негласный характер. Разновидностью негласного содействия является анонимное содействие, которое предполагает предоставление информации при условии сохранения в тайне сведений о лице как источнике информации. В зависимости от наличия у органа данных о содействующем лице и степени сохранения в тайне сведений о самом факте содействия выделяют три вида содействия: гласное, конфиденциальное и анонимное.

В практике органов, осуществляющих ОРД, часто возникают ситуации, когда лицо, обращаясь в оперативные подразделения с заявлением, сообщением о преступлении, не желает сообщать данные о себе либо ставит условия сохранения в тайне факта его обращения. В бумажном или электронном виде лица анонимно направляют информацию, имеющую отношение к подготовке, совершению или сокрытию преступления. Несомненно, ее отправитель заинтересован в том, чтобы она была проверена, но ввиду отсутствия персональных данных отправителя, сокрытия способа связи с ним оперативный сотрудник не проявляет должного внимания для ее проверки. В то же время анонимные заявления не являются поводом к возбуждению уголовного дела, поэтому они не подлежат рассмотрению в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством. Сотрудники оперативных подразделений к анонимной информации относятся скептически, рассматривают ее как попытку оказать разовую помощь для удовлетворения собственных потребностей, а не потребностей оперативных сотрудников в решении задач ОРД. Именно поэтому в профессиональном сознании оперативных сотрудников возникают пробелы, свидетельствующие о недооценке того факта, что анонимная помощь может

носить многократный, длящийся характер, способствовать решению задач ОРД. Анонимная помощь органам, осуществляющим ОРД, имеет правовые ограничения. В частности, отсутствие персональных данных лица, оказывающего конфиденциальное содействие, не позволяет оперативному сотруднику урегулировать эти правоотношения в виде письменного соглашения (контракта), в котором бы были закреплены права, обязанности и гарантии взаимодействующих сторон. Отсутствие закрепленных прав и обязанностей ставит под угрозу соблюдение принципа конспирации.

В настоящее время специалистами в сфере ОРД, а также законодателем используются различные, близкие по своей сути термины: «содействие» и «сотрудничество», из которых второй является составной частью первого [1]. Содействие включает в себя не только сотрудничество лиц, но и другие формы привлечения граждан к подготовке или проведению оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ), а также их использование в решении иных задач. На это указывает определение «гражданин, оказывающий или оказывавший содействие на конфиденциальной основе органу, осуществляющему оперативно-розыскную деятельность», приведенное в ст. 2 Закона Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности» [2]. Из него вытекает, что каждое сотрудничество является разновидностью содействия. Вместе с тем анонимное и негласное содействие может оказываться и вне рамок сотрудничества.

Мотивы оказания анонимного содействия могут быть различными: личная неприязнь к конкретному лицу; желание помочь знакомым; желание устранить конкурента; желание оказать помощь в борьбе с преступностью; боязнь мести руководства при гласном обращении; опасение за свою безопасность, близких, имущества (страх); месть; зависть; неприязнь к кому-либо; интерес к оперативной работе и др. Материальная заинтересованность также побуждает граждан к анонимному содействию. Анонимы понимают, что в случае гласного предоставления ими информации их могут признать свидетелями по уголовному делу и им придется давать показания правоохранительным органам, суду, иначе их могут привлечь к уголовной ответственности за отказ либо уклонение от дачи показаний или за дачу заведомо ложных показаний по ст. 401 и 402 УК Республики Беларусь. Кроме того, у общества неоднозначное отношение к оказанию помощи правоохранительным органам, поэтому большинство граждан, располагающих информацией о преступлении, готовы предоставлять ее органам, осуществляющим ОРД, а также оказывать помощь в раскрытии, выявлении или расследовании преступ-

ления взамен на гарантию их анонимности и неучастия в уголовном процессе. В законодательстве Республики Беларусь об ОРД отсутствуют нормы, регулирующие правоотношения между анонимом и органами, осуществляющими ОРД, порядок материального поощрения лица, желающего сохранить о себе сведения в тайне, за предоставленную им помощь в борьбе с преступностью.

По нашему мнению, на анонима не должно оказываться физическое и (или) психологическое насилие для получения согласия о сотрудничестве. Добровольное выражение согласия на оказание анонимной помощи является гарантом соблюдения принципов добровольности и конспирации при предоставлении информации органам, осуществляющим ОРД. Мы солидарны с мнением Г.А. Руковишника, который отметил, что за анонимом должно оставаться право выбора способа передачи информации [3]. В связи с этим мы предлагаем реализовать порядок получения такого согласия и построение взаимоотношений анонима с органами, осуществляющими ОРД, бесконтактным способом через сеть Интернет посредством защищенного мессенджера telegram. Для этих целей разработан специальный telegram-бот с именем пользователя ConfidentX_bot.

1. Владимиров С.И. К вопросу о дефиниции «содействие граждан оперативным подразделениям органов внутренних дел» // Актуал. проблемы рос. права. 2017. № 6. С. 195–201.

2. Об оперативно-розыскной деятельности [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь, 15 июля 2015 г., № 307-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2020.

3. Руковишников Г.А. К вопросу о «статусе» анонимного вида содействия в общей системе содействия граждан органам внутренних дел // Проблемы правоохранит. деятельности. 2012. № 1. С. 52–56.

УДК 343.985.5

О.Н. Емец, Д.И. Руснак

ОПЫТ СОВРЕМЕННОЙ УКРАИНЫ В РЕФОРМИРОВАНИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

После распада Советского Союза постсоветским странам вынужденно досталось законодательство, которое в силу коренных преобразований в обществе уже не отвечало новым вызовам и реалиям жизни. Довольно остро встал вопрос о внесении кардинальных изменений для его усовершенствования с целью приведения в соответствие с современны-

ми демократическими требованиями. Особенно это касалось регламентации работы правоохранительных органов, и прежде всего негласной. Кроме того, необходимо было уделить должное внимание защите прав человека при расследовании преступлений, осуществлении правосудия и исполнении наказания.

Со стороны представителей западных государств и правозащитников постоянно звучала критика относительно законодательства в этой сфере, которое во многих аспектах противоречило международным обязательствам. Это, среди прочего, стало приводить к вынесению Европейским судом по правам человека решений в пользу истцов в судебных разбирательствах против ответчиков в лице новообразованных стран. Неоднократные правки, вносимые в существующие кодексы и законы, уже не могли существенно повлиять на ситуацию.

В Украине Закон «Об оперативно-розыскной деятельности» (Закон об ОРД) [1] был принят 18 февраля 1992 г. Кардинальные изменения он претерпел в связи с принятием 13 апреля 2012 г. УПК [2]. Однако попытка адаптации законодательства в сфере оперативно-розыскной деятельности (ОРД) к западным стандартам привела к возникновению организационно-правовых проблем, которые наблюдаются в работе правоохранительных органов и сегодня.

Так, в Украине основания для проведения такой деятельности предусмотрены ст. 6 Закона об ОРД. К ним, в частности, относится наличие достаточной информации о готовящихся преступлениях, полученной в установленном законом порядке, требующей проверки с помощью оперативно-розыскных мероприятий и средств, а также о лицах, готовящих совершение преступления. Гарантии законности при осуществлении такой деятельности расписаны в ст. 9 Закона об ОРД: в каждом случае наличия оснований для проведения ОРД заводится оперативно-розыскное дело. Придерживаясь этих требований, оперативное подразделение при получении в установленном законом порядке достаточной информации о готовящихся преступлениях, требующей проверки с помощью оперативно-розыскных мероприятий и средств, а также о лицах, готовящих совершение преступления, заводит оперативно-розыскное дело и проводит ОРД.

За подготовку к преступлению УК Украины [3] предусматривается ответственность. В соответствии со ст. 13–16 УК окончанным преступлением считается деяние, содержащее все признаки состава преступления, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части УК. Незаконченным преступлением является подготовка к преступлению и покушение на преступление. Лишь подготовка к преступлению небольшой тяжести не влечет за собой уголовной ответственности.

Следовательно, получается, что к уголовной ответственности необходимо привлекать лиц, которые готовят совершение преступления, а подготавливаемые преступления должны быть расследованы. Статьей 214 УПК Украины предусмотрено, что досудебное расследование начинается с момента внесения сведений в Единый реестр досудебных расследований. Следователь, прокурор безотлагательно, но не позднее 24 часов после подачи заявления, сообщения о совершенном уголовном правонарушении или после самостоятельного выявления им из любого источника обстоятельств, которые могут свидетельствовать о совершении уголовного правонарушения, обязан внести соответствующие сведения в Единый реестр досудебных расследований и начать расследование. Следователь, прокурор, другое должностное лицо, уполномоченное на принятие и регистрацию заявлений и сообщений об уголовных правонарушениях, обязаны принять и зарегистрировать такое заявление или сообщение. Отказ в принятии и регистрации заявления или сообщения об уголовном правонарушении не допускается.

Изучение правовых основ работы оперативных подразделений правоохранительных органов показало, что в Украине образовались определенные юридические проблемы, которые не характерны для законодательства других постсоветских стран. В соответствии со ст. 7 Закона об ОРД в случае обнаружения признаков преступления оперативное подразделение, осуществляющее ОРД, обязано безотлагательно направить собранные материалы, в которых зафиксированы фактические данные о противоправных деяниях отдельных лиц и групп, ответственность за которые предусмотрена УК, в соответствующий орган досудебного расследования для начала и осуществления досудебного расследования в порядке, предусмотренном УПК. Исключением может быть только случай, если признаки преступления обнаружены во время проведения оперативно-розыскных мероприятий, прекращение которых может негативно повлиять на результаты уголовного производства. Тогда подразделение, осуществляющее ОРД, сообщает в соответствующий орган досудебного расследования и прокурору об обнаружении признаков преступления, заканчивает проведение оперативно-розыскных мероприятий, после чего направляет собранные материалы с зафиксированными фактическими данными о противоправных деяниях отдельных лиц и групп, ответственность за которые предусмотрена УК, в соответствующий орган досудебного расследования.

Таким образом, в Украине к основаниям для проведения ОРД относится наличие достаточной информации о готовящихся преступлениях, полученной в установленном законом порядке, требующей проверки с

помощью оперативно-розыскных мероприятий и средств, а также лицах, готовящих преступления. При наличии данных оснований оперативное подразделение заводит оперативно-розыскное дело, после чего приступает к ОРД. Поскольку за подготовку к преступлению, кроме небольшой тяжести, наступает уголовная ответственность, необходимо привлекать к уголовной ответственности лиц, готовящих преступления, а подготавливаемые преступления должны быть расследованы, за исключением преступлений небольшой тяжести. Если в собранных материалах ОРД зафиксированы фактические данные о подготовке к преступлению, кроме небольшой тяжести, оперативное подразделение обязано их безотлагательно направить в соответствующий орган досудебного расследования, который должен начать и проводить досудебное расследование.

Следовательно, при реформировании в Украине постсоветского уголовного процессуального законодательства возникли противоречия с уже устоявшимися концептуальными основами ОРД. Теперь сфера уголовного процесса значительно расширяется на негласную работу, вследствие чего возникают юридические проблемы. Существует неопределенность по поводу того, следует ли оперативному подразделению заводить оперативно-розыскное дело и проводить ОРД или направлять материалы о подготовке к преступлению в орган досудебного расследования, кроме небольшой тяжести, т. е. о готовящихся преступлениях, а также о лицах, готовящих преступления.

Для разрешения этой проблемы считаем необходимым внести изменения в действующее законодательство. Одним из предлагаемых путей может стать исключение из перечня оснований для проведения ОРД наличия достаточной информации о готовящихся преступлениях, полученной в установленном законом порядке, требующей проверки с помощью оперативно-розыскных мероприятий и средств, а также о лицах, готовящих преступления. Информация о готовящихся преступлениях, кроме небольшой тяжести, а также о лицах, готовящих преступления, должна немедленно вноситься в Единый реестр досудебных расследований, а подготовка к преступлению должна сразу расследоваться следователем. Эта модель более соответствует работе западных правоохранительных органов.

Другим вариантом может быть исключение такой обязанности оперативных подразделений, как безотлагательное направление в соответствующий орган досудебного расследования материалов, в которых зафиксированы фактические данные о подготовке к преступлению. В этом случае появляется возможность не только завести оперативно-

розыскное дело, но и продолжать проведение оперативно-розыскных мероприятий, по окончании которых надо направить материалы в соответствующий орган досудебного расследования для получения соответствующих результатов.

1. Об оперативно-розыскной деятельности : Закон Украины от 18 февр. 1992 г. № 2135-ХІІ // Ведомости Верхов. Рады Украины. 1992. № 22. Ст. 303.

2. Уголовно-процессуальный кодекс Украины // Голос Украины. 2012. № 90–91.

3. Уголовный кодекс Украины // Ведомости Верхов. Рады Украины. 2001. № 25–26. Ст. 131.

УДК 343.102

Е.П. Заворина, О.А. Комаренко

УСОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО УРЕГУЛИРОВАНИЯ ЧАСТНОЙ ДЕТЕКТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В настоящее время детективная деятельность в Украине является новым видом профессиональной деятельности в сфере противодействия преступности. Но, к большому сожалению, следует констатировать, что правовое урегулирование детективной деятельности как государственных служащих (детективов правоохранительных органов), так и частных детективов в Украине отсутствует, хотя во многих странах частная детективная деятельность легализована и приносит пользу обществу. К таким странам относятся, например, США, Великобритания, Франция, Германия, Канада, Индия, Израиль, Япония, Норвегия, Испания, Италия, Португалия, Мексика, Россия. Так, исследуя мировой опыт в сфере противодействия преступности, мы видим тенденции, связанные с ориентацией развитых стран, где наряду с традиционными полицейскими органами, выполняющими возложенные на них правоохранительные функции, существуют частные организации, которые также могут выполнять эти функции в пределах своей компетенции, для защиты интересов граждан и государства. При этом сотрудники таких негосударственных организаций имеют широкий круг полномочий в своей деятельности, постоянно взаимодействуя с государственными и неправительственными организациями с целью улучшения выполнения своих обязанностей [1, с. 121–125].

Следует отметить, что, например, в США деятельность частных детективов и детективных агентств имеет четкое ограничение. Рассле-

дование тяжких и особо тяжких преступлений, к которым относятся убийства, изнасилования, поджоги и т. п., является исключительно компетенцией полиции. Как правило, к частным детективам обычно обращаются для получения информации о бизнес-партнерах, членах семьи, для проверки сотрудников при приеме на работу, для поиска пропавших лиц и др., т. е. в случаях, которые в основном связаны с частной жизнью или преступлениями в этой сфере.

Проведя анализ действующих нормативных правовых актов, регулирующих деятельность частных детективов в США, К.Л. Бугайчук выделяет некоторые моменты:

не существует единого федерального закона о частной детективной деятельности: правовое регулирование такой деятельности осуществляется в каждом штате отдельно (такой децентрализованный подход позволяет в отдельно взятом штате установить свое нормативно-правовое регулирование детективной деятельности, но при этом позволяет осуществлять определенный государственный контроль за деятельностью таких лиц и организаций);

имеются три основных вида частных детективных организаций: бюро розыска; охранные агентства; службы безопасности в различных промышленных и коммерческих структурах (это, на наш взгляд, позволяет указанным организациям более эффективно выполнять свои функции);

выдается властями в подавляющем большинстве штатов лицензия для осуществления детективных функций (при наличии такой лицензии детектив имеет право заниматься охранно-поисковой деятельностью только на территории того штата, где он получил лицензию) [2, с. 7].

В странах постсоветского пространства ситуация с частной детективной деятельностью сложилась следующим образом. Так, в Республике Беларусь частная детективная деятельность появилась после распада Советского Союза. В это время детективам предоставили определенные права и они активно начали работать и выполнять свои функции. Однако в 1998 г. их деятельность была приостановлена на основании Декрета Президента Республики Беларусь от 23 декабря 1998 г. «О мерах по совершенствованию охранной деятельности в Республике Беларусь» [3]. В настоящее время де-юре частной детективной деятельности в республике не существует, но белорусских частных детективов можно легко найти на просторах сети Интернет. Следует отметить, что подавляющее большинство объявлений размещаются студентами и лицами, для которых частный сыск только хобби и возможность улучшить свои материальное положение. Вторую часть составляют лица, которые ранее работали в правоохранительных органах, уволились или вышли на пенсию.

Такое правовое неурегулирование частной детективной деятельности нередко приводит к негативным последствиям, при этом спрос на услуги частных детективов в настоящее время является крайне высоким как в Беларуси, так и в Украине. Как правило, это обусловлено объективной неспособностью правоохранительных органов оперативно реагировать на все существующие потребности граждан. Впоследствии из-за ненадлежащего правового регулирования белорусские и украинские частные детективы в своем профессиональном стремлении помочь клиентам часто идут на осознанное нарушение закона, что, в свою очередь, а именно правовая неоднозначность, не позволяет частным детективам эффективно взаимодействовать с правоохранительными органами. Например, фотовидеофиксация, сделанная скрытым способом без согласия лица, не может использоваться как доказательство, потому что считается добытой незаконным путем и не может использоваться в суде.

Если взять правовое урегулирование рассматриваемой деятельности в Российской Федерации, она имеет более узаконенное положение. Выдача лицензий на частную розыскную деятельность на определенной территории РФ проводится территориальным органом внутренних дел (ОВД) в пределах его компетенции. ОВД вправе устанавливать достоверность предоставленных претендентом сведений и данных, для этого они проводят собеседование с претендентом. Как и в любой другой работе, существует ряд ограничений относительно выдачи лицензии: возрастное ограничение (старше 21 года), наличие обвинения в совершении преступления или судимости; пребывание на учете в учреждениях здравоохранения в связи с психическими расстройствами или зависимость от наркотических веществ [4]. Кроме того, в РФ существует еще ряд ограничений при осуществлении частной детективной деятельности: запрещается скрывать от правоохранительных органов сведения о подготовке к совершению или уже совершенных преступлениях, о которых стало известно в результате своей деятельности; выдавать себя за сотрудника правоохранительных органов; осуществлять аудиовидеозапись, кинофотосъемку в служебных помещениях без согласия соответствующих должностных или частных лиц; совершать действия, ставящие под угрозу жизнь, здоровье, честь и достоинство и имущество граждан; фальсифицировать материалы или вводить в заблуждение клиента; разглашать собранную информацию, использовать ее в любых целях вопреки интересам своего клиента или в интересах третьих лиц; передавать свою лицензию для использования ее третьими лицами.

Таким образом, деятельность частных детективов или детективных агентств во многих странах является признанной и эффективной прак-

тикой, которая доказала свою целесообразность. В связи с этим считаем необходимым при принятии в Украине соответствующего закона о частной детективной деятельности учитывать положительный зарубежный опыт в этой сфере.

1. Мезенцева І.С. Зарубіжний досвід законодавчого регулювання детективної діяльності та практика його застосування (на прикладі США) : матеріали Всеукраїн. самміту приватних детективів (м. Дніпро, 30 лист. 2017 р.). Дніпро, 2018.

2. Бугайчук К.Л. Інститут приватних детективів за кордоном: порівн.-правовий аналіз // Право і безпека. 2016. № 1. С. 7–13.

3. О мерах по совершенствованию охранной деятельности в Республике Беларусь [Электронный ресурс] : Декрет Президента Респ. Беларусь, 23 дек. 1998 г., № 24. URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=pd9800024> (дата обращения: 27.10.2020).

4. О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации [Электронный ресурс] : Закон Рос. Федерации от 11 марта 1992 г. № 2478-1. URL: <http://docs.cntd.ru/document/9004238> (дата обращения: 27.10.2020).

УДК 343.79

О.Н. Ковалёв

ТИПИЧНЫЕ СПОСОБЫ СОКРЫТИЯ СОТРУДНИКАМИ ЛЕСОХОЗЯЙСТВЕННЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ ФАКТОВ ХИЩЕНИЯ НЕУЧТЕННОЙ ДРЕВЕСИНЫ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ПРОВЕРОК КОНТРОЛИРУЮЩИМИ ОРГАНАМИ

По мнению профильных специалистов и руководства страны, лесная сфера по-прежнему относится к одной из высококорруптированных отраслей экономики. «Бардак полный, взяточник на взяточнике сидит!» – так 2 марта 2018 г. Президент Республики Беларусь А.Г. Лукашенко охарактеризовал ситуацию в лесной сфере в ходе встречи с заместителем Премьер-министра М.И. Русым [1].

Приходится констатировать, что для лесохозяйственных организаций страны все еще характерны многочисленные факты хищения древесины. Только Государственной инспекцией охраны животного и растительного мира при Президенте Республики Беларусь в 2019 г. выявлено более 3 тыс. нарушений правил лесопользования, изъято 2,7 тыс. м³ древесины, транспортируемой без сопроводительных документов, выявлено всего незаконных порубок в объеме 15,5 тыс. м³ [2].

С целью хищения древесины коррумпированными работниками лесохозяйственных учреждений создаются ее излишки. Так, существенно уменьшаются общий объем древесины на делянке и ее качественные характеристики в ходе подсчета леса (сплошной пересчет, закладка пробных площадей, таксация) посредством занижения высоты (разряда высот), диаметра деревьев, их количества (на пробной площади). Данные манипуляции производятся в том числе с использованием возможностей специализированной программы АРМ «Лесопользование», предназначенной для автоматизации оформления документов по заготовке древесины [3].

После начала заготовки древесины образовавшиеся ее излишки, как правило, вывозятся с лесосеки своим частником по договору оказания услуг. С целью сокрытия фактов перемещения неучтенной древесины часто коммерсантом предварительно легально приобретается часть заготовленной древесины, складированной неподалеку от вырубленной делянки, и по одной товарно-транспортной накладной производятся несколько рейсов в день. Таким образом риск задержания сотрудниками Государственной инспекции охраны животного и растительного мира при Президенте Республики Беларусь и привлечения к ответственности виновных лиц сводится к минимуму.

Правоохранительные и контролирующие органы также часто сталкиваются с различными приемами и способами, которые применяют сотрудники лесохозяйственных учреждений с целью сокрытия фактов хищения неучтенной древесины.

Анализ деятельности государственных лесохозяйственных организаций, подведомственных Министерству лесного хозяйства выявил следующие типичные способы и приемы сокрытия указанных правонарушений.

В случае если контролирующим органом выявлено, что рубка леса на делянке с заниженным объемом и качеством древесины еще не начата, все первичные документы причастными лицами уничтожаются, а лесорубочный билет аннулируется руководством лесхоза как подготовленный ошибочно.

Если контролирующим органом затребована документация по уже вырубленной делянке и начат пересчет срубленных деревьев (пней) с целью установления истинного объема вырубленной древесины, ответственными сотрудниками лесхоза производится замена всего пакета документов (акт обследования, пересчетная ведомость, ведомость материально-денежной оценки и др.), за исключением лесорубочного билета, так как он является бланком строгой отчетности. При замене

первичных документов с использованием программы АРМ «Лесопользование» осуществляется «подгонка» количества пней (за счет уменьшения высоты и диаметра) на делянке к объему древесины, указанному в лесорубочном билете. После внесения новых данных в программу АРМ «Лесопользование» автоматически рассчитывается запас древесины (его количество и качество) на делянке и его стоимость (цена леса на корню) с учетом установленных такс, распечатываются новые ведомости материально-денежной оценки.

В случае если после «подгонки» количество реально вырубленной древесины все еще значительно превышает объем, указанный в лесорубочном билете, в срочном порядке готовится новый пакет документов на недостающий объем древесины и руководством лесхоза задним числом выписывается новый лесорубочный билет на оставшуюся разницу.

Все же если контролирующим органом переруб выявляется, руководством лесхоза сообщается об уже начатом административном процессе в отношении неустановленного лица. В таком случае задним числом вносится соответствующая запись в журнал учета правонарушений, изготавливаются соответствующие докладные записки. В последующем административный процесс в отношении неустановленного лица прекращается. Реже по просьбе коррумпированных сотрудников лесхоза вину за незаконную рубку берет на себя доверенный гражданин, штраф за которого уплачивает изначально виновное лицо. Причиненный ущерб в таком случае лесхозом не выставляется. Такая схема позволяет виновным должностным лицам избежать повышенной материальной ответственности в виде большей суммы штрафа, взыскания суммы причиненного вреда, выговора и, как следствие, полного лишения премии. Подобный способ сокрытия приветствуется руководством, так как не ухудшает отраслевой рейтинг организации.

Указанные способы сокрытия хищения неучтенной древесины для проверок контролирующими органами являются универсальными, поскольку могут быть использованы коррумпированными сотрудниками лесохозяйственных учреждений при всех видах рубок.

1. Назначение нового министра лесного хозяйства состоится в ближайшее время, а его деятельность будет находиться «на особом контроле» // Sputnik Беларусь / Belarus. URL: <https://sputnik.by/society/20180302/1033976801/lukashenko-ministerstvo-lesnogo-hozyajstva-naznachenie-rusyj-vstrecha.html> (дата доступа: 21.09.2020).

2. Итоговая коллегия Госинспекции: в приоритете – индивидуальный подход и профилактика // Госинспекция охраны животного и растительного мира : сайт.

URL: <https://www.gosinspekcia.gov.by/news/inspectorate/1129/> (дата обращения: 21.09.2020).

3. Программный продукт АРМ «Лесопользование» // Лесоустроительное республиканское унитарное предприятие «Белгослес» : сайт. URL: <https://belgosles.by/index.php> (дата обращения: 21.09.2020).

УДК 343.98

В.М. Козел

О НРАВСТВЕННОСТИ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В своей служебной деятельности оперативный сотрудник должен неукоснительно соблюдать требования различных законодательных актов и ведомственных инструкций, при этом особая роль отводится Закону Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности», которым строго регламентирована его профессиональная деятельность. Однако сегодня профессионализм оперативного сотрудника воспринимается также и через призму нравственности, что дает нам возможность оценить допустимость тех или иных методов и приемов в оперативно-служебной деятельности с точки зрения морали.

Объектами оперативно-розыскной деятельности являются: конкретное общественно опасное деяние (преступление); преступная деятельность отдельных лиц или преступных групп (организаций); лица, скрывающиеся от органов уголовного преследования и суда; лица, уклоняющиеся от уголовного наказания, ответчики, должники по гражданским делам и без вести пропавшие, а также государственные секреты, события или действия, создающие угрозу национальной безопасности Республики Беларусь. Однако в ходе оперативно-розыскной деятельности могут быть затронуты интересы и лиц, не причастных к указанным лицам или деяниям, совместно проживающих близких родственников и знакомых, защиту прав которых мы должны предусмотреть.

При этом нравственные основы оперативно-розыскной деятельности невозможно исследовать без оценки ее субъекта, так как нравственность проведения оперативно-розыскных мероприятий напрямую зависит от нравственности самого оперативного сотрудника, поэтому, характеризуя его, мы отмечаем привычное отношение к соблюдению требований закона и морали как в целом, так и их отдельных норм.

В ходе подготовки и проведения оперативно-розыскных мероприятий сотрудник принимает решение исходя из своей жизненной позиции, правильности определения им своего места и роли в общественной жизни.

ни, оценки своих действий с точки зрения высших человеческих ценностей.

За последние десятилетия в мире изменился подход к вопросу о предназначении полицейского и детектива (сыщика), деятельность которых теперь рассматривается как часть жизни социума, связанная с ним и представляющая собой осуществление функций по оказанию специфических социальных услуг. В данном аспекте заслуживает внимания Европейский кодекс полицейской этики, принятый Комитетом министров Совета Европы 19 сентября 2002 г.

Вместе с тем мы должны понимать, что принятие данного документа само по себе не означает, что проблема нравственного воспитания сотрудников уже решена. Более того, использование зарубежного опыта должно происходить с учетом национального менталитета и отечественных традиций.

В повседневной служебной деятельности оперативный сотрудник должен соблюдать нормы субъективного права, в том числе не нарушать права и свободы человека и не совершать произвольных или противоправных действий.

Данное положение вошло в Кодекс чести работника органов и подразделений внутренних дел Республики Беларусь, утвержденный приказом МВД Республики Беларусь от 31 августа 1994 г. № 190: «гражданин Республики Беларусь, избравший профессию работника органов внутренних дел, возлагает на себя обязанности всегда соблюдать нравственные нормы поведения, соответствующие общечеловеческим ценностям, беречь честь и достоинство сотрудника службы правопорядка».

Кроме того, сотруднику следует быть чутким и внимательным к людям, особенно при общении с лицами, потерпевшими от преступного посягательства. Его действия должны быть направлены на восстановление нарушенных прав, но при этом стоит проявить сочувствие и сострадание. Сотрудник обязан «принять меры по немедленному оказанию медицинской и другой необходимой помощи лицам, пострадавшим от преступлений, административных правонарушений и несчастных случаев, лицам, находящимся в беспомощном или опасном для жизни или здоровья состоянии» (Закон Республики Беларусь «Об органах внутренних дел Республики Беларусь»), что соответствует международному праву: «к жертвам следует относиться с состраданием и уважать их достоинство» (Декларация основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью, принятая резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 29 ноября 1985 г. № 40/34).

Оперативный сотрудник общается с лицами, которые представляют различные социальные слои населения и отличаются по своему полу, возрасту, положению, уровню интеллекта и материальному достатку. Вместе с тем требуется корректное и внимательное отношение ко всем людям.

Проведение оперативно-розыскных мероприятий не всегда находит понимание в современном гражданском обществе, что, на наш взгляд, вызвано рядом причин, таких как:

- ограничение прав и свобод личности в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий;

- воздействие оперативного сотрудника на личность путем проникновения в ее внутренний мир, принятие решений, влияющих на ее судьбу;

- использование негласных средств и методов борьбы с преступностью, в том числе привлечение лиц, оказывающих содействие на конфиденциальной основе, что не позволяет обществу дать объективную оценку применению тех или иных форм и методов, сил и средств;

- применение мер принуждения.

Важным моментом является определенное противоречие между интересами государства в лице оперативного сотрудника и интересами общества, стоящего за сохранение прав и свобод граждан. Необходимо найти баланс, который позволит раскрывать преступления с использованием адекватных средств, допустимых с точки зрения морали и достаточных для выполнения задач оперативно-розыскной деятельности. Нормы оперативно-розыскного права должны в полной мере располагаться в границах нравственности, чтобы, стремясь к добру и справедливости, сотрудник не сотворил зло.

Целью проведения оперативно-розыскных мероприятий является защита жизни, здоровья, прав, свобод и законных интересов граждан от преступных посягательств, что является глубоко нравственным по своей сути. Данные мероприятия, в свою очередь, выступают средством решения задач в сфере охраны правопорядка и обеспечения законности.

Оперативный сотрудник для достижения указанной цели самостоятельно определяет вид оперативно-розыскных мероприятий, в том числе нарушающих конституционные права граждан. При этом он должен руководствоваться требованиями Закона «Об оперативно-розыскной деятельности» и морально-нравственными нормами, сочетающими представление о хорошей, успешной работе и нравственно допустимом поведении.

Существует риск возможной профессиональной деформации оперативного сотрудника. Практика показывает, что длительное осуществление одной и той же деятельности приводит к появлению ощущения особой усталости и даже сомнения в правильности выбора профессии.

Бессспорно, определенная деятельность накладывает отпечаток на личность человека и даже может менять его поведение. Не является исключением и оперативная работа. Особенности профессии не только не помогают сотруднику развиваться, но и способствуют его деградации как специалиста, изменяя характерные для него качества в противоположную сторону. В подобных случаях мы можем говорить о возникновении профессиональной деформации личности, которая может проявляться в бездействии или даже халатном отношении сотрудника к своим обязанностям, в произвольном толковании законодательных норм и ведомственных инструкций, мнимой убежденности в непогрешимости собственных действий, совершении преступлений с использованием своих служебных полномочий.

Причинами выгорания служат отрицательные факторы самой профессиональной деятельности и окружающей среды. У сотрудника вырабатывается стереотип поведения, вызванный особенностями его работы и доставляющий проблемы ему и окружающим. Оперативный сотрудник привыкает к особенностям работы и часто становится либо равнодушным по отношению к людям, либо, наоборот, раздражительным и нетерпимым, а порой и неоправданно жестоким.

По мнению специалистов, жизненно необходимо большое внимание уделять профилактике профессиональной деформации (выработке профессионального иммунитета, нравственно-психологической устойчивости), делая акцент на необходимости соблюдения присяги и общечеловеческих норм поведения; совершенствованию методов руководства подчиненными сотрудниками и формированию оптимального морально-психологического климата в оперативных подразделениях.

На основании изложенного мы можем сделать вывод о том, что раскрыть квалифицированное преступление без использования методов оперативно-розыскной деятельности практически невозможно, так как проведение комплекса оперативно-розыскных мероприятий является единственной реальной возможностью установления виновных лиц. Поэтому в своей основе действия оперативного сотрудника по борьбе с преступностью отвечают требованиям морально-нравственных норм, так как сама преступность является глубоко аморальной по своей сути.

В.С. Красиков

АКТУАЛЬНАЯ ПЕРСПЕКТИВА СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ НОРМ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОТНОСИТЕЛЬНО ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ

Современная юридическая наука представляет собой сферу человеческой деятельности, направленной на выработку и теоретическую систематизацию объективных знаний об общественных отношениях, закономерностях их возникновения, развития и прекращения. Практическую основу этой научной деятельности составляют сбор фактов, их постоянное обновление, систематизация и критический анализ, результатом чего является синтез новых знаний или обобщений, которые не только описывают наблюдаемые общественные явления, но и позволяют установить их причинно-следственные связи, а также прогнозировать их дальнейшее развитие.

Задача науки оперативно-розыскной деятельности (ОРД) состоит в том, чтобы, используя универсальный метод познания, а также общенаучные методы, глубоко исследовать закономерности, складывающиеся в сфере ее интересов, в целях развития науки и гармонизации законодательства, регламентирующего систему противодействия преступности, а также безопасность общества и государства. С этой точки зрения ОРД можно рассматривать как специфическую систему правовых, организационных, социальных и финансово-экономических отношений, создаваемых для решения конкретных задач противодействия преступности уполномоченными государственными органами (оперативными подразделениями).

Научная разработка проблем ОРД в современных условиях ведется в рамках уточнения и совершенствования дефиниций в законодательстве. Научное определение ОРД, закрепленное в Законе Республики Беларусь 15 июля 2015 г. № 307-З «Об оперативно-розыскной деятельности», создало актуальные направления для развития общественных отношений в сфере противодействия преступлениям.

В настоящее время ОРД определяется как деятельность, осуществляемая с соблюдением конспирации, проведением оперативно-розыскных мероприятий гласно и негласно. Приведенная конструкция, если понимать ее как набор обязательных признаков, однозначно показывает, что ОРД неразрывно связана и отождествлена с проведением оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ), более того, они и отношения, складывающиеся при их проведении, и есть ОРД.

В этой связи ОРМ, как юридически оформленное понятие, находясь в состоянии взаимодействия с юридическими понятиями уголовного и уголовно-процессуального права, должно иметь тенденцию к унификации либо гармонизации. Научная разработка может вестись по уточнению либо совершенствованию дефиниций в законодательстве; по процедурным вопросам в рамках уголовного процесса с целью использования полученных в ходе проведения ОРМ материалов в качестве источников доказательств.

Относительно законодательного оформления ОРМ следует отметить следующее. Ряд формулировок, обозначающих название мероприятий и их содержание, отражают узко профессиональный интерес в законодательской сфере. Так, в настоящее время имеются предложения о совершенствовании оперативно-розыскного законодательства в части «получения оперативной информации с компьютеров, не подключенных к сетям электросвязи и используемых лицами, представляющих оперативный интерес как накопители информации... На таких электронных накопителях эти лица хранят номера банковских счетов, информацию об оффшорных зонах, движение неучтенного капитала, адреса своих клиентов...» [1]. В этой связи А.А. Будкевич предлагает новацию – самостоятельное ОРМ, именуемое «снятие (либо обнаружение, копирование) и преобразование компьютерной информации с компьютеров, не подключенных к сетям электросвязи». Можно предположить, что автор размышляет в логике российского законодателя, который в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности дополнил этот перечень мероприятием, названным „получение компьютерной информации“» [2, с. 255].

Подобный подход к формулированию названий ОРМ и их дефиниций является дискуссионным в силу ряда обстоятельств: во-первых, в законодательство внедряются специфические термины, предполагающие неоднозначное толкование (снятие, получение, обнаружение); во-вторых, не прописываются способы получения информации; в-третьих, не понятен термин «компьютерная информация» в его криминалистическом и процессуальном значении. Список дискуссионных позиций можно продолжать далее.

По нашему мнению, есть и иной путь совершенствования законодательства – его гармонизация исходя из тех понятий, которыми оно оперирует и которые уже имеют легальное толкование. Этот способ разрешения противоречий основывается на учете формулировок уголовного закона. Например, в УК Республики Беларусь в ст. 349 говорится о несанкционированном доступе к информации, хранящейся в компью-

терной системе, сети или на машинных носителях, либо о перехвате информации, передаваемой с использованием средств компьютерной связи; часть диспозиции ст. 352 определяется как несанкционированное копирование, либо иное неправомерное завладение информацией, хранящейся в компьютерной системе, сети или на машинных носителях, либо перехват информации, передаваемой с использованием средств компьютерной связи.

Следовательно, если действия и конечный результат в этом отношении понятен законодателю, то искомое название ОРМ логично формулировать как санкционированный доступ и правомерное завладение. Этот подход позволяет разрешать все сомнения о сути проводимого мероприятия, способах получения конечного продукта (данных), а также о способах исследования их достоверности, что при необходимости может оценить эксперт, следователь, прокурор и суд.

Предлагаемый способ гармонизации законодательства не претендует на оригинальность исходя из того, что нечто подобное существует в законодательстве европейских государств. Так, А.А. Трефилов пишет: «...характерной особенностью швейцарского законодательства является отсутствие обособленной оперативно-розыскной деятельности, выведенной за рамки уголовно-процессуального регулирования. По мнению законодателя этой страны, все действия, направленные на выявление, раскрытие и расследование преступлений, имеют единые уголовно-процессуальные (криминалистические) корни, в связи с чем отсутствует необходимость в их дифференциации» [3, с. 274].

Относительно ОРМ «оперативный эксперимент» необходимо отметить, что формулировка ч. 1 ст. 34 Закона «Об оперативно-розыскной деятельности» звучит очень проблематично, особенно с учетом дефиниции ст. 396 «Инсценировка получения взятки, незаконного вознаграждения или коммерческого подкупа» УК. Следует признать, что используемое в ОРМ слово «эксперимент» не соответствует научному наполнению (это не метод познания, а некое вовлечение под контролем), а также уголовно-процессуальному пониманию эксперимента (когда в определенной обстановке проводится несколько опытов).

С нашей точки зрения, для понимания сущности оперативного эксперимента следует обратиться к отношениям, возникающим в процессе ОРД, в практике правоохранительной деятельности, например Литовской Республики. Так, в 1999 г. в рамках проведения ОРМ по изобличению в преступной деятельности (коррупции) работника прокуратуры сотрудники службы специальных расследований обратились к заместителю генерального прокурора с ходатайством о даче санкции на ис-

пользование имитационной модели уголовно наказуемого деяния (получения взятки), которая понимается как «совокупность действий, создающих элементы состава преступления, санкционированных в целях защиты интересов государства, общества или личности» [4, с. 221–222]. Эта формулировка решает проблемы отграничения санкционированных действий от провокации и подстрекательства к преступной деятельности и позволяет предметно понимать, какая именно модель и какого преступления будет создаваться, какие действия будут документироваться.

Такая перспектива совершенствования оперативно-розыскного законодательства относительно целей, задач ОРД, определений и содержания ОРМ позволяет гармонизировать отдельные положения уголовного и уголовно-процессуального законодательства и эффективно решать задачи правоохранительной деятельности.

1. Осипенко А.Л. Новое оперативно-розыскное мероприятие «получение компьютерной информации»: содержание и основы осуществления [Электронный ресурс]. URL: https://vimvd.ru/upload/iblock/734/вестник3_2016.pdf (дата обращения: 06.09.2020).

2. Будкевич А.А. О совершенствовании законодательства в области оперативно-розыскной деятельности // Концептуальные основы современной криминалистики: теория и практика : материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 95-летию со дня рождения заслуж. деятеля науки Респ. Беларусь д-ра юрид. наук, проф. А.В. Дулова, Минск, 25 окт. 2019 г. Минск, 2019. С. 253–256.

3. Трефилов А.А. Негласные следственные действия: опыт Швейцарии // Концептуальные основы современной криминалистики: теория и практика : материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 95-летию со дня рождения заслуж. деятеля науки Респ. Беларусь д-ра юрид. наук, проф. А.В. Дулова, Минск, 25 окт. 2019 г. Минск, 2019. С. 274–280.

4. Европейская конвенция по правам человека и уголовное правосудие : сб. материалов / под общ. ред. В.В. Филиппова ; науч. ред. А.Е. Вашкевич ; предисл. Т. Термачич. Минск, 2012.

УДК 343.985.8

А.О. Мартынов

ПРИЗНАКИ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ В ТЕОРИИ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Проблемам использования специальных знаний в научной литературе уделялось немало внимания. Понятие специальных знаний, а также особенности их использования изучались в основном в сфере уголовно-процессуального права и криминалистики. В то же время не-

которые аспекты определения признаков специальных знаний являются дискуссионными, ввиду чего целесообразно раскрыть их и в разрезе оперативно-розыскной деятельности (ОРД).

В законодательстве Республики Беларусь нет единой позиции относительно того, какими знаниями должен обладать специалист. Так, в соответствии со ст. 62 УПК, ст. 4.8 ПИККоАП, ст. 10 Закона «Об оперативно-розыскной деятельности» (Закон об ОРД) специалист обладает специальными знаниями; в ст. 71 ХПК Республики Беларусь указано, что специалистом может выступать лицо, обладающее необходимыми знаниями; ст. 24 Закона «О конституционном судопроизводстве» упоминает о специалисте как о лице, обладающем специальными познаниями; ст. 99 ГПК определяет специалиста как лицо, обладающее познаниями эксперта (эксперт, в свою очередь, обладает специальными познаниями). В то же время приведенные нормативные правовые акты Республики Беларусь не содержат легитимных определений рассматриваемых терминов, что, по нашему мнению, вызывает неоднозначность в их понимании, а значит, и использовании.

Как видим, наиболее часто в законодательстве употребляются термины «специальные знания» и «специальные познания». С целью разграничения рассматриваемых дефиниций целесообразно прибегнуть к их толкованию. Термин «знание» определяется как «результаты познания, научные сведения; совокупность сведений в какой-нибудь области» [1, с. 231], в то время как «познание» – «приобретение знания, постижение закономерностей объективного мира; совокупность знаний в какой-нибудь области» [1, с. 548]. Таким образом, знание представляет собой совокупность сведений в какой-либо области, в то время как познание – процесс постижения знания.

Одними из первых термины «специальные знания» и «специальные познания» сопоставили В.Д. Арсеньев и В.Г. Заблоцкий. По их мнению, специальные знания представляют собой систему полученных ввиду практической и научной деятельности сведений, зафиксированных в научной литературе (пособия, инструкции, наставления и др.), специальные познания – полученные в результате обучения (теоретического и практического) определенному виду деятельности знания, а также необходимые навыки для осуществления такой деятельности [2, с. 4]. Мы считаем, что термин «знания» охватывает не всю совокупность сведений, а непосредственно ту их часть, которую субъект не только усвоил, но и может использовать, в то время как под познанием следует понимать процесс получения, обработки и применения этих сведений, т. е. знаний.

Большинство ученых в своих работах использовали в качестве исходных приведенные в 1967 г. А.А. Эйсманою признаки специальных знаний: «знания не общеизвестные, не общедоступные, не имеющие массового распространения» [3, с. 91]. Однако некоторые авторы не разделяют приведенную точку зрения. В частности, З.М. Соколовский полагал, что, определяя специальные знания, недостаточно противопоставлять их общеизвестным, общедоступным и общепринятым, ввиду чего относил те или иные знания к числу специальных в зависимости от того, «в границах общего или специального образования изучаются закономерности, решаемые в конкретном случае» [4, с. 8]. По нашему мнению, в современных реалиях обозначить границы общеизвестного и общедоступного знания весьма сложно. В настоящее время у любого пользователя, подключенного к глобальной сети, имеется доступ к значительному объему информации о фактах, явлениях, событиях, ввиду чего субъекту становится возможным получить необходимые достоверные сведения, расширив при этом свое обыденное знание. Кроме того, знание, общеизвестное для одного субъекта, может являться специальным для другого. Нам видится, что при осуществлении ОРД вопрос отграничения общеизвестного знания от специального решается оперативным сотрудником. Следовательно, все знания, которые для него не являются общеизвестными и общедоступными, могут приобрести статус специальных.

В научной литературе встречается теория, что термин «специальные знания» произошел от понятия «специальность», т. е. «профессия». Р.С. Белкин отмечал, что специальные знания приобретаются лицом «в процессе практической деятельности путем специальной подготовки или профессионального опыта, основанные на системе теоретических знаний в определенной области» [5, с. 399]. Мы считаем, что профессиональное образование является достаточно важным признаком специальных знаний, так как знание не появляется у лица само по себе: его приобретению предшествует определенная подготовка. Кроме того, субъекту недостаточно лишь получить знание, его также необходимо совершенствовать, дополнять, углублять и расширять.

Следует отметить, что появление у субъекта специальных знаний может произойти не только в результате профессиональной (теоретической и практической) подготовки, но и личного (самостоятельного) обучения. Так, при осуществлении ОРД может возникнуть потребность в привлечении лиц, обладающих специальными знаниями, но не имеющих профессионального образования и (или) соответствующей теоретической подготовки, но в то же время способных использовать специ-

альные знания, полученные в результате самостоятельной практической деятельности. Практике известны случаи привлечения в качестве специалистов сапожников, стеклодувов, филателистов и других лиц, являющихся узкими специалистами своего дела [6, с. 6]. Таким образом, для решения задач ОРД целесообразно привлекать компетентных специалистов, т. е. прошедших необходимую профессиональную подготовку и (или) имеющих достаточный практический опыт.

Определяя признаки специальных знаний, ученые выделяют цели их использования: всестороннее, полное и объективное выяснение обстоятельств, входящих в предмет доказывания; содействие раскрытию и расследованию преступлений; обеспечение гарантии получения надлежащих доказательств; увеличение их числа и расширение их круга; собирание доказательственной и ориентирующей информации о преступлении; разработка технических средств и приемов работы с доказательствами; получение доказательственной, оперативно-розыскной и иной информации, требуемой для раскрытия и расследования преступлений и др. По нашему мнению, рассматриваемый признак играет существенную роль, так как посредством его подчеркивается специфика привлечения специалиста. Видится, что целью использования специальных знаний в ОРД должно быть решение ее задач.

В настоящее время, благодаря научно-техническому прогрессу, появляются новые виды профессионального труда, а значит, и новые специальности. При выявлении (раскрытии) преступлений могут возникнуть ситуации, требующие привлечения специалистов любой профессиональной области, ввиду чего оперативному сотруднику могут потребоваться специальные знания, относящиеся к различным областям спорта, коллекционирования, обычаев, религии, профессиональных навыков и др. На наш взгляд, деление специальных знаний на сферы деятельности позволяет определить основные источники получения информации. Однако область использования специальных знаний намного шире, поэтому мы полагаем, что основные сферы деятельности не следует называть простым перечислением ввиду постоянной динамики развития современного мира, ибо то, что было актуально несколько лет назад, может не быть востребованным в настоящее время.

Обобщая изложенное, можно выделить следующие признаки, определяющие сущность и содержание специальных знаний в ОРД: специальные знания представляют собой сведения в какой-либо сфере деятельности; они получены в результате профессиональной подготовки и (или) практического опыта; целью их использования является решение задач ОРД; содержанием специальных знаний являются конкретные области.

Мы считаем, что предложенные признаки могут быть использованы как содержательная основа определения понятия «специальные знания» в ОРД, в связи с чем предлагаем дополнить ст. 2 Закона об ОРД следующим абзацем:

специальные знания – полученные в результате профессиональной подготовки и (или) практического опыта достоверные сведения в какой-либо области, необходимые для решения задач оперативно-розыскной деятельности.

По нашему мнению, предложенное определение отражает сущность и содержание специальных знаний в ОРД, будет способствовать совершенствованию оперативно-розыскного законодательства. Одновременно правовые, тактические, организационные основы привлечения специалиста в ОРД, а также другие аспекты использования специальных знаний при осуществлении ОРД остаются дискуссионными и требуют дальнейшей подробной теоретической разработки.

1. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеол. выражений. М., 1999.

2. Арсеньев В.Д., Заблоцкий В.Г. Использование специальных знаний при установлении фактических обстоятельств уголовного дела. Красноярск, 1986.

3. Эйсмэн А.А. Заключение эксперта. Структура и научное обоснование. М., 1967.

4. Соколовский З.М. Проблемы использования в уголовном судопроизводстве специальных знаний при установлении причинной связи явлений (криминалистическое и процессуальное исследование) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Харьков, 1968.

5. Криминалистика : учеб. для вузов / Т.В. Аверьянова [и др.] ; под ред. Р.С. Белкина. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2003.

6. Соколов А.Ф., Ремизов М.В. Использование специальных знаний в уголовном судопроизводстве : учеб. пособие. Ярославль, 2010.

УДК 316.42:316.61-049.5

А.В. Мельковский

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ОБЩЕСТВА И ЛИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ СУЩЕСТВУЮЩИХ СОВРЕМЕННЫХ УГРОЗ

Вопросы безопасности общества и личности в современных условиях по-прежнему сохраняют свою актуальность. В период системного развития глобальной экономики и перманентного кризиса существую-

щих экономических систем проблемы обеспечения безопасности общества и отдельной личности выходят на первый план. Это обусловлено появлением новых рисков и угроз во всех без исключения сферах жизни человечества, возрастанием нестабильности и неопределенности.

Существующие факторы угроз безопасности личности и общества провоцируют возникновение и динамическое распространение различных негативных эмоций и явлений, приводящих к состоянию социальной незащищенности значительной массы людей и всего общества.

Безопасность личности и наличие угроз для нее прямо связаны с такими понятиями, как тревога, страх, паника. Состояние тревоги является наивысшей ступенью утраты социальной безопасности личности во всех существующих сферах ее бытия. Высокий уровень тревоги действует разрушительно на такой обязательный фактор социальной безопасности, как социальная ответственность личности перед обществом. Следует отметить, что чувства тревоги и беспокойства могут иметь реальную причину или же быть беспричинными, не имеющими под собой реальных оснований.

В отличие от тревоги состояние страха осуществляет разрушительное действие непосредственно на личность, что приводит к полной разбалансировке ее социальной безопасности. Страх негативно отражается на поведении людей, повышая различные риски, создавая благодатную почву для совершения ошибок при принятии решений, что ведет к неудачным результатам любого вида деятельности.

Пребывая в страхе, личность находится в состоянии стресса, из-за чего оказывается психологически незащищенной и легко поддается внешнему информационному влиянию.

Одним из видов реакции на состояние страха является паника. По сути, это один из древних способов защиты личности при столкновении с чем-то непонятным и неизведанным. Панику определяют как неожиданный, неосознанный страх, сопровождающийся состоянием тревоги перед реальной или же предполагаемой, а может, и мнимой угрозой. Подвергаться панике могут как отдельная личность, так и целая группа (толпа) людей.

В современных условиях существования кризисных явлений, тотального влияния информационного пространства на любую личность почти в любой точке нашей планеты указанные психоэмоциональные состояния становятся широко распространенными. В связи с этим перед обществом и государством стоит задача по принятию различных ответственных мер для обеспечения гарантированного состояния безопасности личности и общества в целом.

Оценивая возможные риски и последствия негативного влияния на состояние безопасности, следует обратить внимание на возможности специальных служб и оперативных подразделений правоохранительных органов при формировании системы способов защиты и влияния на безопасность как личности, так и общества в целом.

В арсенале специальных служб и оперативных подразделений есть достаточно средств и методов, использование которых позволит формировать влияние на общую ситуацию обеспечения безопасности и предупреждать возникновение указанных выше психоэмоциональных реакций в обществе. В период набравшей обороты информационной войны своевременное точечное использование средств и методов оперативно-розыскной деятельности может сыграть существенную роль в нормализации общей обстановки социального равновесия и преодоления последствий тревоги и страха отдельной личности и общества.

Среди основных признаков понятия безопасности можно выделить следующие: общее состояние защищенности системы (объекта); отсутствие или наличие угроз; способность системы (объекта) сохранять свою сущность в условиях разрушительных воздействий внешних или внутренних факторов (гомеостаз); свойство системы, построенное на принципах саморегуляции, самоорганизации, целостности и структурной устойчивости; гарантия обязательной защищенности как необходимое условие жизнедеятельности личности и общества.

Виды безопасности возможно различать по таким параметрам: субъекту защиты; объекту защиты; средствам и способам защиты; направленности воздействия на объект защиты; характеру угроз.

При оценке безопасности следует раскрыть суть противоположного ей понятия. Так, опасность может быть абстрактной, конкретной, или реальной.

Абстрактная опасность – такая опасность, возможность возникновения которой в данный период оценки ограничена отсутствием соответствующих условий. С наличием этих условий и адресной ориентированности возникает конкретная опасность. Конкретная (реальная) опасность существует объективно и обусловлена целенаправленным действием или бездействием, поэтому она является угрозой для субъекта.

Любая опасность содержит в себе потенциальную угрозу, но в угрозу превращается не каждая.

Между имеющейся опасностью и полной безопасностью имеется временной промежуток вероятного преобразования опасностей в угрозы. Устранение и ликвидация этих опасностей и угроз соответствующи-

ми ситуации способами и мерами выражается в реальном процессе обеспечения безопасности специализированными структурами государства и общества.

Таким образом, деятельность соответствующих структур по обеспечению безопасности заключается в процедуре осознания и оценки опасностей, угроз, рисков и вызовов. Эта практическая деятельность является исходным моментом в процессе противодействия указанным негативным факторам.

Вообще опасность для личности, как понятие, имеет много значений: это объективно существующая возможность негативного влияния на состояние личности, в результате которого ей может быть нанесен какой-либо ущерб; это возможность или предчувствие возможности причинения негативных для субъекта последствий; это возможные или реальные явления, события и процессы, способные уничтожить субъект либо нанести ему вред любым способом.

При рассмотрении вопросов безопасности личности следует обратить внимание на следующие тенденции: изменение приоритета безопасности государств на безопасность личности; законодательное закрепление обязательства государства и повышения его роли в предоставлении соответствующих гарантий безопасности граждан; формирование многих проблем, связанных с безопасностью личности и общества, вне территории государства, в связи с чем им категорически сложно противодействовать.

При оценке безопасности, как правило, различают такие ее уровни: идеальный (абсолютная безопасность) (характеризуется отсутствием опасностей и угроз со стороны того или иного объекта; в целом данный уровень носит временный характер);

фактический (реальная безопасность) (безопасность, особенностью которой является наличие объективно существующих угроз и опасностей; показывает реальные возможности противостоящих указанным негативным факторам сил);

достаточный (приемлемая безопасность) (состояние, которое удовлетворяет потребностям устойчивого развития того или иного объекта);

предельный (минимально допустимая безопасность) (состояние, при котором дальнейшее влияние опасностей и угроз может повлечь потерю существенных свойств, внешней и внутренней целостности);

иллюзорный (мнимая, ложная безопасность) (неправильное, неадекватное восприятие субъектом отсутствия или наличия реальных опасностей и угроз (неадекватное отражение)).

Таким образом, безопасность – объективное состояние жизнедеятельности отдельной личности, общества, государства. Специфика безопасности определяется спецификой опасностей и угроз и средствами реагирования по их устранению. Безопасность личности и общества следует рассматривать не только как состояние стабильности и прочности, но и как системное свойство, которое способствует прогрессивному их развитию.

УДК 351.745.7

И. Милчи

РОЗЫСК ПРЕСТУПНИКОВ

Поведение лиц после совершения уголовного преступления в смысле (не)избежания судебного разбирательства и (не)исполнения наказания в виде лишения свободы отличается. Некоторые исполнители уголовных преступлений хотят, чтобы уголовное разбирательство против них как можно скорее прекратилось и чтобы они как можно скорее начали отбывать наказание. Даже во время уголовного процесса подсудимый страдает от последствий этого процесса. Есть также преступники, которые по разным причинам сами заявляют о совершении преступления. Такое поведение впоследствии может повлиять на индивидуализацию наказания в виде лишения свободы в процессе вынесения приговора и его исполнения.

В то же время есть преступники, которые всеми возможными способами пытаются избежать уголовного преследования и исполнения наказания в виде лишения свободы. Они делают это по-разному, в зависимости от того, были они идентифицированы как преступники или еще нет. Некоторые люди пытаются всеми возможными способами скрыть преступление и себя как преступника. Например, если следствием установлено, что они являются исполнителями уголовных преступлений, они, например скрываясь, пытаются избежать судебного разбирательства.

Невозможно заранее сказать, кто исполнители уголовных преступлений, которые всеми возможными способами пытаются уйти от правосудия, а также сколько таких лиц. Понятно, что государство не может наказывать каждого, кто совершает преступление. Определенное количество лиц, совершивших преступление, остаются неустановленными, против этих лиц не ведется судебный процесс, или вынесенный им приговор не приводится в исполнение.

Понятно, что цель розыска преступников – найти их для разбирательства или исполнения приговора к лишению свободы. Укрыватель-

ство лиц, подлежащих судебному разбирательству, не является уголовным преступлением (за исключением случаев, когда они совершают уголовное преступление во время укрывательства), но такое поведение может впоследствии повлиять на индивидуализацию наказания или применение определенных мер, которыми обеспечивается присутствие этих лиц в суде. Если осужденный не явится для отбытия наказания, это также не является уголовным преступлением, но может повлиять на положение осужденного в пенитенциарном учреждении. Побег из тюрьмы может быть квалифицирован как уголовное преступление или дисциплинарное правонарушение, но такое поведение осужденного обязательно повлияет на ухудшение его правового положения во время отбывания наказания. Из-за такого поведения осужденный может быть переведен в отдел пенитенциарного учреждения более строгого режима или пенитенциарное учреждение более строгого режима, а также могут быть ограничены определенные права и льготы, влияющие на его жизнь в тюрьме.

У государства имеются свои механизмы розыска лиц, пытающихся уйти от ответственности. Для розыска преступников в Республике Сербия важны прежде всего один кодекс и два закона; документы, содержащие положения о розыске определенных лиц, которые пытаются избежать уголовного преследования или исполнения приговора к лишению свободы. Понятие розыска лиц в данных нормативных правовых актах отличается в первую очередь с точки зрения органа, компетентного принимать решение об осуществлении розыска лица, совершившего уголовное преступление, а также от правового статуса разыскиваемого лица.

Согласно Закону Республики Сербия «О полиции» полиция объявляет в розыск лицо, подозреваемое в совершении уголовного преступления, за которое оно преследуется, по должности. В данном случае речь идет о лице, в отношении которого есть определенная степень подозрения в том, что оно совершило преступление. Следует также отметить, что полиция может публично объявить вознаграждение за уведомление об обнаружении данного лица, и провести его арест с более серьезными последствиями [1].

В УПК закреплено, что существуют два этапа розыска, а именно выдача розыскной ориентировки и объявление лиц в розыск.

Выдача ориентировки может быть вынесена: если обвиняемый, против которого возбуждено уголовное дело, находится в бегах; если уголовное разбирательство возбуждено по уголовному правонарушению, за которое его преследуют по должности, и имеется приказ о его доставке или решение о задержании. Выдача ориентировки производит-

ся судом, в котором ведется уголовное дело. Суд принимает решение о выдаче ориентировки приказом, который направляет в полицию для исполнения.

Объявление в розыск осуществляется компетентной полицией по местонахождению суда, в котором ведется уголовный процесс, что полностью оправдано. Есть несколько особенностей в связи с объявлением лиц в розыск.

Во-первых, для информирования общественности о розыске могут быть использованы СМИ, если предполагается, что граждане могут предоставить важную информацию о лице, объявленном в розыск.

Во-вторых, если существует вероятность, что лицо, объявленное в розыск, находится за границей, МВД Сербии может объявить его в международный розыск при наличии согласия Министерства юстиции Сербии.

В-третьих, существует правило, когда объявление в розыск может (следовательно, не должно) осуществляться по запросу иностранного органа МВД о розыске лица, подозреваемого в нахождении в Республике Сербия, если запрос содержит заверение в том, что при обнаружении лица будет направлено требование о его выдаче [2].

Закон Республики Сербия «Об исполнении уголовных санкций» содержит положения об объявлении осужденных лиц в розыск. В связи с объявлением в розыск осужденных лиц существуют две ситуации, различающиеся тем, отбыл осужденный наказание или нет.

Осужденный, ожидающий отбытия наказания на свободе, должен быть направлен компетентным судом для отбытия наказания. Он должен явиться для отбытия наказания в день, указанный в судебном ордере. Однако если осужденный не явится для отбытия наказания в виде лишения свободы, пенитенциарное учреждение, где осужденный должен отбывать наказание, немедленно сообщает об этом компетентному суду, который поручает его розыск. Некоторые осужденные пытаются или успевают совершить побег из пенитенциарного учреждения. Такое поведение квалифицируется как уголовное преступление или дисциплинарное правонарушение [3]. В случае побега осужденного необходимо принять все меры, чтобы найти его и вернуть в пенитенциарное учреждение для отбытия наказания. Одной из мер, направленных на розыск осужденных, является выдача розыскной ориентировки тюремным начальником.

Объявление в розыск должно быть отозвано в соответствии с условиями, установленными законом, в случае, если разыскиваемое лицо найдено, либо истечет срок давности уголовного преследования, или

срок давности исполнения уголовных санкций, либо по другим причинам, по которым объявление в розыск больше не нужно.

1. О полиции : Закон Респ. Сербия // Офиц. вестн. Респ. Сербия. № 6/2016, 24/2018, 87/2018.

2. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Сербия // Офиц. вестн. Респ. Сербия. № 72/2011, 101/2011, 121/2012, 32/2013, 45/2013, 55/2014, 35/2019.

3. Об исполнении уголовных санкций : Закон Респ. Сербия // Офиц. вестн. Респ. Сербия. № 55/2014, 35/2019.

УДК 343.851

А.А. Нуредин

ЗНАЧЕНИЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ И ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ПРОЦЕССЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Важная роль в решении задач по предупреждению пенитенциарных преступлений принадлежит сотрудникам правоохранительных органов, осуществляющим уголовно-процессуальную и оперативно-розыскную деятельность. В учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы данная деятельность является специфической, так как взаимодействие происходит не внутри одного ведомства (МВД Российской Федерации), а между различными органами исполнительной власти: органами предварительного расследования МВД Российской Федерации и органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность в уголовно-исполнительной системе России.

Уголовно-процессуальная деятельность чаще всего понимается как деятельность определенного круга субъектов, органов предварительного расследования, направленная на оперативное раскрытие и качественное расследование преступлений, с одной стороны, и на предупреждение совершения новых, с другой.

Оперативно-розыскная деятельность имеет своим прямым назначением организацию деятельности оперативных сотрудников (иных лиц, имеющих право на организацию оперативно-розыскной деятельности) по проведению оперативно-розыскных (разведывательных, поисковых) мероприятий с целью раскрытия и предупреждения преступлений. Часто данная деятельность имеет скрытый, негласный характер.

В процессе расследования преступлений применяются различные средства и методы, определяемые уголовно-процессуальным законодательством и имеющие процессуальный характер, иначе информа-

ция, полученная посредством их, не будет иметь доказательственного значения. Средства оперативно-розыскной деятельности, естественно, используются в процессе раскрытия и расследования преступлений, но они либо имеют ориентирующий характер, либо должны быть в последующем закреплены в установленной законодательством уголовно-процессуальной форме.

В процессе предупреждения преступлений все обстоит немного по-другому. Уголовно-процессуальное предупреждение преступлений осуществляется на основании п. 2 ст. 73 и п. 2 ст. 158 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. В ходе выявления обстоятельств, способствовавших совершению преступлений, использование оперативно-розыскных средств и мер иногда является очень эффективным. С одной стороны, данная деятельность может проводиться негласно, что способствует получению более значимых и оперативных данных, а с другой – оперативно-розыскная деятельность может в полном объеме проводиться и до возбуждения уголовного дела.

Важным отличием предупредительной деятельности в учреждениях уголовно-исполнительной системы является то, что в их состав включены оперативные сотрудники на постоянной, штатной основе. Действительно, оперативные сотрудники учреждений уголовно-исполнительной системы обладают не совсем сходными полномочиями с оперативными сотрудниками органов внутренних дел. Но их постоянное нахождение на территории конкретного исправительного учреждения или следственного изолятора, работа именно с теми осужденными или лицами, заключенными под стражу, которые готовятся совершить или совершают преступление, позволяет в полном объеме и с максимальной эффективностью вести работу по выявлению обстоятельств, способствовавших совершению преступлений.

В ходе предупреждения именно пенитенциарных преступлений возможно проведение различных режимных мероприятий, которые позволяют получить большой комплекс информации о совершаемом или совершенном преступном деянии в кратчайшие сроки. Не всегда результаты проведения режимных мероприятий можно использовать в качестве доказательств по расследуемому преступлению, но они всегда способствуют выяснению обстоятельств совершенного преступления.

Оперативные сотрудники учреждений уголовно-исполнительной системы на основании результатов оперативно-розыскных и режимных мероприятий готовят плодотворную почву не только для более быстрого раскрытия и качественного расследования конкретного пенитенциарного преступления, но уже до прибытия следователя могут выяснить и определить обстоятельства, способствовавшие совершению преступления.

С теоретической точки зрения аспекты организации и осуществления взаимодействия уголовно-процессуальной (органы предварительного расследования) и оперативно-розыскной деятельности (оперативные подразделения уголовно-исполнительной системы) – краеугольный камень, лежащий в основании успеха достижения целей уголовно-исполнительного законодательства в сфере предупреждения пенитенциарных преступлений. Научная разработка данной проблематики в настоящее время находится на должном уровне. Тем не менее возникают проблемы не только в организации непосредственного взаимодействия, но и в правовой природе данной деятельности. Одним из таких проблемных вопросов является определение уголовно-процессуальной компетенции должностных лиц учреждений и органов уголовно-исполнительной системы [1, с. 114]. Стоит отметить, что даже возможное решение правовых проблем не будет являться залогом успеха в деле борьбы с пенитенциарной преступностью. Важно также владеть навыками в принятии решений (в аспекте взаимодействия) и постоянно вести работу по совершенствованию взаимодействия уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельности.

Взаимодействие органов предварительного расследования и оперативных подразделений уголовно-исполнительной системы [2, с. 84] в сфере предупреждения пенитенциарных преступлений может быть организовано не только при выявлении обстоятельств, способствовавших совершению преступлений, но и в совместном обобщении и изучении данных о состоянии преступности, в проведении организационных мероприятий по улучшению работы структурных подразделений исправительных учреждений и следственных изоляторов, в изучении и распространении передового опыта.

Необходимо отметить, что главным важным аспектом взаимодействия станет согласование по целям, задачам, месту, времени и особенностям деятельности органов предварительного расследования и оперативных подразделений уголовно-исполнительной системы, направленное на раскрытие и расследование совершенных преступлений и предупреждение совершаемых или новых (как одного из аспекта всей уголовно-процессуальной деятельности).

Казалось бы, что уголовно-процессуальная и оперативно-розыскная деятельность имеют много общего, так как направлены на достижение единых целей. Тем не менее с точки зрения права общее у них одно – оба вида деятельности проводятся на основании закона и при строгом соблюдении норм права, в остальном же данные виды деятельности имеют множество различий.

На основании изложенного можно отметить, что предупреждение пенитенциарных преступлений будет проходить более эффективно при слаженном, оперативном и постоянном взаимодействии органов предварительного расследования и оперативных подразделений уголовно-исполнительной системы [3, с. 298].

1. Воеводина И.В., Шурухнов Н.Г. Еще раз об уголовно-процессуальной компетенции начальников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы // Гос. служба и кадры. 2018. № 1. С. 112–116.

2. Гришин Д.А. Взаимодействие при расследовании преступлений // Актуальные проблемы уголовного права, криминологии, уголовного процесса и уголовно-исполнительного права: теория и практика : материалы VI Междунар. науч.-практ. конф., 20–21 апр. 2017. Тамбов, 2017. С. 82–87.

3. Румянцев Н.В., Мальчук О.И., Нуждин А.А. Некоторые аспекты предупреждения проникновения запрещенных предметов на территорию исправительно-го учреждения // Вестн. Моск. ун-та МВД России. 2017. № 5. С. 298–300.

УДК 343.1

Д.В. Перевалов

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ПРАВОВОМУ РЕГУЛИРОВАНИЮ ПОРЯДКА ПРОВЕДЕНИЯ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ

В гл. 3–6 Закона Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности» (Закон об ОРД) [1] установлен перечень оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ), которые могут осуществляться в процессе ведения оперативно-розыскной деятельности (ОРД), предусмотрены основания и условия их проведения, частично определена компетенция государственных органов, уполномоченных осуществлять ОРД (далее – оперативно-розыскные органы), по реализации ОРМ, а также определены иные положения, которые в определенной степени составляют порядок проведения ОРМ.

Организация и тактики проведения ОРМ в различных оперативно-розыскных органах находят свое закрепление в локальных правовых актах. Здесь необходимо учитывать, что под организацией проведения ОРМ в соответствии с подходами, которые сформировались в теории ОРД, следует понимать систему действий оперативных сотрудников, направленных на упорядоченную подготовку и целенаправленное осуществление указанных мероприятий посредством создания для этого необходимых условий и формирования обстоятельств, обеспечи-

вающих их результативное производство [2, с. 30–39; 3, с. 134; 4, с. 205]. На основе имеющихся взглядов, сложившихся в оперативно-розыскной науке [2, с. 39; 4, с. 303–304; 5, с. 19], тактику проведения ОРМ целесообразно рассматривать как разработанную на основе научных положений и обобщения положительного опыта оперативно-розыскной практики, а также с учетом предписаний оперативно-розыскного законодательства и требований оперативной обстановки систему оптимальных приемов и способов проведения конкретного ОРМ, применяемых в конкретной оперативно-розыскной ситуации для эффективного решения задач ОРД.

Следует отметить, что ни в уголовном, ни в административном процессе не рассматривается порядок следственных или административно-процессуальных действий. В первом случае почти всегда речь идет об общих и иных правилах производства [7, с. 10–79; 8, с. 26–37, 59–170] либо о структуре тактики следственных (процессуальных) действий [9, с. 18–28; 10, с. 38–43], во втором – о стадиях производства по делам об административных правонарушениях [11, с. 331–337; 12, с. 729–740].

В контексте рассматриваемой проблемы порядок проведения ОРМ целесообразно определять как последовательное осуществление сотрудниками оперативно-розыскных органов взаимосвязанных действий, которые составляют ход производства конкретного ОРМ и выполняются в соответствии с правилами, выработанными практикой и установленными действующими актами оперативно-розыскного законодательства. Исходя из положений Закона об ОРД, а также в соответствии со сложившейся практикой и с учетом имеющихся в теории ОРД подходов [6, с. 201–211] представляется обоснованным выделить следующие этапы, составляющие порядок проведения ОРМ.

Первый этап – определение оснований для проведения ОРМ. На данном этапе устанавливаются обстоятельства, составляющие основания для проведения ОРМ, предусмотренные ст. 16 Закона об ОРД. Под основаниями для проведения ОРМ целесообразно понимать юридические факты (события или действия), наличие которых позволяет сотрудникам оперативно-розыскных органов в пределах своей компетенции принять решение об осуществлении ОРМ. Основания проведения ОРМ можно классифицировать по различным признакам. Однако для более четкого понимания их роли и значения в ОРД следует выделить фактические и юридические основания. При наличии достаточных оснований сотрудником оперативного розыскного органа принимается решение о проведении ОРМ (при их отсутствии – о непроведении мероприятия).

Второй этап – выполнение условий проведения ОРМ. Этот этап предусматривает обязательное выполнение условий проведения ОРМ,

предусмотренных в ст. 19–47 и в некоторых других положениях Закона об ОРД. Условия проведения ОРМ представляют собой совокупность специальных требований и правил, которая определяет обстоятельства проведения сотрудниками оперативно-розыскных органов конкретного ОРМ и его правомерность. В целом все условия проведения ОРМ можно разделить на три группы: общие, специальные и особенные. Выполнение условий, как и наличие оснований, обеспечивает законность проведения ОРМ.

Третий этап – организация проведения ОРМ с учетом тактических особенностей его производства в конкретной оперативно-розыскной ситуации. Данный этап предусматривает создание условий организационно-тактического характера для успешного проведения ОРМ. В этом контексте представляется справедливой позиция А.Ю. Шумилова, который выделяет фазы подготовки ОРМ: планирование (разработка плана проведения ОРМ и при необходимости его утверждение у руководства и т. п.); поиск (приобретение и подготовка) сыскных сил; поиск и приобретение средств для успешного проведения ОРМ (специальные технические средства, транспортные средства, документы оперативного прикрытия, инструменты, приспособления и т. п.); формирование среды для оптимального проведения ОРМ и др. [6, с. 203]. Во многом сходны действия по подготовке ОРМ и следственных действий. Исследователи, в частности, в состав подготовки таких действий включают: уяснение и формулировку задач процессуального действия, которые отражаются в соответствующем плане; решение вопросов, связанных с определением момента его проведения и круга участников, использованием технико-криминалистических приемов и средств; определение формы и пределов использования оперативных возможностей, помощи общественности и специалистов. Указывается на необходимость сбора информации о лицах, в отношении которых планируется проведение следственного действия [9, с. 21–22; 10, с. 39–40].

На основании изложенных подходов в состав организации проведения ОРМ целесообразно включать следующие стадии: получение, накопление, анализ и оценку информации, требуемой для проведения ОРМ; определение задач, которые необходимо решить при проведении конкретного ОРМ, исходя из конкретной оперативно-розыскной ситуации; обоснование целесообразности осуществления ОРМ с учетом его доступности и эффективности; сбор сведений о лицах, в отношении которых планируется проведение ОРМ; определение исполнителей ОРМ и лиц, которые привлекаются к его подготовке и проведению, а также обеспечивающих его производство подразделений; определение переч-

ня технических, информационных, материальных и иных средств, которые требуются для успешного проведения ОРМ; определение времени (даты) и срока проведения ОРМ; разработка оптимальных тактических приемов проведения ОРМ; подготовка плана проведения ОРМ, в котором должны найти отражение все указанные элементы.

Четвертый этап – оформление задания на проведение ОРМ (в тех случаях, когда это необходимо). Данный этап включает в себя подготовку письменного поручения соответствующему структурному подразделению, которое уполномочено проводить конкретное ОРМ. Это связано с двумя обстоятельствами: во-первых, в соответствии с ч. 4 ст. 31 и ч. 3 ст. 32 Закона об ОРД контроль в сетях электросвязи, проводимый с подключением к сетям (средствам) электросвязи граждан или организаций, предоставляющих услуги электросвязи, контроль почтовых отправлений проводятся с использованием сил и средств органов внутренних дел, государственной безопасности и Оперативно-аналитического центра при Президенте Республики Беларусь (кроме того, таможенные органы проводят слуховой контроль и оперативное внедрение с использованием сил и средств указанных органов (ч. 12 ст. 19 Закона об ОРД)); во-вторых, некоторые ОРМ могут осуществляться только специально подготовленными сотрудниками соответствующих структурных подразделений. Задание фактически является формой требования о проведении ОРМ. Необходимо также учитывать, что при привлечении отдельных лиц к проведению ОРМ ряд таких мероприятий может или должен проводиться по специальному заданию (ч. 10 ст. 19 Закона об ОРД).

Пятый этап – непосредственное производство ОРМ. Поскольку в соответствии с ч. 8 ст. 19 Закона об ОРД ОРМ подготавливается и проводится должностным лицом органа, осуществляющего ОРД, данный этап включает в себя осуществление оперативными сотрудниками соответствующих действий гласного или негласного характера, которые направлены на получение информации, необходимой для решения задач ОРД. Содержание таких действий определено ст. 21–34 Закона об ОРД и локальными правовыми актами оперативно-розыскных органов. В ходе проведения ОРМ реализуются наиболее оптимальные тактические приемы, связанные, например, с местом или временем его проведения.

Шестой этап – фиксация хода и результатов ОРМ. На этом этапе осуществляется документальное оформление процесса проведения ОРМ, а также полученных в итоге фактических данных. В соответствии со ст. 20 Закона об ОРД должностное лицо оперативно-розыскного органа, проводившее ОРМ, составляет оперативно-служебный документ, в котором указывает наименования средств негласного получения (фикса-

ции) информации и иных использованных средств, их модели, а также полученные сведения. Оперативно-служебный документ подписывается данным должностным лицом, к нему прилагаются предметы и документы, полученные при проведении ОРМ.

Седьмой этап – прекращение производства ОРМ. Прекращение производства ОРМ включает в себя принятие соответствующего решения, которое в установленных случаях должно быть оформлено постановлением (ч. 3 ст. 46 Закона об ОРД). Основания для прекращения ОРМ указаны в ч. 1 и 2 ст. 46 Закона об ОРД.

В настоящее время порядок проведения ОРМ Законом об ОРД четко не определен. В целях конкретизации процессуально-процедурных аспектов осуществления ОРМ, упорядочивания правовой регламентации действий оперативных сотрудников по получению оперативно значимой информации представляется целесообразным такой порядок закрепить в Законе об ОРД.

1. Об оперативно-розыскной деятельности [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 15 июля 2015 г. № 307-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Респ. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2020.
2. Теория оперативно-розыскной деятельности : учебник / О.А. Вагин [и др.] ; под ред. К.К. Горяинова [и др.]. М., 2016.
3. Михайлов В.И., Федоров А.В. Таможенные преступления : уголовно-правовой анализ и общие вопросы оперативно-розыскной деятельности. СПб., 1999.
4. Оперативно-розыскная энциклопедия / авт.-сост. проф. А.Ю. Шумилов. М., 2004.
5. Мешков В.М., Попов В.Л. Оперативно-розыскная тактика и особенности легализации полученной информации в ходе предварительного следствия : учеб.-практ. пособие. М., 1999.
6. Шумилов А.Ю. Курс основ оперативно-розыскной деятельности : учеб. для вузов. М., 2008.
7. Шкаплеров Ю.В., Данько И.В. Следственные действия : пособие. Могилев, 2016.
8. Шейфер С.А. Следственные действия. Основания, процессуальный порядок и доказательственное значение. Самара, 2004.
9. Дулов А.В., Нестеренко П.Д. Тактика следственных действий. Минск, 1971.
10. Белкин Р.С., Лифшиц Е.М. Тактика, следственных действий. М., 1997.
11. Административное право : в 2-х ч. / А.И. Сухаркова [и др.] ; под общ. ред. И.В. Козелецкого, А.И. Сухарковой. Минск, 2013. Ч. 2. Административно-деликтное право. Административно-исполнительное право.
12. Бахрах Д.Н., Россинский Б.В., Стариков Ю.Н. Административное право : учебник. М., 2008.

УДК 343.985.8

С.В. Пилюшин

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ПО БОРЬБЕ С ЭКОНОМИЧЕСКИМИ ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ПО РАБОТЕ С ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ИНФОРМАЦИЕЙ

Эффективное функционирование подразделений по борьбе с экономическими преступлениями органов внутренних дел (БЭП) в современных условиях развития общества является весьма актуальной проблемой. Решение ее возможно путем постоянного повышения уровня осведомленности о происходящих процессах в финансово-хозяйственной деятельности объектов (сфер) экономики, а также на основе анализа полученной информации, что позволяет оптимизировать использование сил и средств, имеющихся в распоряжении правоохранительных органов. В этой связи возрастает значение деятельности подразделений БЭП по оперативному обслуживанию объектов (сфер) экономики с учетом их реальных возможностей по поиску, анализу и накоплению оперативно-розыскной информации.

Под оперативно-розыскной информацией в теории оперативно-розыскной деятельности К.К. Горяинов, В.С. Овчинский понимают разновидность социальной информации, специфичной по цели получения (борьба с преступностью), методам получения и режиму использования, обеспечивающим конспирацию, надежную зашифровку источников (в случае необходимости), возможность проверки сообщаемых сведений и их применение только специальными субъектами.

Следует обратить внимание, что специфика деятельности оперативных подразделений вносит свои коррективы в требования, предоставляемые к оперативно-розыскной информации. В частности, применительно к оперативно-розыскной информации, возникающей в сфере экономической деятельности, последняя становится для сотрудников подразделений БЭП средством познания широкого круга социальных явлений, в том числе связанных криминогенными процессами. Многие из этих явлений довольно полно изучены юридическими науками. Тем не менее, рассматривая их через призму ОРД, особый интерес представляют явления, порождаемые преступлением, наличие либо обнаружение которых позволяет судить о вероятности его совершения. Оперативно-розыскная информация в сфере экономической деятельности дает знания о предметах, которые могут стать вещественными доказательствами (финансовые документы, товарно-материальные ценности, денеж-

ные средства и т. д.), местах их хранения (сокрытия), способах вывода и легализации, что в целом может отражать механизм реализации преступных замыслов, прямо или косвенно указывать на наличие состава противоправного деяния в действиях конкретных лиц.

Вместе с тем не всякая поступающая информация представляет ценность, например информация, полученная в результате противодействия преступной среды, направленная на введение в заблуждение сотрудников подразделений БЭП; добываемая лицом с недостаточным уровнем профессионального опыта; несвоевременно полученная, и т. д. Данные факторы влияют на выбор и осмысление такого рода явлений, способствуют выделению наиболее значимой информации.

Ценность оперативно-розыскной информации в процессе оперативного обслуживания объектов (сфер) может заключаться в возможности: отражения объективных явлений, связанных с криминогенными процессами, происходящими на обслуживаемых объектах; правовой оценки действий должностных и иных лиц; выбора соответствующей оперативно-розыскной тактики и т. п. Приоритетное значение придается информации, позволяющей сформировать представление о способах совершения преступлений, так как на этой основе можно выдвигать оперативно-розыскные версии и осуществлять соответствующие оперативно-розыскные мероприятия.

Тем не менее в дальнейшей работе с оперативно-розыскной информацией важным является создание эффективных методов ее редукции, т. е. выделение оперативно значимой информации из получаемой первичной при помощи выработанных критериев для анализа. Решению данной проблемы может способствовать разработка и использование программных средств, обеспечивающих функционирование процессов на более совершенном технологичном уровне.

Наиболее востребованными в деятельности сотрудников подразделений БЭП в настоящее время являются программные средства, позволяющие оптимизировать процессы получения оперативно-розыскной информации в результате анализа сведений, запрашиваемых у операторов сотовой подвижной электросвязи, о телефонных соединениях абонентов, а также сведений банков о движении денежных средств по текущим расчетным счетам.

Следует отметить, что для анализа телефонных соединений в органах внутренних дел используются такие специализированные компьютерные программы, как TelSvLite и GeoCloud 2. Однако их потенциал не в полной мере способствует получению оперативно-розыскной информации, связанной с криминальными процессами в сфере экономики.

Что же касается возможности проведения анализа сведений, истребуемых у банков, то на данном направлении возникают значительные трудности у сотрудников подразделений БЭП. Именно процесс изучения банковских счетов является одним из самых трудоемких, требующих значительных временных затрат.

С целью оптимизации обозначенных процессов по извлечению оперативно-розыскной информации из документов, предоставленных операторами сотовой подвижной электросвязи, а также банками, нами разработаны и запатентованы в Национальном центре интеллектуальной собственности Республики Беларусь две специализированные компьютерные программы: «Электронно-методический комплекс анализа информации» (позволяет на основе анализа сведений о телефонных соединениях в кратчайшие сроки проверять поступающую оперативно-розыскную информацию о фактах причастности проверяемых (разрабатываемых) лиц к противоправной деятельности, планировать проведение оперативно-розыскных и иных мероприятий, эффективно решать задачи противодействия преступности) и «Программа анализа движения денежных средств по текущим (расчетным) банковским счетам физических лиц» (позволяет оптимизировать процессы, связанные с установлением не только материального положения проверяемых (разрабатываемых) лиц, но и извлекать дополнительную оперативно-розыскную информацию, выявлять оперативно-розыскные признаки и способы совершения хищений денежных средств, а также их вывода с использованием банковских счетов).

На основании изложенного полагаем, что использование в правоохранительной деятельности данных компьютерных программ позволит вести активную борьбу по выявлению взяточничества; хищений, совершаемых посредством фиктивного трудоустройства граждан; хищений из средств экономии фонда заработной платы (преимущественно при наличии вакантных должностей); хищений денежных средств путем незачисления в полном объеме заработной платы (иных выплат) или начисления иным лицам (работникам субъекта хозяйствования) и т. д. Внедрение данных программ в деятельность подразделений БЭП позволит пересмотреть устоявшиеся подходы по анализу, накоплению и последующему хранению оперативно-розыскной информации, полученной в процессе оперативного обслуживания объектов (сфер) экономики.

А.П. Стефаненко

**УСЛОВИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СЛЕДОВАТЕЛЯ
И ОРГАНА ДОЗНАНИЯ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ
ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ РАССЛЕДОВАНИЯ
КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ**

Взаимодействие следователя и органа дознания – согласованная по целям, задачам, месту и времени, основанная на законе и подзаконных актах деятельность следователя и оперативного работника (в пределах их компетенции), направленная на своевременное и эффективное выявление и раскрытие преступлений, всестороннее и объективное расследование уголовного дела, а также на розыск скрывшихся преступников. Взаимодействие выражается в объединении сил и средств органов предварительного следствия и дознания в борьбе с преступностью посредством рационального и эффективного использования имеющихся возможностей для достижения общих целей и решения совместных задач. Взаимодействие следователя и органа дознания представляет собой совместную деятельность указанных субъектов, которая осуществляется, как правило, на протяжении всего хода расследования уголовного дела. В случаях расследования уголовных дел коррупционной направленности ввиду их специфики и наличия активного противодействия большую значимость приобретает эффективное оперативно-розыскное сопровождение. В связи с этим взаимодействие в целом и оперативно-розыскное сопровождение указанной категории уголовных дел в частности не могут сводиться только к даче следователем органу дознания поручения выполнить конкретное следственное действие и к исполнению, часто формальному, этого действия. Исполнение поручений подобного рода в большинстве случаев выступает в качестве эпизодической помощи следователю.

Необходимо учитывать и то обстоятельство, что следователь не должен стремиться чрезмерно реализовать свое право использовать возможности органа дознания при расследовании уголовного дела, тем самым частично разгружая собственную занятость. Такой подход в решении задач следствия целесообразен в случае необходимости.

Оперативно-розыскное сопровождение расследования коррупционных преступлений предполагает наличие его четкой организации, инициативность всех участников данного процесса, соблюдение законности, а также предусматривает руководящую роль следователя при самостоятельном выполнении субъектами намеченных ими действий.

Продуктивное оперативно-розыскное сопровождение обусловлено взаимопомощью его субъектов в процессе следствия по конкретному уголовному делу. Надо понимать, что оперативный сотрудник не выполняет функцию подсобного рабочего у следователя, а представляет собой лицо, уполномоченное проводить оперативно-розыскные мероприятия в интересах и по поручению следствия.

Законность и эффективность оперативно-розыскного сопровождения при расследовании коррупционных преступлений обеспечивается не только строгим соблюдением уголовно-процессуальных норм, непосредственно регулирующих отношения взаимодействующих сторон, но и выполнением ряда условий, продиктованных нормами других законов и ведомственных инструкций, регламентирующих деятельность субъектов взаимодействия.

К условиям оперативно-розыскного сопровождения можно отнести:

осуществление оперативно-розыскного сопровождения органом дознания в пределах предоставленных ему законом полномочий (соблюдая данное условие, следователь не вправе поручать и требовать от органа дознания выполнения действий, выходящих за пределы компетенции указанного органа, или действий, совершение которых законом отнесено к ведению следователя (например, привлечение лица в качестве обвиняемого, составление обвинительного заключения по уголовному делу); по нашему мнению, следователь обязан учитывать фактическую возможность проведения поручаемых оперативно-розыскных мероприятий и процессуальных действий); оперативно-розыскное сопровождение предоставляет следователю возможность осуществлять расследование уголовного дела с использованием сил и средств органа дознания; поручение следователя выполнить действия, выходящие за пределы его полномочий, необходимо расценивать как грубое нарушение им своих процессуальных обязанностей, а в тех случаях, если они не связаны с расследованием уголовного дела, – как злоупотребление служебными полномочиями); организующую роль следователя и его процессуальную независимость (следователь, как лицо, ответственное за ход и результаты расследования уголовного дела, самостоятельно планирует и реализует проведение оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий, не руководствуясь мнениями заинтересованных лиц);

недопустимость разглашения сведений о средствах и методах оперативно-розыскной деятельности органов дознания (разглашение указанных сведений может привести к затруднению обнаружения подготавливаемых, совершаемых или совершенных преступлений, а также способствовать сокрытию причиненного ими ущерба);

самостоятельность и независимость органа дознания в выборе средств, способов и методов проведения оперативно-розыскных мероприятий (на органы дознания возлагается функция принятия необходимых оперативно-розыскных и процессуальных мер в целях выявления и раскрытия преступлений, а также розыска лиц, их совершивших; основным средством решения обозначенных задач является оперативно-розыскная деятельность; следователь не вправе требовать исполнения его поручения (проведения конкретного оперативно-розыскного мероприятия) определенным способом или с использованием указанного им средства); в таких случаях орган дознания как специальный орган, уполномоченный на осуществление оперативно-розыскной деятельности и наиболее компетентный в вопросах проведения оперативно-розыскных мероприятий, сам определяет эффективные и оптимальные способы достижения поставленных целей).

Таким образом, мы приходим к закономерному выводу о том, что оперативно-розыскное сопровождение расследования коррупционных преступлений является неотъемлемой, а нередко абсолютно необходимой частью уголовно-процессуальной деятельности, имеющей свои особенности и отличительные черты, субъекты которой тесно взаимодействуют между собой в процессе решения общих задач.

УДК 343.985

Д.Л. Харевич

СУЩНОСТЬ И СИСТЕМА ПРИЗНАКОВ НЕКОТОРЫХ ЛАТЕНТНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Одним из способов выявления ранее неизвестной (первичной) информации, представляющей оперативный интерес, является оперативный поиск. Его теоретические основы заложены в работах А.С. Вандышева, А.Ф. Волынского, Д.В. Гребельского, А.Г. Лекаря, Я.В. Нелюбина, В.Г. Самойлова и получили дальнейшее развитие в трудах А.В. Губина, В.В. Дюкова, В.Ф. Луговика, В.И. Моисеенко, В.И. Нефедова, А.В. Пивоварчика и др. В научной литературе общепризнано мнение о том, что сущность оперативного поиска составляют приемы оперативного распознавания различных объектов по определенным поисковым признакам [1, с. 453].

Ученые разделяют поисковые признаки на групповые (позволяющие установить групповую принадлежность объекта) и индивидуальные (дающие возможность идентифицировать объект как конкретное лицо,

предмет) [2, с. 120]. Групповые признаки чаще используются в ходе оперативного поиска по выявлению латентных преступлений, индивидуальные – при поиске лиц, совершивших неочевидные преступления, розыске преступников.

В научной литературе отмечается, что поисковые признаки являются элементом оперативно-розыскной характеристики (информационной модели) преступлений определенного вида и возникают в результате обобщения опыта их выявления, раскрытия. Среди исследователей распространено мнение о том, что наибольшее значение имеют признаки, которые доступны для восприятия оперативными сотрудниками и однозначно указывают на причастность к преступлению [1, с. 452; 3, с. 144]. Обнаружение такого поискового признака дает основание для выдвижения и проверки версии о причастности лица к подготовке, совершению преступления, об относимости к нему объекта – носителя поискового признака. В связи с этим отыскание и систематизация подобных признаков являются существенным подспорьем для повышения эффективности оперативно-розыскной деятельности (ОРД) и важной прикладной исследовательской задачей.

Научная разработка поисковых признаков затрудняется отсутствием достаточной эмпирической базы. Для восполнения указанного пробела нами исследованы и систематизированы некоторые групповые поисковые признаки совершения таких латентных преступлений, как незаконный оборот наркотиков и торговля людьми, в ходе изучения дел оперативного учета и интервьюирования практических сотрудников.

Поисковые признаки могут использоваться для решения различных задач на каждом из этапов ведения ОРД. Наиболее актуальной задачей, стоящей при ведении оперативного поиска, является выявление признаков, указывающих на преступление либо причастное к этому лицо. Например, к признакам нахождения наркотиков в почтовом отправлении относятся: сильный или необычный запах, исходящий от отправления; наличие в нем порошкообразного вещества; обратный адрес или адрес отправителя отсутствует, указан неполно, его невозможно прочесть или он записан нарочито небрежно; указанное в обратном адресе государство не соответствует наименованию государства на почтовой марке или почтовом штампе либо является государством происхождения наркотиков; в качестве адреса указан абонентский ящик, отель или организация при отсутствии персональных данных отправителя либо получателя; отправление направлено в несуществующий адрес либо в адрес несуществующего человека и др. [4, с. 23; 5, с. 352]. Признаками, по которым можно выявить перевозчика наркотиков, являются:

несоответствие во внешнем облике и заявляемом пассажиром статусе (например, неряшливо одетый пассажир с дорогостоящим чемоданом); необычное поведение пассажира (например, лицо избегает встреч глазами с сотрудниками правоохранительных органов, суетливо себя ведет). Курьер-глотатель во время длительных переездов (перелетов) отказывается пить воду и принимать пищу, чтобы не повредить находящиеся в пищеварительном тракте капсулы с наркотиками [5, с. 352]. В ходе проведения отработок, рейдов в местах возможной эксплуатации жертв торговли людьми (общежития, гостиницы, рынки, стройки) может использоваться такой поисковый признак, как нахождение лица в базе данных пропавших без вести.

Поисковые признаки могут использоваться не только при оперативном поиске, но и при осуществлении иных видов деятельности в ходе ведения ОРД. Например, А.М. Шинкевич выделяет признаки подозрительной деятельности при осуществлении оперативного обслуживания сферы закупок товаров, работ и услуг, которые по своей сущности сходны с поисковыми признаками [6]. Последние могут также применяться после обнаружения первичной информации, например в ходе различных проверочных действий, т. е. логика познания движется в обратном направлении: от лица к поисковому признаку, который выполняет проверочную функцию. В этом случае можно говорить о проверочных признаках. Среди них можно выделить те, которые могут быть выявлены лишь в ходе оперативного поиска. Так, на подготовку к эксплуатации жертв торговли людьми за рубежом указывает несоответствие профиля учреждения, куда будет трудоустроиваться потенциальная жертва, обещанному ей виду деятельности. Например, лицо приглашают на работу официантом в организацию, как показывает проверка, являющуюся массажным салоном, в котором не работают официанты, и др. [7, с. 182].

Некоторые признаки используются с целью более полного установления обстоятельств дела на последующих этапах ведения ОРД, при производстве оперативно-розыскных мероприятий и неотложных следственных действий на месте происшествия. Например, при обнаружении перевозимого или хранящегося растительного сырья по его внешнему виду можно определить, завезено оно издалека или имеет местное происхождение. Привозное сырье в большинстве случаев достаточно плотно спрессовано, ломкое при обращении, в ряде случаев измельчено. Высушенная конопля имеет относительно слабый (выветрившийся) запах, более темный (до коричневого) цвет, а также признаки старения. У сырья местного происхождения более светлый цвет, насыщенный запах, оно не пересушено до ломкости. Такие признаки дают возможность

выдвигать и проверять версию о причастности к межрегиональному (международному) наркобизнесу.

В ходе наблюдения или оперативного осмотра (негласного или гласного) в помещении могут быть обнаружены признаки функционирования наркопритона. К наиболее характерным из них следует отнести: наличие в помещении запаха химических веществ (ацетон, аммиак), специфического запаха конопли, мака, жженой травы; запущенность или беспорядок, непригодность помещения, минимум удобств в нем для проживания, отсутствие элементарных предметов быта, посуда со следами изготовления (переработки) наркотиков; признаки многократного использования кухни в качестве места для их изготовления, переработки (покрытые копотью потолки и стены); наличие в помещении использованных шприцов, игл, иных приспособлений для наркопотребления, упаковок из-под наркотиков, сырья и прекурсоров для их изготовления (переработки), а также самих наркотиков; частое посещение помещения лицами, потребляющими наркотические средства, психотропные вещества и их аналоги.

На периодическое появление людей, ухаживающих за посевами наркосодержащих культур, указывают следы автотранспорта, обуви, наличие протоптанных тропинок к посевам, местам хранения инструментов и инвентаря, используемого при сельскохозяйственных работах на участке. Об уходе будут свидетельствовать такие признаки, как наличие скошенных участков, следы сбора урожая (стебли конопли без верхушек, надрезы на головках мака, наличие мест хранения урожая) и др. [8, с. 22–23].

В ряде случаев выявляются менее специфичные, косвенные признаки. Например, признаком причастности к преступной деятельности является принятие лицом мер противодействия (попытки выявления наблюдения и т. д.). К признакам, указывающим на лицо как возможного наркодилера, относятся: наличие внешних признаков наркопотребления, нахождение на учете лиц, допускающих немедицинское потребление наркотиков, прошлое привлечение к ответственности за совершение правонарушения (преступления), связанного с наркотиками. В случае торговли людьми идентифицировать жертву сексуальной эксплуатации можно на основании прошлого привлечения к административной ответственности за занятие проституцией. Признаками жертвы торговли людьми являются следы насилия на теле, сведения об имевшем место заболевании инфекциями, передающимися половым путем, прерывании беременности вне брака и др. [9, с. 114]. Оцениваются данные лица на соответствие типичному профилю жертвы торговли людьми путем

анализа того, являются ли возраст, пол, гражданство, телосложение, внешние данные и поведение заявителя характерными для лица, подвергнувшегося сексуальной или трудовой эксплуатации.

Подобные признаки не специфичны, они не являются достоверным свидетельством криминального события или причастности к нему. Это обуславливает необходимость выявления их в большем количестве, чем приведенных выше. Несмотря на значительный объем работы, данный подход расширяет спектр возможностей оперативных подразделений и может применяться в условиях, когда традиционными подходами невозможно решить задачу выявления преступлений или проверки достоверности информации. Его потенциал в полной мере раскрывается при использовании анализа больших данных при выявлении и раскрытии преступлений, совершаемых с использованием возможностей сети Интернет [10, с. 467–470], растрового поиска [11].

Таким образом, поисковые и проверочные признаки можно рассматривать как типичные следы-отражения, формирующиеся под влиянием особенностей, свойств (черт) подготовки, совершения, сокрытия преступления, а также личности преступников, жертв.

Классификация групповых признаков может быть проведена по ряду оснований. В зависимости от объекта, следы (свойства) которого они отражают, можно выделить признаки: лиц (замышляющие, подготавливающие, совершающие, совершившие преступление или причастные к нему, их связи, очевидцы преступления; разыскиваемые преступники и граждане, осведомленные о их местонахождении; лица, от которых можно ожидать совершения преступления; лица, которые могут оказывать конфиденциальное содействие); действий (по подготовке, совершению, сокрытию преступления, противодействию раскрытию или расследованию); материальных объектов (добытое преступным путем или разыскиваемое имущество, предметы преступного посягательства, орудия (средства) совершения преступления, его материальные следы, предметы и документы, являющиеся их носителями); обстоятельств (взаимосвязи (взаимоотношения) между перечисленными лицами, действиями, объектами).

В зависимости от решаемой задачи выделяются поисковые, проверочные признаки, а также признаки, используемые при оперативном обслуживании. Ряд признаков могут играть двойную роль: они используются при поиске и проверке версии о причастности лица к совершению преступления. Степень взаимосвязи между признаком и преступным событием является критерием разграничения прямых и косвенных признаков.

Наряду с необходимостью выделения одного или нескольких прямых признаков полагаем перспективным развитие методики использования совокупности косвенных признаков, особенно если они более доступны для восприятия, чем прямые, но тщательно скрываются.

1. Теория оперативно-розыскной деятельности : учебник / под ред. К.К. Горяинова, В.С. Овчинского, Г.К. Сенилова. М., 2006.
2. Основы оперативно-розыскной деятельности : учеб. пособие / С.С. Малыгин [и др.] ; под ред. А.Е. Чечетина. Барнаул, 2007.
3. Софронов В.Н. Оперативно-розыскные проблемы борьбы с преступлениями против собственности. М., 2014.
4. Харевич Д.Л. Способы сокрытия следов преступления и уклонения от уголовной ответственности при перевозке (пересылке) наркотиков // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями : материалы Междунар. науч.-практ. конф. : в 2 ч. Барнаул, 2018. Ч. 1. С. 22–24.
5. Харевич Д.Л. Использование профайлинга для выявления контрабанды наркотиков // Органы пограничной службы Республики Беларусь: история и современность : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 3 мая 2018 г. : в 3 ч. Минск, 2018. Ч. 1. С. 351–355.
6. Шинкевич А.М. Коррупционные риски и признаки подозрительной деятельности в сфере закупок // Актуальные вопросы современной юридической науки: теория, практика, методика : сб. материалов II Междунар. заоч. науч. конф., Могилев, 19 мая 2017 г. Могилев, 2017. С. 750–752.
7. Харевич Д.Л. О некоторых способах воздействия на потерпевшего по делам о торговле людьми // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Серия D. 2018. № 5. С. 179–184.
8. Пронина Е.Ю., Макарова С.В., Шабурова Е.Е. Особенности расследования преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ : метод. рекомендации. Домодедово, 2010.
9. Харевич Д.Л. О признаках, раскрывающих содержание субъективной стороны торговли людьми // Борьба с преступностью: теория и практика : тез. докл. VI Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 70-летию образования Могил. ин-та МВД, Могилев, 2–3 апр. 2018 г. Могилев, 2018. С. 113–115.
10. Теория оперативно-розыскной деятельности : учебник / А.Л. Осипенко [и др.] ; под ред. К.К. Горяинова, В.С. Овчинского. М., 2018.
11. Харевич Д.Л. Некоторые прикладные аспекты проведения растрового поиска полицией ФРГ // Информационные технологии в управлении, обучении, правоохранительной деятельности : сб. материалов V Междунар. электрон. науч. конф., Вологда, 15 окт. 2018 г. Вологда, 2019. С. 47–50.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АБРАМОВА Наталья Геннадьевна – доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Псковского филиала Академии ФСИН России, кандидат юридических наук.

АВРАМЕНКО Алексей Анатольевич – младший научный сотрудник лаборатории исследования материалов, веществ и изделий научного отдела технических, криминалистических и специальных исследований Научно-практического центра Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь.

АЛЕКПЕРОВ Руслан Ракбер оглы – преподаватель кафедры уголовного процесса Академии МВД Республики Беларусь.

АЛЕКСАНДРОВА Ольга Павловна – старший преподаватель кафедры организации режима и оперативно-розыскной деятельности в уголовно-исполнительной системе Псковского филиала Академии ФСИН России.

АНИЩЕНКО Инесса Алексеевна – начальник кафедры криминалистических экспертиз следственно-экспертного факультета Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

АНОСОВ Игорь Викторович – главный судебный эксперт Харьковско-го научно-исследовательского экспертно-криминалистического центра МВД Украины.

АНЧАБАДЗЕ Нугзари Акакиевич – начальник кафедры исследования документов учебно-научного комплекса экспертно-криминалистической деятельности Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук.

АРТАМОНОВА Елена Александровна – доцент кафедры уголовного права и процесса Юридического института Северо-Кавказского федерального университета, кандидат юридических наук, доцент.

БАЛКО Владимир Иванович – преподаватель правовых дисциплин Высшего колледжа «Кайнар» (г. Семей, Республика Казахстан).

БАРИНОВА Ольга Александровна – доцент кафедры оружейведения и трасологии учебно-научного комплекса судебной экспертизы Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя, доцент кафедры цифровой криминалистики Московского государственного технического университета им. Н.Э. Баумана, кандидат юридических наук.

БОСАК Елена Евгеньевна – преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин Псковского филиала Академии ФСИН России.

БОШУКОВА Елена Владимировна – старший преподаватель кафедры уголовного права и уголовного процесса юридического факультета Витебского государственного университета им. П.М. Машерова.

БУДАНОВА Людмила Юрьевна – старший преподаватель кафедры организации режима и оперативно-розыскной деятельности в уголовно-исполнительной системе Псковского филиала Академии ФСИН России, кандидат юридических наук.

ВАСИЛЬЧЕНКО Андрей Владимирович – доцент кафедры криминалистики Уфимского юридического института МВД России, кандидат медицинских наук, доцент.

ВЕСЕЛОВ Николай Юрьевич – доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Криворожского факультета Национального университета «Одесская юридическая академия», кандидат юридических наук, доцент.

ВОЛОБУЕВ Анатолий Федотович – профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин и судебных экспертиз Донецкого юридического института МВД Украины, доктор юридических наук, профессор.

ВОЛОДИНА Юлия Геннадьевна – младший научный сотрудник лаборатории экономических исследований Научно-практического центра Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь.

ВУЙМА Анастасия Геннадьевна – адъюнкт Харьковского национального университета внутренних дел.

ГАВРИЛЮК Марина Юрьевна – магистрант Криворожского факультета Национального университета «Одесская юридическая академия».

ГАЛЯШИНА Елена Игоревна – профессор кафедры судебных экспертиз Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина, доктор юридических наук, доктор филологических наук.

ГОРОВАЯ Инесса Андриановна – старший преподаватель кафедры расследования преступлений следственно-экспертного факультета Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук.

ГРИШИН Дмитрий Алексеевич – старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики юридического факультета Академии ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент.

ГУЛИНА Елена Витальевна – старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики юридического факультета Бурятского государственного университета им. Д. Банзарова, кандидат юридических наук.

ГУСЕНЦОВ Александр Олегович – заместитель начальника кафедры криминалистики Академии МВД Республики Беларусь, кандидат медицинских наук, доцент.

ДЕМЬЯНОВ Никита Александрович – инспектор первого отдела управления Департамента финансовых расследований Комитета государственного контроля Республики Беларусь по Витебской области.

ДРОЗД Александра Николаевна – старший преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки факультета милиции Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук.

ДУБЕНЦЕВ Сергей Александрович – старший научный сотрудник лаборатории экономических исследований Научно-практического центра Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь.

ДБЯКОНОВА Оксана Геннадьевна – доцент кафедры судебных экспертиз Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина, кандидат юридических наук, доцент.

ДЯТЛОВ Владислав Эдуардович – курсант факультета милиции Академии МВД Республики Беларусь.

ЕМЕЦ Олег Николаевич – доцент кафедры оперативно-розыскной деятельности Национальной академии внутренних дел (Украина), доктор юридических наук, доцент.

ЕФРЕМЕНКО Николай Васильевич – доцент кафедры криминалистических экспертиз следственно-экспертного факультета Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

ЗАВОРИНА Елена Петровна – преподаватель кафедры уголовного процесса и организации досудебного следствия Харьковского национального университета внутренних дел, кандидат юридических наук.

ЗАДОРОВ Александр Геннадьевич – доцент кафедры исследования документов учебно-научного комплекса экспертно-криминалистической деятельности Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук.

ЗАЙЦЕВ Владимир Петрович – адъюнкт научно-педагогического факультета Академии МВД Республики Беларусь.

ЗОРИН Роман Георгиевич – начальник научного отдела методического и информационного обеспечения судебно-экспертной деятельности Научно-практического центра Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

ЗУБКО Андрей Сергеевич – курсант Института пограничной службы Республики Беларусь.

ИЛЬИН Николай Николаевич – заведующий кафедрой судебно-экспертной и оперативно-розыскной деятельности факультета подготовки криминалистов Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, кандидат юридических наук.

КАЧАЛОВА Оксана Валентиновна – руководитель научного направления исследования проблем уголовного судопроизводства Научного центра исследования проблем правосудия Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук.

КАШИНСКИЙ Михаил Юльевич – докторант научно-педагогического факультета Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

КЛИМОВИЧ Юрий Сергеевич – заместитель начальника кафедры уголовного процесса Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

КОВАЛЁВ Олег Николаевич – оперативный сотрудник Комитета государственной безопасности Республики Беларусь.

КОЗЕЛ Валерий Михайлович – старший преподаватель кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики юридического факультета Гродненского государственного университета им. Я. Купалы.

КОМАРЕНКО Олег Александрович – преподаватель кафедры уголовного процесса и организации досудебного следствия Харьковского национального университета внутренних дел.

КОСТЕНКО Константин Анатольевич – заведующий кафедрой уголовного процесса Хабаровского филиала Московской академии Следственного комитета Российской Федерации.

КРАСИКОВ Владимир Сергеевич – доцент кафедры криминалистики юридического факультета Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

КУПИН Алексей Федорович – инспектор отдела исследования проблем технико-криминалистического и экспертного сопровождения расследования преступлений управления научно-исследовательской деятельности (научно-исследовательского института криминалистики) Главного управления криминалистики (Криминалистического центра) Следственного комитета Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент.

ЛАПИНА Ирена Александровна – ректор Института повышения квалификации и переподготовки кадров Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

ЛИТОВСКИЙ Александр Геннадьевич – главный судебный эксперт сектора дактилоскопических исследований отдела криминалистических видов исследований Харьковского научно-исследовательского экспертно-криминалистического центра МВД Украины.

ЛОГВИН Вячеслав Михайлович – профессор кафедры криминалистики Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

ЛОСЕВА Виктория Геннадьевна – старший преподаватель кафедры пограничного контроля Института пограничной службы Республики Беларусь.

ЛУЖИНСКАЯ Елена Леонидовна – старший преподаватель кафедры криминалистических экспертиз следственно-экспертного факультета Академии МВД Республики Беларусь.

МАРТЫНОВ Артём Олегович – адъюнкт научно-педагогического факультета Академии МВД Республики Беларусь.

МАРЦЫНКЕВИЧ Наталья Анатольевна – старший преподаватель кафедры расследования преступлений следственно-экспертного факультета Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук.

МЕЛЕШКО Валерий Владимирович – профессор кафедры уголовного процесса Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

МЕЛЬКОВСКИЙ Александр Викторович – доцент кафедры уголовного права и правосудия юридического факультета Запорожского национального университета, кандидат юридических наук, доцент.

МЕРЕЖКО Григорий Васильевич – профессор кафедры криминалистики Академии МВД Республики Беларусь, кандидат медицинских наук, доцент.

МИЛИЧ Иван – ассистент юридического факультета Нови-Садского университета (Сербия), доктор юридических наук.

НИКИШИН Владимир Дмитриевич – директор Центра академического развития и образовательных инноваций, старший преподаватель кафедры судебных экспертиз Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина, кандидат юридических наук.

НУЖДИН Андрей Александрович – докторант факультета подготовки научно-педагогических кадров Академии ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент.

ОРЛОВА Татьяна Анатольевна – доцент кафедры криминалистики и судебной экспертологии и домедицинской подготовки Харьковского национального университета внутренних дел, кандидат юридических наук, доцент.

ОСКОЛКОВ Александр Валерьевич – старший преподаватель факультета подготовки государственных и муниципальных служащих по кафедре уголовно-правовых дисциплин Псковского филиала Академии ФСИН России.

ПАВЛОВЕЦ Галина Александровна – доцент кафедры уголовного процесса Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

ПАРФЕНЮК Катерина Михайловна – судебный эксперт Ровенского научно-исследовательского экспертно-криминалистического центра МВД Украины.

ПЕРЕВАЛОВ Дмитрий Васильевич – профессор кафедры оперативно-розыскной деятельности Института пограничной службы Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

ПИЛЮШИН Святослав Викторович – старший преподаватель кафедры оперативно-розыскной деятельности факультета милиции Академии МВД Республики Беларусь.

ПОДПОЛУХО Максим Михайлович – заместитель начальника управления экспертиз документов, денежных знаков и почерка главного управления криминалистических экспертиз центрального аппарата Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь – начальник отдела почерковедческих экспертиз.

РОМАНЮК Виталий Владимирович – доцент кафедры уголовного процесса и организации досудебного следствия факультета № 1 Харьковского национального университета внутренних дел, кандидат юридических наук.

РОПОТ Руслан Михайлович – временно исполняющий обязанности по должности начальника кафедры криминалистики Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

РУСНАК Дмитрий Иванович – адъюнкт Национальной академии внутренних дел (Украина).

РЫБАК Сергей Вячеславович – декан юридического факультета Международного университета «МИТСО», кандидат юридических наук, доцент.

РЯПОЛОВА Ярослава Петровна – доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики юридического факультета Юго-Западного государственного университета (Российская Федерация), кандидат юридических наук.

САМКО Андрей Викторович – преподаватель кафедры уголовного процесса Академии МВД Республики Беларусь.

САМУЙЛЕНКО Федор Петрович – старший преподаватель кафедры трасологии и баллистики учебно-научного комплекса экспертно-криминалистической деятельности Волгоградской академии МВД России.

СЕМИКАЛЕНОВА Анастасия Игоревна – доцент кафедры судебных экспертиз Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина, кандидат юридических наук.

СЕНЬКО Анатолий Степанович – доцент кафедры правового обеспечения правоохранительной деятельности Института управленческих кадров Академии управления при Президенте Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

СЕРГЕЕВ Сергей Александрович – старший преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин Казахского гуманитарно-юридического инновационного университета.

СЕРГЕЙЧИК Алексей Николаевич – преподаватель кафедры уголовного процесса Академии МВД Республики Беларусь.

СИГЕРИЧ Михаил Ярославович – преподаватель кафедры исследования документов учебно-научного комплекса экспертно-криминалистической деятельности Волгоградской академии МВД России.

СИМОНОВА Светлана Валентиновна – начальник кафедры исследования документов учебно-научного комплекса экспертно-криминалистической деятельности Волгоградской академии МВД России.

СОРКИН Владимир Семенович – доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики юридического факультета Гродненского государственного университета им. Я. Купалы, кандидат юридических наук, доцент.

СТЕФАНЕНКО Алексей Петрович – адъюнкт научно-педагогического факультета Академии МВД Республики Беларусь.

ТАГУНОВА Ксения Дмитриевна – старший преподаватель кафедры судебных криминалистических экспертиз Института повышения квалификации и переподготовки кадров Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь.

ТАЛЕЦКИЙ Николай Станиславович – начальник управления Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь по г. Минску.

ТРОПИН Вадим Валентинович – старший преподаватель кафедры оперативно-розыскной деятельности Института пограничной службы Республики Беларусь.

ТРУБЧИК Ирина Степановна – директор Хабаровского филиала Московской академии Следственного комитета Российской Федерации.

УСТИНОВ Артем Анатольевич – председатель Советского районного суда г. Брянска.

ХАРАТИШВИЛИ Антон Георгиевич – заведующий кафедрой уголовного процесса Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент.

СОДЕРЖАНИЕ

ХАРЕВИЧ Дмитрий Людвигович – доцент кафедры оперативно-розыскной деятельности факультета милиции Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

ХОХ Анна Николаевна – заведующая лабораторией исследования материалов, веществ и изделий Научно-практического центра Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь.

ЧВАНКИН Вадим Аркадьевич – доцент кафедры криминалистических экспертиз следственно-экспертного факультета Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

ЧЕРНОВ Вадим Геннадьевич – заместитель заведующего отделом криминалистических видов исследований Харьковского научно-исследовательского экспертно-криминалистического центра МВД Украины, кандидат технических наук.

ШАМАТУЛЬСКИЙ Игорь Александрович – доцент кафедры оперативно-розыскной деятельности факультета милиции Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук.

ШАПОВАЛ Екатерина Анатольевна – адъюнкт Харьковского национального университета внутренних дел.

ШЕВЧЕНКО Сергей Николаевич – судебный эксперт сектора дактилоскопических исследований отдела криминалистических видов исследований Харьковского научно-исследовательского экспертно-криминалистического центра МВД Украины.

ШИНКЕВИЧ Андрей Михайлович – временно исполняющий обязанности по должности заместителя начальника кафедры оперативно-розыскной деятельности факультета милиции Академии МВД Республики Беларусь.

ШУМАК Григорий Александрович – ведущий научный сотрудник лаборатории экономических исследований Научно-практического центра Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь, кандидат юридических наук.

ЯКУБЕЛЬ Мария Михайловна – доцент кафедры уголовного процесса Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

ЯРОЦКАЯ Юлия Александровна – заведующая лабораторией психолого-лингвистических экспертиз Научно-практического центра Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь, кандидат культурологии.

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

Алекперов Р.Р. Состояние здоровья подозреваемого, обвиняемого как обстоятельство, учитываемое при применении к ним меры пресечения в виде заключения под стражу 3

Артамонова Е.А. О предоставлении подсудимому возможности ходатайствовать об особом порядке судебного разбирательства во время подготовительной части судебного заседания 6

Босак Е.Е., Абрамова Н.Г., Осколков А.В. О применении запрета определенных действий как меры пресечения в уголовном процессе России 8

Бошуква Е.В. Проблемные вопросы проведения следственного эксперимента 12

Буданова Л.Ю., Александрова О.П. Отдельные проблемы участия специалиста в уголовном судопроизводстве России 14

Веселов Н.Ю. Теория и практика обеспечения наилучших интересов ребенка в сфере ювенальной юстиции 17

Волобуев А.Ф., Орлова Т.А. Уголовные проступки: обеспечение качественного расследования в Украине 20

Гаврилюк М.Ю., Веселов Н.Ю. Проблемы правовой регламентации исполнения решения об аресте имущества в уголовном производстве в законодательстве Украины 24

Горовая И.А. Достоверность как критерий оценки заключения эксперта 28

Гришин Д.А. Право на квалифицированную юридическую помощь в уголовном судопроизводстве России 31

Гулина Е.В. Задержание по подозрению в совершении преступления в России и Китае: сравнительно-правовой аспект 34

Зайцев В.П., Мелешко В.В. Наложение ареста на электронные деньги 37

Качалова О.В., Устинов А.А. О совершенствовании процедуры санкционирования следственных действий, ограничивающих конституционные права граждан 40

Кашинский М.Ю. Алгоритм постановки стандартных вопросов для проведения судебной психиатрической экспертизы в отношении подозреваемого (обвиняемого) в уголовном процессе 44

Климович Ю.С. О сроках следствия при соединении уголовных дел в одном производстве 47

Логвин В.М. О необходимости совершенствования правовой регламентации проведения освидетельствования 49

<i>Марцынкевич Н.А.</i> Проблемы правового поля использования результатов оперативно-розыскной деятельности в процессе доказывания	53
<i>Романиук В.В.</i> Осуществление досудебного расследования в условиях карантина	57
<i>Рыбак С.В.</i> Экспертиза в Уголовно-процессуальном кодексе Республики Беларусь: терминологический хаос и варианты его преодоления	59
<i>Ряполова Я.П.</i> Цифровизация начальной стадии уголовного процесса: постановка проблемы и перспективы совершенствования уголовно-процессуального законодательства	61
<i>Самко А.В.</i> Заключение под стражу в уголовном процессе Украины и Казахстана: целесообразность имплементации отдельных положений	65
<i>Сенько А.С.</i> Проблемный спектр реализации полномочия следователя на внесение представлений	68
<i>Сергеев С.А., Балко В.И.</i> Проблемные аспекты реализации теории и практики оперативно-розыскной деятельности и негласных следственных действий в уголовном процессе Республики Казахстан и пути их решения	72
<i>Соркин В.С.</i> О защите конституционных прав и свобод граждан в ходе приостановления предварительного расследования уголовного дела	76
<i>Сяргейчык А.М.</i> Паянцце і класіфікацыя доказаў і іх крыніц у крмінальна-працэсуальным заканадаўстве Украіны	78
<i>Тропин В.В., Зубко А.С.</i> О проблемах расследования уголовных дел, связанных с использованием поддельных документов при пересечении Государственной границы Республики Беларусь	81
<i>Трубчик И.С., Костенко К.А.</i> О перспективах совершенствования стадии возбуждения уголовного дела в России	83
<i>Харатишвили А.Г.</i> Правовые основания изъятия предметов и документов на стадии возбуждения уголовного дела	87
<i>Якубель М.М.</i> Уголовно-процессуальный институт понятих в контексте пандемии COVID-19	93

СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

<i>Авраменко А.А.</i> Дендрохронологический анализ в судебной экспертизе древесины, древесных материалов и изделий	97
<i>Анищенко И.А.</i> Проблемы формирования почерка с точки зрения судебного почерковедения	100
<i>Анчабадзе Н.А., Симонова С.В.</i> Особенности исследования подписей, выполненных лицами пожилого и старческого возраста	103
<i>Васильченко А.В.</i> Особенности использования специальных знаний при расследовании случаев неблагоприятных исходов заболеваний (травм) при оказании медицинской помощи	107
<i>Володина Ю.Г., Дубенцев С.А., Шумак Г.А.</i> Проблемы определения стоимости доли участника хозяйственного общества в экспертной практике	109

<i>Вуйма А.Г.</i> Основания для назначения судебно-психиатрических экспертиз при расследовании убийств	111
<i>Галышина Е.И.</i> О достоверности фонограмм, изымаемых из сети Интернет: криминалистический аспект	114
<i>Гусенцов А.О.</i> Возможности исследования и судебно-медицинская оценка отложения металлов вокруг входных огнестрельных повреждений, возникающих в результате рикошета	119
<i>Дьяконова О.Г.</i> Перспективы развития экспертной профилактики	122
<i>Ефременко Н.В.</i> Решение идентификационных задач почерковедческой экспертизы изображений подписей на копиях документов, изготовленных с помощью копировально-множительной техники	126
<i>Задоров А.Г.</i> Некоторые проблемы отождествления удостоверительных печатных форм и пути их решения	130
<i>Зорин Р.Г., Талецкий Н.С.</i> Экспертная профилактика: перспективы развития	133
<i>Ильин Н.Н.</i> Система методов транспортно-технических судебных экспертиз	136
<i>Купин А.Ф., Баринаева О.А.</i> Использование фотограмметрических программ в судебно-экспертной деятельности	139
<i>Лапина И.А., Тагунова К.Д.</i> Организационное обеспечение судебно-экспертной деятельности в Республике Беларусь и Российской Федерации	142
<i>Литовский А.Г., Шевченко С.Н.</i> Проблемы совершенствования средств, приемов, методов работы с дактилоскопической информацией	145
<i>Лосева В.Г.</i> Современные способы персонализации документов	147
<i>Мережко Г.В.</i> Судебная медицина в практике следователей	150
<i>Никишин В.Д.</i> Судебная лингвистическая экспертиза речевых следов криминальной интернет-коммуникации	153
<i>Павловец Г.А., Лужинская Е.Л.</i> Ошибки при назначении портретной экспертизы как фактор, снижающий эффективность доказывания	156
<i>Парфениук К.М.</i> Веские доказательства в суде при нарушении требований земельного законодательства при отводе (передаче) земельных участков в пределах прибрежных защитных полос	160
<i>Подолуха М.М.</i> Актуальные вопросы подготовки материалов для назначения почерковедческих экспертиз по копиям документов	163
<i>Ропот Р.М.</i> Проблемы правовой оценки экспертных ошибок	166
<i>Самуйленко Ф.П.</i> Об анализе условий выстрела при проведении отдельных судебных баллистических экспертиз	170
<i>Семикаленова А.И.</i> Цифровые активы как объект судебной компьютерно-технической экспертизы	173
<i>Сигерич М.Я.</i> Об идентификации внешности человека при неполном отображении элементов лица	177
<i>Хох А.Н.</i> Судебно-экспертные исследования объектов растительного происхождения с использованием дендрохронологического и споропыльцевого анализа в Республике Беларусь	180

<i>Чванкин В.А.</i> Особенности этапа сравнительного исследования признаков внешности при проведении судебной портретной экспертизы	183
<i>Чернов В.Г., Аносов И.В.</i> Особенности экспертного исследования деталей предмета одежды с целью установления целого по частям	186
<i>Шаповал Е.А.</i> Особенности судебно-медицинских исследований, осуществляемых при расследовании убийств, совершенных с применением домашнего насилия	188
<i>Яроцкая Ю.А.</i> Перспективы развития судебной культурологической экспертизы	192

ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

<i>Демьянов Н.А., Шаматульский И.А.</i> Личность преступника как элемент оперативно-розыскной характеристики уклонения от уплаты сумм налогов и сборов	196
<i>Дрозд А.Н.</i> Использование дропов при совершении преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ либо их прекурсоров или аналогов	198
<i>Дятлов В.Э., Шипкевич А.М.</i> Анонимное содействие органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, посредством сети Интернет	203
<i>Емец О.Н., Руснак Д.И.</i> Опыт современной Украины в реформировании законодательства в сфере оперативно-розыскной деятельности	205
<i>Заворина Е.П., Комаренко О.А.</i> Усовершенствование законодательного урегулирования частной детективной деятельности	209
<i>Ковалёв О.Н.</i> Типичные способы сокрытия сотрудниками лесохозяйственных учреждений фактов хищения неучтенной древесины при проведении проверок контролирующими органами	212
<i>Козел В.М.</i> О нравственности оперативно-розыскной деятельности	215
<i>Красиков В.С.</i> Актуальная перспектива совершенствования норм оперативно-розыскного законодательства относительно оперативно-розыскных мероприятий	219
<i>Мартынов А.О.</i> Признаки специальных знаний в теории оперативно-розыскной деятельности	222
<i>Мельковский А.В.</i> Актуальные вопросы обеспечения безопасности общества и личности в условиях существующих современных угроз	226
<i>Милич И.</i> Розыск преступников	230
<i>Нуждин А.А.</i> Значение взаимодействия уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельности в процессе предупреждения пенитенциарных преступлений	233
<i>Перевалов Д.В.</i> Современные подходы к правовому регулированию порядка проведения оперативно-розыскных мероприятий	236
<i>Пиллюшин С.В.</i> Совершенствование деятельности подразделений по борьбе с экономическими преступлениями органов внутренних дел по работе с оперативно-розыскной информацией	241

<i>Стефаненко А.П.</i> Условия взаимодействия следователя и органа дознания при осуществлении оперативно-розыскного сопровождения расследования коррупционных преступлений	244
<i>Харевич Д.Л.</i> Сущность и система признаков некоторых латентных преступлений	246
Сведения об авторах	252

Научное издание

**II Минские
криминалистические
чтения**

Материалы Международной
научно-практической конференции
(Минск, 10 декабря 2020 г.)

В двух частях

Часть 2

Подписано в печать 24.12.2020. Формат 60×84^{1/16}.
Бумага офсетная. Ризография. Усл. печ. л. 15,34. Уч.-изд. л. 15,52.
Тираж 50 экз. Заказ 295.

Издатель и полиграфическое исполнение:
учреждение образования
«Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь».
Свидетельство о государственной регистрации издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий № 1/102 от 02.12.2013.
Пр-т Машерова, 6, 220005, Минск.